

AN AGE GAP
ARRANGED MARRIAGE
MAFIA ROMANCE

SILENT

PERFECTLY IMPERFECT SERIES

Lees

NEVA ALTAJ

Драго

Есть только одно наказание для шпионов и лжецов — медленная и мучительная смерть.

И моя милая, ангельская жена, которая околдовала всех в моем доме, начиная от моих людей до собак, самая худшая предательница из всех.

Но, кажется, и я попал под ее чары.

С каждой улыбкой, с каждым нелепым нарядом, я борюсь изо всех сил, и терплю неудачу.

Я хочу ненавидеть ее, но вместо этого я жажду услышать каждую тихую ложь, слетающую с ее неотразимых губ.

Сиенна

Показываю им только то, что я хочу, чтобы они видели и никогда не впускаю их внутрь.

Вот как я справляюсь с делами.

Может, я и согласилась на этот брак, но я никогда не стану его, никогда не позволю ему заглянуть под мою маску.

Но с каждым днем мне все труднее выполнять свою задачу.

Я борюсь изо всех сил и терплю неудачу.

Я влюбляюсь в человека, которого поклялась предать.

От автора

Один из главных героев этого романа страдает высокочастотной тугоухостью. С таким заболеванием ему трудно слышать некоторые согласные, например С, Х, Ш или Ф (и другие шипящие звуки), которые произносятся на более высоком тоне. В результате речь может звучать приглушенно, особенно при разговоре по телефону, просмотре телевизора или в шумной обстановке. Люди с таким типом тугоухости часто говорят, что они как будто слышат звук речи, но не понимают ее сути. Кроме того, они могут хуже слышать женские и детские голоса, а также другие высокочастотные звуки (например, пение птиц, писк электронных приборов). Кроме того, люди с высокочастотной тугоухостью часто более чувствительны к громким звукам, чем люди без этого заболевания. Воздействие громких звуков часто может вызывать дискомфорт или боль

Пролог

Двадцать лет назад, Сербия

(Драго, 17 лет)

Не знаю, почему я продолжаю смотреть эти предсказуемые триллеры. Может быть, они отвлекают меня от того дерьма, о котором я не хочу думать. Например, о том, что мне нужно сказать своему старику, что я завалил третий год обучения в средней школе. Опять. Или о том, как моя мама выйдет из себя утром, когда поймет, что я разбил свой велосипед. Не то чтобы я мог скрыть тот факт, что моя правая рука и щека ободраны до крови. Было бы неплохо, если бы асфальт хотя бы немного стер чернила, которые гребаный Адам опять облажался. Не надо было позволять ему практиковаться на мне. Потребуется два месяца, чтобы то дерьмо, которое он вытатуировал на моем предплечье, зажило достаточно, чтобы его можно было перебить. И, надеюсь, чем-нибудь не таким отстойным. Это дерьмо больше

похоже на осла, чем на жнеца, которого я велел ему сделать.

Сделав еще один плоток из бутылки, я смотрю на часы рядом с телевизором. Три часа ночи. Мне пора идти наверх и спать. Я обещал девочкам, что завтра свожу их в зоопарк. Дина, наверное, взбесится и заплачет, когда увидит мое лицо. Тара просто попытается потыкать изуродованную плоть.

Я выключаю телевизор и бросаю пульт на журнальный столик. Я уже на полпути через комнату, когда меня отбрасывает назад, к дальней стене, и раздается взрыв, от которого закладывает уши. Боль пронзает правый бок.

Все погружается во тьму.

* * *

Я открываю глаза, но сначала ничего не могу разобрать. Мое зрение затуманено. Резкая боль в затылке и боку. Только через мгновение я понимаю, что лежу на полу, но когда пытаюсь сесть, очередной приступ боли пронзает правое плечо и руку. Я стискиваю зубы и упираюсь левой рукой в стену, каким-то образом умудряюсь встать. На меня накатывает волна головокружения, и я замираю, пытаясь заставить комнату перестать вращаться вокруг меня. Зрение немного проясняется, но я все равно почти ничего не вижу. Воздух спертый, и единственный источник света струится позади меня. Что-то мокрое скользит по моей шее, чуть ниже уха. Я смахиваю его и вижу кровь на своих пальцах. Какого хрена?

Я все еще стою лицом к стене, пытаюсь сориентироваться, когда запах дыма проникает мне в ноздри. Медленно поворачиваюсь и тут же делаю произвольный шаг назад. На противоположной стороне дома, за гостиной и лестницей, ведущей в спальню наверху, на петлях висит дверь в комнату моих родителей. Часть наружной стены отсутствует, и отблеск уличного фонаря освещает обломки, сваленные на кровати и на полу. В воздухе висит пыль.

— Мама! Папа! — Я перепрыгиваю через опрокинутую мебель, но не слышу своего голоса. Я вообще ничего не слышу.

Мои глаза прикованы к обломкам стены, наваленной на кровать, где спали мои родители, пока я пытаюсь сдвинуть с места диван своей единственной функционирующей рукой. Другая бесполезна и онемела. Кажется, плечо вывалилось, когда взрывная волна отбросила меня к стене.

Пространство заполняется дымом, дышать становится все труднее, но огня нигде не видно. В бешенстве я оборачиваюсь и вижу оранжевое свечение за порогом кухни. Страх охватывает меня, и я перевожу взгляд на верхний этаж, на дверь, ближайшую к лестничной площадке. Спальня моих сестер. Мой взгляд мечется между дверью наверху и обломками комнаты родителей, а сердце бьется как сумасшедшее. Что делать: сначала помочь маме с папой или забрать девочек? Кислотный привкус заполняет мое горло, когда я осознаю масштабы разрушений на первом этаже. Не может быть, чтобы кто-то мог выжить после такого. Бросив последний взгляд на комнату родителей, я, давась желчью, перепрыгиваю через разрушенный диван и бегу к лестнице.

Когда добегаю до верхней ступеньки, меня охватывает приступ кашля. Я зажимаю нос и рот рукой, стараясь, пытаюсь уберечь горло и легкие от дыма, и пинком открываю дверь.

— Тара! — кричу я, спотыкаясь, и хватаю плачущую сестру с кровати слева от меня. Я прижимаю ее к груди, затем поворачиваюсь и вижу Дину, близняшку Тары, стоящую в углу комнаты. Ее глаза расширены и в панике смотрят на меня. Я пытаюсь дотянуться до нее, но не могу заставить свою правую руку двигаться.

— Возьми меня за руку. Нам нужно выбираться, — кричу я, все еще не слыша своих

слов.

Дина качает головой и прижимается спиной к стене. Тара взывает и дергается в моих руках.

— Блядь, сейчас же, Дина! — рычу я и снова заходимся в приступе кашля. — Черт! — прохрипел я.

Я снова пытаюсь пошевелить правой рукой и терплю неудачу. Дым становится все гуще. Мы должны выбраться отсюда, но я не могу нести обеих сестер одной рукой. Страх и беспомощность душат меня сильнее, чем сам дым. Придется вытаскивать их по одной. Я должен выбрать. Как, черт возьми, мне выбрать, какую сестру спасти первой?

Тара в истерике, а она уже у меня. Она должна быть первой.

— Я выведу Тару на улицу и сразу же вернусь, — кричу я, глядя на испуганное лицо Дины. Когда она напугана, то кажется намного моложе своих четырех лет. — Всего две минуты, Дина — Сахарок. Не двигайся.

Бросив на нее умоляющий взгляд, чтобы она поняла, я разворачиваюсь и выбегаю из комнаты.

Не знаю, как мне удастся спуститься по лестнице. Дым щиплет глаза, смотреть куда-либо становится почти невыносимо, и я несколько раз спотыкаюсь, прежде чем добегаю до входной двери.

Снаружи на подъездной дорожке к нашему дому стоят соседи и смотрят, разинув рты. Внизу на улице видны мерцающие красные огни, они все ближе. Наверное, это пожарные или скорая помощь. Они будут здесь в любой момент, но я не могу ждать. Я бросаю плачущую Тару на руки ближайшему мужчине и бросаюсь обратно в горящий дом.

Дым настолько густой, что я вынужден наполовину бежать, наполовину ползти через гостиную. Глаза слезятся, легкие жаждут воздуха. Я добегаю до лестницы как раз в тот момент, когда загорается край ковра, ближайшего к кухне. Пламя быстро распространяется и движется к лестнице.

Наконец я поднимаюсь в спальню девочек и напрягаю глаза, чтобы увидеть свою сестру. Ее нет там, где я ее оставил, и я бросаюсь к кровати. Дина, закутавшись в одеало, прячется под ним.

— Я здесь, Сахарок. — Я откидываю одеяло в сторону, обхватываю Дину за талию и прижимаю ее к груди.

О том, чтобы вернуться к входной двери, не может быть и речи. Там слишком много дыма. Я могу попробовать выбраться через окно — оно не очень высоко, но папа заколотил его в прошлом месяце, потому что Тара постоянно открывала его, и он боялся, что она выпадет. Мы должны добраться до моей комнаты в другом конце коридора и воспользоваться балконом.

— Держись за меня! — Я не могу оценить, насколько громко я говорю, поэтому на всякий случай кричу. — Мы выходим!

Дина обхватывает меня за шею и прижимается ко мне, ее маленькое тело дрожит в моих объятиях. Я делаю шаг в коридор, затем быстро отступаю. Огонь распространился наверх, и жар отрезает путь к моей комнате. Спуск по лестнице — единственный выход.

— Все будет хорошо. — Я целую волосы своей сестры. Сердце бьется так быстро, что кажется, будто оно вырвется из груди. — Все будет хорошо.

Крепче прижав ее к себе, я делаю глубокий вдох и снова выхожу в коридор.

Перегнувшись через перила, я смотрю на нижний этаж дома, где пламя лижет кухонные

шкафы и ползет по занавескам. Огонь перекинулся на лестницу, его усики тянутся между балясинами. Я не могу решить, что хуже: жар или дым. Затаив дыхание, я бегу вниз по лестнице так быстро, как только могу. Входная дверь распахнута, пожарная машина остановилась, и из нее выбегают пожарные. Я уже на полпути к выходу, когда справа от меня раздается еще один взрыв, от которого нас с Диной бросает на пол.

Так жарко, что кажется, будто кожа плавится. Моя сестра лежит в нескольких футах от меня, хрипит и борется за дыхание. Я подползаю к ней и притягиваю к себе, а затем обхватываю ее своим телом, чтобы укрыть от пламени.

— Все хорошо, малышка. Помощь придет, — говорю я рядом с ее ухом, перед тем как темнота поглощает меня.

* * *

Пятнадцать лет назад, Нью-Йорк
(Сиенна, 5 лет)

Я бросаюсь на диван, скрещиваю руки и хмыкаю.

— Ты обещала, мама! У Луны сегодня шестой день рождения! Я ее лучшая подруга. Мы должны пойти.

Мама вздыхает и садится рядом со мной.

— Мне очень жаль, Сиенна. Босс назначил мне и твоему папе встречу на эту субботу.

— Вы с папой всегда работаете. — Я нахмурилась, надув губы.

— Сиенна, милая, ты же знаешь, что это неправда. — Она поглаживает меня по руке.

Я отстраняюсь от нее, бормоча:

— Если ты меня любишь, ты отвезешь нас к ней. Ты же обещала! Папа говорит, что выполнять обещания — это самая важная вещь во всем мире.

Мама бросает взгляд на моего отца, который стоит у книжной полки.

— Эдоардо и Сара сегодня работают в казино. Может быть, мы попросим их поменяться? Мы поработаем вместо них сегодня, а они подменят нас в субботу.

Я смотрю на папу широко раскрытыми глазами. Пожалуйста, скажи "да"!

— Артуро? Ты присмотришь за ними? — Папа бросает через плечо моему брату, который сидит в кресле у окна и возится со своим телефоном.

— Нет. Мне нужно работать в субботу, — качает он головой. — Но я могу понаблюдать за отпрысками сегодня вечером.

Я фыркнула. Артуро стал таким занятым и серьезным с тех пор, как начал работать на дону.

Отец вздыхает и буравит меня взглядом.

— Неужели это действительно так важно, что мы оба должны пойти? Я могу попытаться что-нибудь устроить, чтобы мама могла отвезти тебя.

— Да, это важно. Ася! — Я жду, пока сестра оторвется от рисования на журнальном столике, и кричу:

— Скажи что-нибудь!.

Она только пожимает плечами.

— Видишь, Ася тоже хочет, чтобы вы оба поехали. Пожалуйста, папа. Мы никогда никуда не ходим вместе. Там будут клоуны! Я больше никогда ни о чем не буду просить.

Папа отталкивается от книжной полки.

— Ладно. Я позвоню Эдоардо.

Я визжу от восторга и прыгаю к нему в объятия.

— Да! Спасибо!

— Как будто я могу тебе отказать, малышка. Я слишком сильно тебя люблю. — Он целует меня в макушку. — Идите на кухню, вы двое. Артуро приготовит вам ужин, так как нам с мамой нужно собираться на работу.

* * *

Звонок в дверь вырывает меня из сна. Я вглядываюсь в темноту. Неужели мне это приснилось?

Звонок раздаётся снова.

Я сползаю с кровати и на цыпочках иду к балкону, чтобы посмотреть на крыльцо. Двое мужчин в костюмах разговаривают с Артуро. Их голоса приглушены, поэтому я не слышу, о чем они говорят, и не вижу лица брата с этого ракурса, но его тело внезапно выпрямляется. Он зарывается руками в волосы, дергает их, затем поворачивается к открытой входной двери и ударяет в нее кулаком. Мужчины еще что-то говорят и уходят, садясь в черную машину, припаркованную у нашего подъезда. Когда я снова смотрю вниз, Артуро сидит на верхней ступеньке, схватившись окровавленной рукой за волосы.

Я бегу к своей кровати и забираюсь под одеяло, но спать не хочется. Кто эти люди, и почему мой брат так себя отреагировал? Артуро никогда ничего не бьет.

Я смотрю в потолок, когда слышу, как кто-то поднимается по лестнице и пересекает коридор. Мгновение спустя тишину ночи заполняет звук открывающейся двери нашей спальни. Я сажусь в постели и вижу, что Артуро стоит на пороге, держась за дверной косяк.

— Давай разбудим Асю, — говорит он. — Мне нужно кое-что сказать вам обоим.

Его голос звучит странно. Это не подражание, как обычно, когда он разговаривает с Асей и со мной.

Щелкнув выключателем у двери, Артуро присаживается на край кровати моей сестры. Он выглядит иначе, чем когда укладывал нас. Лицо бледное, под глазами темные круги. Артуро, как правило, не отличается жизнерадостностью. Папа всегда говорит, что мой брат слишком стар для своих лет, что бы это ни значило, но он всегда был сильным. Сейчас он выглядит просто грустным. Он легонько трясет Асю за плечо, пока она не сядет в кровати, затем хлопывает по месту с другой стороны от себя.

Я иду и сажусь рядом с ним, не отрывая взгляда от его лица. Когда я увидела, как он ударил в дверь, в горле образовался комок, кажется, что меня вырвет прямо сейчас. Он собирается рассказать нам что-то плохое.

— Сегодня ночью кое-что случилось. В казино. — Он берет мою руку в свою, Асину — в другую, но не смотрит ни на кого из нас. — Мне нужно, чтобы вы двое были храбрыми.

— Что случилось? — спрашивает Ася сквозь зевок. — Где мама?

— Там была... стрельба. — Он сжимает наши руки. — Много людей пострадало.

Я выдергиваю свою руку из его. В нашем доме никогда не говорят о стрельбе или оружии. Папа не разрешает.

— Где мама и папа? — всхлипываю я.

Артуро обхватывает меня руками, притягивая к себе. Я слышу, как плачет Ася, прижавшись к нему с другой стороны.

— Они ушли, — задыхается Артуро. — Мамы и папы больше нет.

— Ты врешь! Почему ты врешь? — Я плачу, слезы текут по моему лицу, но я знаю, что он не лжет. Артуро никогда не лжет.

Глава 1

Наши дни

Я подхожу к большой богато украшенной двери и дважды стучу.

— Войдите, — раздается с той стороны мужской голос.

Я вхожу в кабинет, принадлежащий боссу нью-йоркской Семьи Коза Ностры, мои зеленые каблукки стучат по полированному полу, когда я приближаюсь.

— Вы хотели меня видеть, дон Аджелло, — говорю я своим самым сладким голосом.

Взгляд Сальваторе Аджелло скользит от моего травянисто-зеленого платья к макушке и останавливается на моем пучке. Из него торчат перья того же цвета, что и платье. Мне потребовались месяцы, чтобы найти подходящий оттенок.

— Присаживайся, Сиенна. — Он указывает на стул напротив себя.

Я улыбаюсь и сажусь, недоумеваю, зачем он меня позвал. Не каждый день такого бессмысленного человека, как я, с точки зрения иерархии Коза Ностры, приглашают на личную встречу с доном.

Аджелло откидывается назад и смотрит на меня. В его взгляде есть что-то тревожащее, и это заставляет меня чувствовать себя так, словно меня препарируют.

— Твоя сестра недавно вышла замуж, — говорит он. — Вы двое были очень близки.

— Мы и сейчас близки.

— Но в данный момент она в Чикаго. Тебе, должно быть, тяжело.

— Асе нравится там, и я рада за нее. — Я усмехаюсь, стараясь сохранить непринужденность в голосе. Он действительно знает, как давить на больное.

— Очень важно убедиться, что твоя семья счастлива. А что насчет Артуро?

Я прищуриваюсь. Есть ли смысл в этом разговоре?

— А что с ним?

— Твоему брату тридцать пять, Сиенна. Вероятно, что он скоро поженится. У него будет своя семья. Что будешь делать ты, когда это произойдет? Останешься с ним и будешь третьим лишним?

В животе нарастает неприятное чувство. Каждое его слово, как кинжал, вонзается в мою грудь. Я уже чувствую себя виноватой за то, что провожу дни в компании друзей или за чтением, а Артуро все это время работает. Несколько месяцев назад я пообещала себе, что найду бизнес-программу, чтобы наконец-то начать что-то делать в своей жизни, но до сих пор ничего не предприняла.

— Я бы никогда не встала на пути счастья моего брата, — говорю я. — Когда это случится, я, наверное, съеду. Найду работу.

— Почему ты не пошла в колледж? Это все еще в твоих планах?

— Я не гожусь для колледжа, дон Аджелло.

— Нет? Но тем не менее, ты говоришь на нескольких языках. Артуро сказал мне, что ты выучила их самостоятельно.

— Да. Итальянский. Английский, очевидно. Испанский и португальский. А еще я немного знаю русский и японский. — Ему нужен переводчик?

— Сколько времени тебе потребуется, чтобы выучить новый язык?

— Ну... По разному. Только говорение или написание тоже?

— Достаточно того, чтобы понимать, что говорят. Никакого письма.

Я на мгновение задумалась.

— Три месяца. Может быть, четыре. В зависимости от языка.

Аджелло кивает, а его пронзительные глаза смотрят на меня.

— Отлично. Тогда давай организуем свадьбу.

— О? И кто же выходит замуж?

— Ты, Сиенна.

Я дважды моргнула, гадая, правильно ли я его расслышала. Аджелло сидит, расслабившись в своем кресле. Его руки скрещены на груди, он смотрит на меня.

— Ты же не хочешь остаться одна? — говорит он, наклонив голову набок.

Этот ублюдок. Как будто он может заглянуть в мою душу, найти там самые потаенные страхи и выгащить их наружу против моей воли.

Мои пальцы крепко сжимают подол платья.

— Нет.

— Тогда брак — идеальное решение.

— Да, похоже на то. — Я заставляю себя улыбнуться.

— Я рад, что мы сошлись во мнениях. У меня уже есть кое-кто на примете для тебя. Последние несколько лет я пытаюсь внедрить кого-нибудь в его организацию. Это прекрасная возможность.

— Вам нужно, чтобы я шпионила за своим будущим мужем?

— Да. Ты окажешь огромную услугу Семье.

— Он не из Коза Ностры?

— Нет. Он деловой партнер. — Аджелло сводит голову в сторону. — Твой брат не обрадуется, когда я ему об этом скажу. Мне нужно, чтобы ты убедила Артуро, что ты не против этого брака.

— А если он мне не поверит?

— Артуро — мой подчиненный. Я бы даже назвал его... другом. У меня не так много друзей, Сиенна, поэтому я бы предпочел не убивать его за несогласие с моими планами. Сделай так, чтобы он тебе поверил.

— Я постараюсь сделать все возможное. — Я принудительно улыбаюсь. — Это все?

Аджелло приподнял бровь.

— Ты не спросила, за кого выйдешь замуж.

— Думаю, это не имеет значения.

— Отлично. Я все устрою. Ты можешь идти. — Он останавливает меня, когда я направляюсь к двери. — Еще кое-что, Сиенна.

Я оборачиваюсь.

— Да?

— Начинай учить сербский. У тебя есть три месяца.

* * *

Когда я выхожу из офиса Аджелло, я стою посреди тротуара, а мимо меня спешат люди. До меня доносятся обрывки различных разговоров. Смех. Разгневанная мать зовет своего ребенка. Шум захлестывает меня, и я словно попадаю в пчелиный улей, стены которого смыкаются вокруг меня. Я хочу уйти, но не могу заставить свои ноги двигаться. Кто-то задевает меня локтем, заставляя отшатнуться в сторону, но я все еще в шоке и почти не ощущаю удара.

Неужели я выйду замуж за человека, которого никогда не видела? Я могла бы рассказать Артуро правду, и он, возможно, смог бы убедить Аджелло отказаться от этой идеи. Мой брат спас ему жизнь около десяти лет назад, так что я очень сомневаюсь, что дон действительно его убьет. Но дело в том, что Аджелло прав. Артуро отложил свою жизнь, когда убили наших

родителей, чтобы вырастить нас с Асей. Он даже не привозил в наш дом ни одной женщины, и я боюсь, что не приведет, пока я здесь. Я должна уйти.

При одной мысли об этом по телу проходит дрожь.

Я никогда не жила одна и не думаю, что справлюсь с этим. Мне и так слишком одиноко, когда уехала Ася, а Артуро так часто уезжает по работе, поэтому днем я обычно провожу время в гостях у Луны. Но по ночам мне тяжело.

После того, что случилось, когда похитили Асю, я пообещала брату, что больше никогда не буду принимать снотворное. Но я подумываю об этом. Не для того, чтобы навредить себе, просто я не могу спать в пустом доме.

Если я попрошу Артуро больше сидеть дома, уверена, что он согласится, но я бы никогда этого не сделала. У него и так хватает своего дерьма, и ему не нужно мое дерьмо в придачу. Я должна позволить ему жить своей собственной жизнью, но одна только мысль о том, что он будет жить один, и ему не с кем будет поговорить, повергает меня в панику. Я не могу этого сделать. Я никогда не смогу этого сделать.

— Мисс ДеВилль.

Я смотрю направо и вижу, что мой водитель стоит у машины, держа дверь открытой для меня. Я молча преодолеваю расстояние и скольжу на заднее сиденье.

— Все в порядке, мисс ДеВилль? — спрашивает водитель, садясь за руль.

— Конечно. — Я одариваю его лучезарной улыбкой. — Поезжайте, пожалуйста, в торговый центр. Я слышала, сегодня там большие распродажи.

Когда машина выезжает на улицу, я достаю из сумочки телефон и набираю номер брата. На линии раздаются несколько гудков, но потом переходит на голосовую почту. Он, наверное, опять на совещании.

— Привет, Артуро, — говорю я после гудка. — Знаю, что ты занят, но я хотела сообщить новости. После того как Ася вышла замуж, я задумалась о своей жизни, поэтому сегодня утром я пошла к дону и спросила, может ли он устроить для меня свадьбу. Он согласился! — Я хихикаю. — Надеюсь, это будет юрист. Или какой-нибудь генеральный директор. В любом случае, я просто хотела, чтобы ты знал. Я сейчас еду в торговый центр. Там есть потрясающее разноцветное шифоновое платье, которое я видела в Интернете. Оно плиссированное, и оттенки так красиво сочетаются! Как будто ее сшили специально для меня. Люблю тебя!

Я бросаю телефон обратно в сумочку, быстро смахиваю слезинку со щеки и перевожу взгляд на улицу за окном.

Я наблюдаю за человеком, сидящим в луже крови у моих ног. Левая сторона его лица так распухла, что, кажется, вот-вот лопнет. Я обхватываю его за шею и поднимаю, прижимая спиной к стене.

— Значит, ты просто случайно проболтался о секретной информации, когда рядом был наш конкурент? — спрашиваю я.

Мужчина скулит и обхватывает руками мое запястье, пытаюсь освободиться. Я прижимаю его к стене и наклоняюсь к его лицу.

— Ты знаешь, что я делаю с предателями, Генри?

Глаза мужчины становятся широкими, как блюдца, и он вздрагивает. Мгновение спустя воздух наполняет вонь мочи.

— Вижу, что знаешь. — Я улыбаюсь и достаю нож, лежащий на соседнем столе.

Когда я прижимаю кончик ножа к животу Генри, прямо над его пупком, он начинает

дергаться, и я прикладываю больше усилий к захвату. Его лицо становится все краснее, он борется за воздух. Продолжая держать его за шею, я медленно тяну нож прямо вверх. Кровь струйками стекает по обнаженному торсу Генри, он кричит в агонии. Дойдя до ключицы, я провожу кончиком ножа под левым соском и повторяю попытку, только на этот раз горизонтально, по направлению к правому боку. Мужчина задыхается еще несколько раз, и его тело обмякает. Его остекленевшие глаза безучастно смотрят на меня. Я заканчиваю фигуру, вырезанную на его груди, вытираю лезвие о штанину брюк и позволяю его телу упасть на пол.

— Прикрутите его к стене, — говорю я двум мужчинам, стоящим в стороне, а затем поворачиваюсь к Филипу — моему второму командиру, который лежит на диване. — Чего хотел Аджелло?

— Он хочет встретиться, — говорит Филипп. — У него к тебе деловое предложение. Я беру со стола кухонное полотенце и вытираю кровь с рук.

— Перезвони ему. Скажи ему, что он может засунуть свое предложение себе в задницу. Мы больше не будем иметь дел с Cosa Nostra, о чем я уже много раз говорил Артуро.

— Сейчас не время взъерошивать дону перья, Драго. — Филипп наклонился вперед. — Особенно с новым планом, который мы разработали. Богдан будет мстить, как только узнает, что ты решил вытеснить его из оружейного бизнеса. Мы не можем одновременно противостоять румынам и Cosa Nostra.

— Я сомневаюсь, что Аджелло будет волновать наши планы. Он больше не работает с Богданом, так что я не вижу причин, почему он должен вмешиваться в наши дела. А что касается его перьев, то я бы не стал о них сильно беспокоиться.

— Все, что происходит в Нью-Йорке, — это дело Аджелло. Если он считает, что война между нами и румынами может хоть в малейшей степени повлиять на его проекты, он будет что-то предпринимать. Мне кажется интересным, что он выбрал именно этот момент, чтобы попытаться восстановить сотрудничество с нами.

— Ты думаешь, он узнал о сделке по продаже оружия, о которой мы ведем переговоры?

— Скорее всего, он знает, что мы что-то затеваем, но не думаю, что он в курсе деталей. Но, опять же, с Сальваторе Аджелло никогда нельзя быть уверенным.

— Прекрасно, черт возьми. — Я бросаю окровавленную тряпку на стол. — Позвони Аджелло. Скажи ему, что меня не будет в городе ближайшие пару месяцев, но я подумаю над его просьбой. Мы сможем поговорить, когда я вернусь.

— Ты действительно это сделаешь? Подумаешь?

Я беру со стула куртку и шлем и направляюсь к входной двери.

— Нет.

Глава 2

Два месяца спустя

Я лежу на кровати и включаю на ноутбуке фильм Disney, дублированный на сербском языке, когда внизу экрана появляется уведомление по электронной почте. Вероятно, это рассылка от одного из моих модных журналов. Я закрываю всплывающее окно и продолжаю просмотр.

Я предпочитаю изучать языки в своем собственном темпе, но поскольку у меня поджимают сроки, я записалась и на онлайн-курс. На изучение основ у меня ушло пять недель ежедневных онлайн-занятий с репетитором. Сербский язык очень похож на русский, который я понимаю на среднем уровне, и это немного помогло. Слава Богу, что мне нужно

только говорить на нем и не обязательно уметь писать, потому что на это ушли бы месяцы. Последние три недели я сосредоточилась на аудировании. Я начала с сербских фильмов и передач, но в них много сленга, поэтому их трудно понять. На прошлой неделе я нашла в Интернете сербский канал, но там в основном новости и политика, и они настолько скучные, что вчера я заснула. Сегодня я решила попробовать кое-что другое. “Русалочка” оказалась мне неплохим выбором.

Зазвонивший телефон на прикроватной тумбочке привлекает мое внимание. Это дон.

— Дон Аджелло. Чем я могу...

— Ты видела письмо, которое я тебе отправил?

— Секунду. — Я выхожу из фильма и перехожу на вкладку “Электронная почта”. В папке “Входящие” есть сообщение, но в нем нет текста, только несколько вложений. Я открываю первое. Это слегка размытая фотография мужчины, входящего в здание. Видна только часть его профиля. Он одет в кожаную куртку и темные джинсы. Я увеличиваю изображение, пытаюсь разглядеть что-то большее, чем темные волосы и короткую щетину, которые едва видны, но изображение слишком размытое.

— Эм, окей, — говорю я. — И это...?

— Это твой будущий муж. Драго Попов. Глава сербской преступной организации.

— О... значит, он не юрист.

— Нет, Сиенна. Он точно не юрист. В течение многих лет Попов переправлял более половины наших наркотиков в Европу, но два года назад после нападения Рокко Пизанно на его клуб Попов разорвал все связи с Cosa Nostra. С тех пор дистрибьюторы, которых мы использовали, не были ни такими быстрыми, ни такими надежными, как Попов. Я хочу, чтобы он вернулся.

— Хорошо, — пробормотал я. — Получается, я... стимул для заключения сделки? Тебе не нужно, чтобы я за ним шпионила?

— Конечно, нужно. Это главная причина, по которой я выбрал тебя для этого брака. — На другом конце провода раздается звук перебираемых бумаг. — Большинство подпольных сделок, которые заключаются в этом городе, обсуждаются в клубе Попова “Naos”. Он считается нейтральной территорией, пригодной для встреч по деликатным вопросам. Мне нужен надежный человек изнутри, который мог бы собирать информацию о бизнесе Попова и передавать ее мне. Как там у тебя с сербским?

— Ну, я могу смотреть Русалочку без субтитров. — Я улыбаюсь.

— Что за “Русалочка”?

— Мультфильм. — Он никогда не слышал о “Русалочке”? — Если только человек не говорит слишком быстро или не использует слишком много сленга, я могу понять почти все.

— Хорошо. Мы начнем готовиться к свадьбе раньше, чем ожидалось.

— Что? Почему?

— На прошлой неделе Попов заключил крупную сделку, но никто не знает, что за сделка. Мне нужно знать об этом, и я хочу знать сейчас.

Ого. Сильно контролируешь?

— Я направляюсь на встречу с ним, — продолжает он, — чтобы сообщить ему об этой договоренности.

— Он не знает? А если он откажется?

— Тогда он умрет, — рявкает Аджелло. — Нино придет за тобой в десять. Он отвезет тебя в “Naos”.

— Ладго. Я возьму с собой Луну. И что...

Линия обрывается. Я смотрю на экран телефона. Мне потребовалось некоторое время, чтобы привыкнуть к тому, как Сальваторе Аджелло обращается с телефонными звонками.

Я качаю головой и снова сосредотачиваюсь на электронном письме, просматриваю остальные изображения, но они кажутся все такими же. Большинство из них разфокусированы, вероятно, сделаны камерой телефона при слабом освещении или во время движения. Есть только одна четкая фотография. На ней изображен Попов, стоящий в холле гостиницы, кажется, его рука обвита вокруг талии рыжеволосой женщины. Он отвернулся от камеры, так что его лица по-прежнему не видно. Сбоку от него стоит женщина и смотрит на него. Она похожа на кинозвезду, одета в облегающее белое платье, волосы ниспадают по спине почти до пояса.

Если она в его вкусе, он будет весьма разочарован. Эта женщина почти на голову выше меня. Кроме того, я недавно подстригла волосы, так что они едва доходят до середины спины, и я никогда их не красила. Мне нравится темно-коричневый оттенок, такой простой. Во всяком случае, он лучше сочетается с моим гардеробом. Я еще раз просматриваю фотографии, вдруг я пропустила ту, на которой видно его лицо, но нет. Видимо, придется ждать вечера, чтобы узнать, как выглядит мой будущий муж.

Я снова беру телефон и набираю номер своей лучшей подруги.

— Луна bella, — щебечу я. — Не хочешь потанцевать сегодня вечером?

Я беру свой виски и откидываюсь на спинку кресла, рассматривая мужчину, сидящего напротив меня в кабинке.

За те годы, что я сотрудничал с итальянцами, я общался с Артуро, младшим боссом Аджелло. До тех пор, пока дерьмовая история, организованная Рокко Пизано, не отправила наши рабочие отношения к чертям собачим. Это были хорошие деньги, но я не намерен иметь дело с людьми, которые меня натравили. Мне казалось, что я очень ясно выразил свое мнение Артуро — с нами покончено. Видимо, мне нужно повторить это и дону.

— Я не заинтересован в возобновлении нашего сотрудничества, Аджелло.

— А у тебя есть другой перспективный бизнес? Потому что я точно знаю, что никто не сможет обеспечить то количество и качество продукции, которое ты получал от нас раньше.

— Дело в том, что мне не нужны ваши наркотики. Моя торговля бриллиантами приносит втрое больше, чем кокаин. — Я пожимаю плечами.

— Дело не в деньгах. Между нами слишком много вражды, мистер Попов. Я не могу позволить вам работать в моем городе, пока не будет урегулирована вражда между нашими семьями.

— Урегулирована? — Я делаю глоток своего напитка и смотрю на него. — И как ты планируешь это сделать?

— Брак. В частности, между тобой и женщиной из Cosa Nostra.

Неужели он забыл, что его капо стрелял в меня и моих людей, когда мы проводили деловую встречу, а затем послал своих наемников напасть на мой клуб? Неважно, что эти наемники не были членами Cosa Nostra. Или что мои люди убили всех троих. Неважно даже то, что Рокко Пизано мертв.

— Мы потеряли человека в этой катастрофе два года назад. Это не то, что можно решить, женившись на кухне одного из твоих солдат, Аджелло.

Дон кладет руки на спинку дивана и смотрит на меня с расчетливым выражением в глазах.

— Я предлагаю для брака сестру Артуро ДеВилля.

Я склоняю голову набок, раздумывая. Брак с сестрой главаря Cosa Nostra — очень выгодное дело. На самом деле, это кажется слишком хорошим, чтобы быть правдой.

— А как Артуро отнёсся к этой идее? — спрашиваю я. спрашиваю я.

— Я прослежу, чтобы он увидел все преимущества.

— Итак, он против. А как насчет его сестры? Разве у нее нет стремления выйти замуж в рамках итальянской семьи?

— Сиенна — свободная натура. Она сказала, что открыта для нового опыта.

— Правда? — Я делаю еще один глоток своего напитка, гадая, что стоит за этим предложением. Потому что что-то определенно есть. — Сколько ей лет?

— Только что исполнилось двадцать.

Я поднимаю бровь.

— Ты что, издеваешься надо мной, Аджелло?

— Я не... издеваюсь, мистер Попов. У вас были конкретные возрастные требования к женщине, на которой женились бы?

— Можно и так сказать. — Я не могу не покачать головой. Итальянцы и их браки по расчету.

— Сиенна и ее подруга приедут сюда сегодня вечером с моим начальником охраны. Проследи, чтобы их впустили. — Сальваторе Аджелло встает. — Сообщите мне о своем решении к утру.

Я смотрю вслед уходящему дону Cosa Nostra, размышляя, стоит ли мне сразу сказать ему, что я не намерен жениться на женщине почти вдвое моложе меня. Не важно хорошая деловая возможность или нет.

Филипп занимает место, которое только что освободил Аджелло, и мотает головой в сторону выхода из клуба.

— Чего хотел итальянец?

— Уладить вражду между нами. Он хочет, чтобы мы снова занимались распространением его наркотиков. А чтобы заключить сделку, он предложил мне в жены сестру Артуро ДеВилля.

Глаза Филиппа расширились.

— Ты собираешься согласиться?

— Нет.

— Почему бы и нет? Поставки наркотиков серьезно сократились, а у Аджелло самый лучший товар. Кроме того, родственные связи с Коза Ностра дадут нам гораздо более выгодную позицию на переговорах с русской Братвой.

— Девушке двадцать лет. Я не собираюсь жениться на избалованной, едва вышедшей из подросткового возраста принцессе Коза Ностры.

Из верхних динамиков в комнату доносятся звуки какого-то попсового хита. Музыка негромкая, потому что громкость не будет увеличена до тех пор, пока клуб не откроет свои двери на ночь. Однако этого все равно достаточно, чтобы испортить мой и без того плохой слух, поэтому мне приходится сосредоточиться на рте Филиппа и читать по его губам.

— ...и какая на хрен разница? — говорит он. — Приведи девушку домой, дай ей кредитную карту и скажи, что лимита нет. Она будет тратить дни на шопинг и походы в салоны красоты. С твоим графиком работы ты, скорее всего, почти не будешь ее видеть.

— Я бы предпочел никогда ее не видеть. — Я качаю головой. — Ты помнишь Тару в

двадцать лет? Крики? Как она заперлась в своей комнате, когда я не давал ей денег на новую машину, пока она их не заработает? Я слишком стар, чтобы снова проходить через это дерьмо, да еще и с женой.

— Ради бизнеса приходится идти на жертвы. — Филипп наклонился вперед. — Итальянцы очень серьезно относятся к семейным узам, Драго. Брак с сестрой Артуро гарантирует, что Коза Ностра не будет вмешиваться в наш оружейный бизнес. Ты не должен упускать такую возможность.

Я сжимаю переносицу. Неужели я всерьез рассматриваю возможность жениться на девушке, достаточно юной, чтобы быть моей дочерью? Наш бизнес по продаже драгоценных камней и другие предприятия уже приносят значительный доход. А если учесть еще и сделку с оружием, то мы будем чертовски близки к тому, чтобы иметь больше денег, чем сможем отмыть через клуб. Возвращение к перевозке наркотиков приведет лишь к новым осложнениям. Но Филипп прав. Я не могу упустить такую возможность, и деньги здесь ни при чем. Работа — это единственное, что меня держит. Чем ее больше, тем легче прожить день. О том, чтобы сказать "нет" перспективной возможности, не может быть и речи.

— Ну ладно... — Я вздыхаю. — Девушка придет сюда сегодня с подругой. С ними будет Нино Гамбини. Скажи людям на входе, чтобы их пропустили, и проследи, чтобы их посадили вон там. — Я указал на кабинку на противоположной стороне зала. Та, что находится в поле моего зрения.

Филипп прослеживает направление моего пальца, затем прочищает горло.

— К нам приедет какой-то IT-магнат. Он забронировал тот стенд на четыре месяца вперед.

— Найдите ему другую, — говорю я и машу официанту. — Я хочу проверить эту девушку, прежде чем решить, стоит ли она того, чтобы с ней возиться.

Глава 3

— Вот это да! — Мой взгляд обводит круглую комнату, когда я люблюсь удивительным зрелищем, открывшимся передо мной.

Полуприватные кабинки почти окружают танцпол в центре роскошного помещения. Стены из матового стекла в замысловатых железных рамах отделяют каждую кабинку. Внутреннее святилище представляет собой уютную зону отдыха, включающую кожаный диван и два одинаковых кресла, расположенных вокруг низкого столика со стеклянной столешницей. Сбоку от каждой стеклянной перегородки, одетый в безупречную белую рубашку и черные брюки, стоит официант, готовый выполнить любой заказ по мановению руки посетителя, занимающего отведенную ему кабинку. В дальней части зала находится огромная полукруглая барная стойка, за которой несколько барменов обслуживают клиентов, расположившихся по всей ее длине. На танцполе, покачиваясь под медленную мелодию, расположились около десятка пар.

Странно только, что здесь меньше сотни человек. Я нечасто бываю в клубах, потому что до прошлого года Артуро разрешал мне посещать только заведения, управляемые членами Коза Ностра, а ни один из них не владел настоящим клубом. Брат только недавно отпустил вожжи от меня, и то только потому, что я сказала ему, что, если он продолжит свое вертолетное воспитание, я просто слету с катушек.

— Я думала, будет многолюдно, — пробормотала я.

— При цене в пятнадцать тысяч за кабинку за ночь нельзя рассчитывать на сотни людей, — говорит Нино, провожая нас с Луной за администратором, который ведет нас к

последней кабинке с левой стороны. Единственной свободной на данный момент.

Пока мы идем, я еще раз окидываю взглядом помещение и провожу в голове несколько быстрых расчетов. Двенадцать кабинок по пятнадцать штук каждая. Это сто восемьдесят тысяч за ночь. Если они работают пять ночей в неделю, пятьдесят две недели в году, то получается сорок шесть целых восемь миллионов в год. Святая корова!

— Получается, ты на задании? Сразить мужчин наповал и не оставить никого позади, что-то в этом роде? — Луна кивает на мой наряд и смеется, отвлекая меня от математики.

— Что? Я думала, это прилично. — Я пожимаю плечами и присаживаюсь на белый плюшевый диван. Нино опускается в кресло слева, а Луна садится рядом со мной.

— На несколько тысяч золотых блесток больше, чем прилично, Сиенна, — говорит она с фырканьем. — По крайней мере, это не неоновый зеленый или что-то в этом роде.

— Я бы никогда не надела зеленый комбинезон. В нем я буду похожа на кузнечика.

— Спасибо хотя бы на это. — Луна закатила глаза.

— Но на прошлой неделе я купила желтую куртку из искусственного меха. — Я ухмыляюсь при одной мысли об этом.

Она поднимает на меня красноречивую бровь.

— Не смей никуда ходить со мной в этой штуке. Меня до сих пор передергивает при мысли о том, что ты появишься на дне рождения Валерии в этом красном платье с перьями.

— Жизнь слишком коротка, чтобы носить скучную одежду. — Я смеюсь и откидываюсь назад, чтобы понаблюдать за толпой.

Луна не понимает. Никто не понимает. Люди видят мои безумные наряды и широкие улыбки и думают, что я, должно быть, очень счастливый человек, у которого нет ни малейших проблем в мире. И я всегда стараюсь уверить их в своей правоте.

Когда умерли мои родители, я ни с кем не хотела разговаривать, но все спрашивали, все ли со мной в порядке. Артуро. Наша тетя, которая потом ненадолго приехала погостить к нам. Соседи. Даже Ася. Со мной не все было в порядке. Как я могла быть в порядке, если каждое утро я просыпалась с осознанием того, что это я виновата в смерти наших мамы и папы? Если бы я не настояла на том, чтобы они взяли нас с собой на вечеринку, они бы не пошли на работу в ту ночь. И каждый раз, когда кто-то спрашивал, как у меня дела, они напоминали мне об этом. Я просто хотела, чтобы меня оставили в покое, но все продолжали донимать меня, пока я больше не могла этого выносить. Тогда я стала притворяться, что все в порядке. Я шутила, смеялась и делала вид, что все чертовски прекрасно. И люди наконец перестали задавать вопросы.

С годами я как-то незаметно вжилась в созданную мной личность. Я отбросила в сторону то, что меня беспокоило, похоронила это глубоко внутри, не позволяя вылезти наружу. Проблемы. Страхи. Неуверенность в себе. Все было хорошо спрятано. Если не думать о проблемах, они исчезнут. Мне это нравилось гораздо больше, чем альтернатива, но с тех пор как моя сестра уехала жить в Чикаго со своим мужем, я чувствую себя такой... потерянной. словно пассажир, который остался позади, стоит один на заброшенной железнодорожной платформе и смотрит, как последний поезд исчезает за горизонтом.

Я не понимаю, почему я так себя чувствую. Мои брат и сестра любят меня, я знаю это. Они готовы на все ради меня. И все же я никогда не могла заставить себя открыться им из-за иррационального страха, что они перестанут меня любить, если поймут, что я не вся такая солнечная и радужная.

— Эй! — Луна подталкивает меня локтем. — Ты в порядке?

Я отмахнулась от своих мыслей и рассмеялась.

— Конечно. А почему бы и нет? О, я уже рассказывала тебе о новой истории, которую я пишу?

— Про ту невесту по почте?

— Нет. Сейчас я пишу роман про оборотня. Послушай...

Я наблюдаю за троицей в кабинке прямо напротив моей. Начальник охраны дона, Нино, сидит, откинувшись на спинку кресла, и выглядит чертовски скучающим. Я встречал его несколько раз, но мы никогда не общались достаточно долго, чтобы у меня сложилось определенное впечатление. Мой взгляд переключается на двух хихикающих девушек, сидящих на диване напротив Нино. Одна из них одета в черное коктейльное платье, ее светлые волосы распущены, каждая прядь гладкая и на своем месте. Изысканно. Стильно. Наверное, это сестра босса. Она определенно выглядит соответствующе. Я должен был бы сосредоточиться на ней, но мой взгляд притягивает девушка справа от блондинки.

Я заметил ее сразу, как только она вошла в клуб, как и остальные посетители, особенно мужчины. Трудно не заметить женщину в переливающемся золотом комбинезоне, который ловит свет при каждом ее движении. Он облегает ее маленькое идеальное тело и завязывается на шее, оставляя обнаженными спину и плечи. Это нелепо и совершенно не соответствует строгому дресс-коду в Naos. Если бы она не была с сестрой Артуро, мои люди на входе не пропустили бы ее внутрь.

Я перевожу взгляд с глубокого V-образного выреза на передней части золотистого чудовища на ее лицо, похожее на пикси. Острые скулы. Маленький курносый носик. Восхитительный месяц, в данный момент расширенный в улыбку, когда она что-то говорит возле уха своей подруги. Я нахожусь слишком далеко, чтобы разобрать ее слова, поэтому выхожу из кабинки и перехожу за барную стойку, минуя барменов, занятых разливанием напитков. В тени есть место, которое мне нравится, — рядом с большой колонной, скрывающей электрические провода. Я прислоняюсь плечом к стене и сосредоточенно смотрю на блестящие губы девушки.

«Им суждено быть вместе, но он отвергает ее ради другой женщины. Она решает сбежать из стаи. Однако не может превратиться в свою волчью форму, так что...»

Я поднимаю бровь. Стая? Перевоплотиться в волка? Даже при приглушенном освещении в клубе стенд достаточно хорошо освещен лампой, стоящей рядом с диваном, поэтому я уверен, что правильно прочитал ее слова. Сверкающая девушка убирает упавшую на лицо прядь темно-каштановых волос и заправляет ее за ухо. Масса ее волос заплетена в две беспорядочные французские косы, начинающиеся у макушки и спускающиеся по бокам головы. Каждая коса украшена множеством маленьких золотых колечек. На фоне всех женщин в платьях или коктейльных нарядах, с идеальными стильными прическами, она выглядит совершенно неуместно. Может быть, именно поэтому я не могу перестать смотреть на нее.

Рука касается моего плеча. Я оборачиваюсь и вижу, что Филипп стоит позади меня и смотрит в ту же сторону, что и я.

— Ну что? Что скажешь? Не совсем в твоем вкусе.

Я бросаю быстрый взгляд на девушку в черном платье.

— Почему? Мне нравятся блондинки.

Филипп нахмуривает брови, на его лице появляется гримаса.

— Не блондинка, Драго. Та девчонка в золотом платьице — сестра Артуро ДеВилля.

Я медленно поворачиваюсь и смотрю на девушку в блестящем. Она продолжает говорить, возбужденно размахивая руками, на запястьях болтаются многочисленные золотые браслеты. Я сосредотачиваюсь на ее губах.

«Он умирает из-за раны в груди. Той самой, которую он получил, когда сражался с ее подругой в волчьем облике.»

Я смотрю на своего второго командира.

— Ты уверен?

— Да. Хочешь, я позвоню Аджелло и скажу, что ты не будешь этого делать?

— Пока нет.

Я снова поворачиваюсь к Сиенне ДеВилль, делаю еще один глоток виски и жду, что продолжения про человека-волка.

«Она вбегает в комнату и видит, что он весь в крови. Бам! Клиффхэнгер. Что скажешь?»

Блондинка наклоняет голову, поэтому я не могу уловить ее ответ. Она смеется, затем кивает головой в сторону толпы, говоря что-то еще.

— Я так не думаю, — отвечает сестра Артуро. — Я видела только несколько его фотографий, но они были сделаны со спины. Надеюсь, он горячий. Но даже если нет, ничего страшного. Судя по тому, что я здесь вижу, он при деньгах. Не могу дождаться, когда начну тратить их. Так волнующе!

Она хихикает и тянется за своим напитком. Я качаю головой и поворачиваюсь, намереваясь найти Филиппа и попросить его позвонить Аджелло. Если я чего и не выношу, так это золотоискателей. И я не собираюсь обременять себя ни одним из них, к черту бизнес. Я бросаю последний взгляд на кабинку. Блондинка наклонилась в сторону, что-то ищет в своей сумочке. Нино все еще возится со своим телефоном. Но самое главное, что привлекает и удерживает мое внимание, — это выражение лица Сиенны ДеВилль. Вместо озорной улыбки, которая была всего несколько секунд назад, ее лицо совершенно пустое. О напитке, который держит в руках, она, кажется, забыла, так как безучастно смотрит куда-то перед собой.

Когда один из органов чувств ослабевает, организм приспосабливается, усиливая те, что у него остались. У меня было два десятилетия, чтобы адаптироваться и отточить различные способы восприятия. Язык тела. Выражение лица. Взгляд человека. Все это говорит гораздо больше, чем слова, которые люди произносят на самом деле. Я подношу бокал к губам, наблюдая за девушкой. Ее наряд может сверкать, как рождественская елка, но в ее глазах нет даже намека на искру. Нет, Сиенна ДеВилль не в восторге от идеи замужества так же, как и я. Что бы она ни говорила.

Блондинка достает из сумочки телефон и снова поворачивается к сестре Артуро. Сиенна улыбается, обнимая подругу и позируя для фото, и смеется. Мне кажется, я никогда не видел, чтобы человек так быстро менял выражение своего лица и язык тела. Кажется, что она искренне радуется, и как бы ни старался, я не могу определить, какое из этих выражений было истинным.

— Ну что? Он здесь?

Нино игнорирует меня, слишком сосредоточившись на своем телефоне.

— Нино! — Я щипаю его за руку.

— Чего тебе?

— Попов здесь?

Он закатывает глаза и оглядывается по сторонам.

— Нет, не здесь. Как я уже говорил тебе по меньшей мере семь раз за последний час.

— Уже два часа прошло. Почему его здесь нет? Это же его клуб.

Нино что-то бормочет и снова смотрит на свой телефон.

Вздыхнув, я хватаю Луну за предплечье.

— Пойдем потанцуем.

Я тяну подругу к танцполу, покачивая бедрами в такт. На четырехсантиметровых каблуках это трудно, но я стараюсь изо всех сил. Танцующих не так много, может быть, человек двадцать, и многие из них бросают в мою сторону любопытные взгляды.

Я привыкла к тому, что люди смотрят. Это неизбежно, учитывая мой выбор одежды. Ну и пусть смотрят. Пусть верят в то, что я такая — беззаботная девушка, настолько уверенная в себе, что пришла в элитный клуб в блестящем наряде и чувствует себя при этом прекрасно.

Мой брат считает, что я согласилась на брак по расчету, потому что мне скучно и я хочу отомстить ему за излишнюю опеку. Он сам так сказал, когда ругал меня и пытался переубедить. Дон считает, что это из-за того, что он якобы угрожал жизнью моего брата. Не знаю, что думает Луна, но, учитывая, сколько раз сегодня вечером я упоминала о том, что Драго Попов, должно быть, богат, она, вероятно, считает, что я хочу выйти замуж из-за денег. Меня всегда поражает, как легко люди делают выводы, когда я позволяю им увидеть то, что они хотят увидеть. Думаю, никто не поверит, что я выхожу замуж за незнакомца, потому что боюсь остаться одна.

Я обвожу взглядом толпу, ища мужчину в джинсах. Вроде бы здесь не место для джинсов, но на всех фотографиях, которые я видела, Драго Попов в них ходит. Нет, джинсов нигде не видно. Только сшитые на заказ костюмы.

Мое внимание привлекает высокая фигура, облокотившаяся на барную стойку. Он частично в тени, но, судя по осанке, ему около тридцати лет. Черные брюки на нем безупречно сшиты, а черная рубашка с расстегнутой первой пуговицей натянута на широкие плечи. Пиджака на нем нет, а рукава рубашки закатаны до локтей. В нем есть что-то знакомое, но я не могу определить, что именно. Он смотрел в мою сторону с тех пор, как я заметила, что он стоит там, но я не обращала на него внимания, так же как и на остальных мужчин в этом клубе, которые заглядывались на меня.

Он наклоняется вперед, чтобы поставить свой бокал на барную стойку, и вдруг я вижу его. Короткие темные волосы, чуть длиннее на макушке. Оливковая кожа, говорящая о времени, проведенном на солнце. И, наконец, резкие черты его лица, освещенного светом бра на ближайшей колонне. Он красив, как и многие другие в клубе. Но есть одно разительное отличие, которое выделяет его среди других мужчин. В то время как они разглядывали мою попку и декольте, этот парень сосредоточен исключительно на моем лице.

Я встречаюсь с ним взглядом и улыбаюсь. Я все еще свободная женщина, поэтому не вижу ничего плохого в легком флирте. Он не улыбается в ответ. Как грубо! Я возвращаю свое внимание к остальной толпе, но почему-то мой взгляд снова возвращается к задумчивому мужчине. Он все еще смотрит на меня. Сзади подходит еще один парень в сером костюме и кладет руку на плечо мистера Высокого, Темного и Красивого. Не разрывая зрительного контакта, грубый красавчик качает головой и отправляет парня в костюме.

Песня сменяется медленной мелодией — "The Sound of Silence" в исполнении Disturbed. Мне всегда нравилась эта версия.

— Я не люблю медленные песни. Как ты думаешь, Нино разрешит нам выпить еще? —

спрашивает Луна и направляется обратно к нашему столику.

Я ничего не отвечаю. Я даже не шевелюсь, потому что прикована к месту, глядя на мужчину из бара, который идет прямо ко мне.

Что-то в том, как он идет, привлекает внимание. Его окружает атмосфера опасности, запах которой усиливается от того, как он идет. Каждый шаг медленный и продуманный, словно волк на охоте. Интенсивность его взгляда пугает и манит, как будто он каким-то образом вонзил в меня невидимые когти. Я не могу отвести взгляд.

Песня, звучащая из колонок, набирает обороты, каждое слово громче предыдущего. Мое сердце подстраивается под ритм, бьется все быстрее и быстрее, и когда он останавливается прямо передо мной, кажется, что оно вот-вот вырвется из груди.

— Потанцуй со мной. — Глубокий тембр его голоса доносится до меня, и он словно прощупывает каждый сантиметр моей обнаженной кожи. Я уверена, что не смогла бы отказать ему, даже если бы он попросил об этом. Его рука скользит по моей талии. Я с уверенностью смотрю в его зеленые глаза. Мой шанс спастись от тьмы, которую он предлагает, уже давно упущен.

Он полнимает голову вверх, разрывая наш зрительный контакт, чтобы посмотреть на что-то позади меня. Черт. Я совсем забыл о Нино. Я оглядываюсь через плечо, ожидая увидеть брата Луны, спешащего к нам. Но вместо того, чтобы подойти и остановить продвижение незнакомца, хочу я этого или нет, Нино стоит на краю танцпола и смотрит на красотку. Я наблюдаю, как Нино кивает и остается на месте. И тут же рука на моей талии напрягается, притягивая меня ближе к твердой груди, требуя моего пристального внимания.

— Твоя нянька решила нас не беспокоить.

У него странный акцент, он раскатывает букву "р", отчего его голос звучит как-то хрипло. Муж моей сестры — русский, и если у Паши вообще нет акцента, когда он говорит по-английски, то у некоторых его друзей он есть. У этого человека акцент похожий, но не совсем такой же.

— Наверное, сегодня твой счастливый день. — Я улыбаюсь, пытаюсь скрыть свою нервозность. Раньше разговор или флирт с мужчинами никогда не представлял для меня проблемы, но сейчас мне это дается с трудом.

Его руки переместились к моей спине, чуть выше пояса комбинезона. Я знаю, что должна завести руки ему за шею, но он намного выше меня, поэтому я просто кладу ладони ему на плечи.

— Похоже на то. — Одна из его ладоней слегка поднимается вверх, касаясь моей обнаженной кожи. — Не помню, чтобы я видел тебя здесь раньше.

— Я пришла взглянуть на одного человека.

— Это мужчина?

Его большой палец поглаживает кожу вдоль пояса моего комбинезона. С каждым движением в нем вспыхивает искра, посылая волну жара, а его глаза впиваются в меня. Я несколько раз моргаю, пытаюсь взять себя в руки.

— Может быть, — наконец говорю я.

— Интересно, что подумает твой мужчина о твоём... наряде?

Я ухмыляюсь, намереваясь дать ему остроумный ответ, как я обычно делаю в подобных ситуациях, но свирепость его взгляда мешает мне сосредоточиться, и в итоге я выкладываю правду.

— На самом деле мне все равно.

В его глазах что-то вспыхивает, а уголок рта изгибается вверх.

— Интересно. — Он поднимает руку и проводит подушечкой большого пальца по моей нижней губе. — Скажи мне, что случилось с девушкой-волчицей?

— Волчицей? — Я хихикаю. — О чем ты говоришь?

— Девушка, которая нашла своего мужчину в крови. Сможет ли она спасти его?

Моя челюсть падает на пол. Что? Как?

Горячий парень проводит указательным пальцем под моим подбородком и легонько постукивает по нему. Я быстро закрываю рот, потом снова открываю его, чтобы спросить, откуда он, черт возьми, знает о моей книге, когда песня заканчивается. Начинает играть быстрая мелодия, и я понимаю, что мы вовсе не танцевали. Мы просто стояли, не двигаясь, все это время.

— Было приятно познакомиться с тобой, Сиенна ДеВилль, — говорит он, и мои глаза удивленно вспыхивают. — Позвони своему дону. Скажи ему, что Драго сказал "Да".

Я растерянно смотрю на него, не находя слов.

Драго убирает руку с моего лица, и отворачивается, направляясь через танцпол и подавая знак мужчине в сером костюме следовать за ним. Они идут к задней части зала и через мгновение исчезают через черную дверь.

Он и есть мой будущий муж?

Глава 4

Я паркую байк в нескольких местах от белой машины, за которой слежу уже час, и наблюдаю, как водитель открывает заднюю дверь. Из машины выходит Сиенна ДеВилль с широкой улыбкой и в самом странном наряде, который я когда-либо видел. Сначала я подумал, не вышла ли она на улицу в пижаме, потому что именно так выглядит этот комплект из брюк и блузки. Она белая, с черными кляксами по всему телу, что создает впечатление, будто она надела коровью шкуру. Каблуки у нее оранжевые, как и пальто, а на макушке большой оранжевый бант, завязанный в высокий хвост. Она что-то говорит своему водителю и заходит в книжный магазин, выходящий на улицу. Я жду несколько мгновений, затем снимаю шлем и иду следом.

Книжный магазин огромный, с несколькими большими столами, заваленными книгами, спереди и книжными полками во всю стену сзади. Мне не пришлось долго искать свою будущую жену, потому что не заметить ее в таком наряде просто невозможно. Она стоит у одной из полок, держа в руках толстую книгу в мягкой обложке. Я смотрю на большую вывеску, подвешенную к потолку, ожидая, что на ней будет написано "Красота" или "Мода". Ничего подобного. Похоже, она просматривает бизнес-раздел.

К ней подходит служащая магазина, пожилая женщина с кислым лицом. Сиенна улыбается и наклоняется вперед, чтобы шепнуть ей что-то на ухо. Мрачная служащая расширяет глаза, а затем разражается хохотом. Они несколько минут что-то обсуждают, и когда продавщица возвращается к прилавку, на ее лице сияет улыбка. Моя будущая жена проверяет еще несколько книг в этом отделе, а затем прогуливается по магазину. Я притаился среди витрин с книгами по политике и продолжаю наблюдать за ней.

Девочка-подросток присела у полки с романтическими изданиями, когда Сиенна подошла к ней и наклонилась, что-то говоря. Девочка пожимает плечами и качает головой. Сиенна садится на пол, скрестив ноги, и начинает одну за другой брать с полки книги и передавать их подростку. Каждый раз, когда она достает новую книгу в мягкой обложке, она наклоняется к девочке и комментирует, протягивая книгу. Прикрыв рот рукой, девочка

хихикает.

Я проскальзываю за книжную полку по другую сторону от них, и теперь у меня есть прямой обзор лица Сиенны сквозь щель между книгами, выстроившимися в ряд, что позволяет мне сосредоточиться на ее губах, не будучи замеченным ею самой.

— ...мой любимый. Он — сварливый генеральный директор, а она — его секретарша, которая влюблена в него с детства. — Сиенна усмехается и берет следующую книгу. — О, а эта так хороша. Она модель, и к ней пристаёт какой-то псих. Поэтому ее отец нанимает телохранителя, отставного морского котика, но тот ее терпеть не может. Это троп про разницу в возрасте, ворчун/солнышко. Тебе понравится.

Я провожу почти час, выслеживая свою будущую жену по магазину, наблюдая, как она болтает со случайными людьми, как будто знает их много лет. Некоторые из них поначалу не проявляют интереса, но рано или поздно все они оказываются втянутыми в разговор с ней. Когда они уходят, их лица озаряют улыбки. Она будто околдовала их. И, похоже, я тоже попадаю под ее чары, потому что забываю о том, что сегодня у меня встреча с ее братом.

Я разворачиваюсь и выхожу из книжного магазина, оставляя свою будущую жену распространять вокруг себя явно заразительное счастье.

* * *

— Свадебного приема не будет, Артуро, — говорю я. — Мы подпишем бумаги в мэрии, и все.

Брат Сиенны смотрит на меня из-за стола, его челюсть плотно сжата. У нас с Артуро были довольно хорошие деловые отношения до всей этой истории с Пизано.

— Почему? — спрашивает он сквозь зубы.

— Гражданская церемония бракосочетания состоится в субботу. Времени на все остальное уже нет.

— Почему так скоро?

— Потому что я так сказал.

Он вцепился мне в лицо.

— Кем ты себя возомнил?

— Тем, кто согласился снова работать с тобой, несмотря на то, что Рокко Пизано убил одного из моих людей.

— Ты послал своих байкеров штурмовать вечеринку Нателло. Там были гражданские! Одному Богу известно, как никто из них не погиб.

— В нашем деле нет гражданских, Артуро. У нас есть погибшие с обеих сторон, но Коза Ностра начала это дерьмо. Если ты хочешь перемирия, то оно будет на моих условиях.

Артуро смотрит на меня, его ноздри раздуваются. Я вижу, как он теряет контроль над собой, как горит огонь в его глазах. Сердцебиение. Невидимый щелчок, и он ударяет ладонью по столешнице.

— Ладно. — Он поворачивается и выходит из моего кабинета.

Я беру телефон с рабочего стола и отправляю сообщение Филиппу: мол, дата свадьбы подтверждена и все готово.

Моя настойчивость в проведении свадьбы в субботу не имеет никакого отношения к улаживанию вражды между нами и Cosa Nostra. Но время выбрано идеально, и если мы идем на перемирие, то я хочу, чтобы оно вступило в силу до того, как наша первая партия оружия пересечет границу в воскресенье.

Если повезет, румынам потребуется по меньшей мере неделя, а может быть, и меньше,

чтобы осознать происходящее. А пока я не хочу рисковать тем, что кто-то может проговориться. Как только Богдан узнает, что я планирую захватить его рынок, румыны пойдут в атаку. Мы будем сопротивляться. Меньше чем через месяц начнется полномасштабная война. И мне нужно, чтобы Cosa Nostra не вмешивалась в нее.

Но самое главное — я хочу, чтобы комочек радости, которым является сестра Артуро, как можно скорее оказался в моем распоряжении.

— Что значит, свадьбы не будет? — раздается голос Аси. — У меня только одна сестра. Я хочу видеть тебя в свадебном платье, идущей к алтарю!

— Что ж. — Я пожимаю плечами и продолжаю красить ногти на ногах. — Может быть, в следующий раз.

— В следующий раз? И сколько раз ты планируешь выйти замуж?

— Три. Это мое счастливое число.

— Господи, Сиенна. Зачем ты это делаешь? Если ты не хочешь выходить замуж, просто скажи Артуро. Он отменит помолвку.

— Я не хочу, чтобы он отменял помолвку. Этот Попов очень красивый. Мне кажется, я в него уже влюбилась. — Я фыркнула.

— После того, как провела с ним целую минуту. Ага, конечно. Что происходит?

— Этот парень горяч! И он богат. Что может не понравиться? Он отвечает всем моим требованиям. Ты же знаешь, я неглупая.

— Ты не глупая. Ты просто притворяешься, что такая.

Я плотно закрываю крышку лака для ногтей и бросаю флакон на кровать, а в голове проносятся слова Аджелло двухмесячной давности.

— Теперь у тебя есть Паша, — говорю я, глядя в потолок. — Артуро найдет кого-нибудь и женится, в конце концов. Заведет детей.

— И что?

Я закрываю глаза.

— Я не могу смириться с мыслью, что останусь одна, Ася.

— Артуро никогда не позволит тебе остаться одной, даже когда женится. Дом достаточно большой, чтобы в нем могли жить десять человек, не натываясь друг на друга.

— Я никогда не буду навязывать себя семье брата.

— У него даже нет девушки, Сиенна. А тебе всего двадцать. Ты найдешь кого-нибудь.

— Да.

— Я могу попросить Пашу свести тебя с Костей, если хочешь?

— Спасибо, но не надо. Этот мужик переспал со всеми женщинами в районе Чикаго. Он симпатичный, но не в моем вкусе.

— А кто в твоём вкусе, сестренка?

— Большой, злобный альфа-оборотень, который ненавидит всех, кроме меня, и который сделает меня королевой своей стаи, — заявляю я и разражаюсь смехом.

— Пожалуйста, будь серьезной.

— Так и есть!

— Ты согласилась выйти замуж за парня еще до того, как познакомилась с ним! Это ненормально, Сиенна! Пожалуйста, будь благоразумной и отмени помолвку. Пожалуйста.

— Я пришлю тебе фотографии. Люблю тебя, — щебечу я в трубку и заканчиваю разговор.

Через несколько минут он снова начинает звонить, поэтому я включаю режим "не

беспокоить", укрываюсь одеялом и выглядываю в окно, но не вижу ничего примечательного.

Смогу ли я это сделать? Прожить всю оставшуюся жизнь с человеком, о котором ничего не знаю? Притворяться невинной, тайно собирая информацию и передавая ее своему дону?

Возможно.

Я притворялась почти всю свою жизнь.

Глава 5

— Боже правый, — выдыхает Филипп, глядя на что-то позади меня. — Что это на ней такое?

Я оборачиваюсь как раз вовремя, чтобы увидеть свою невесту, выходящую из машины. На ней то, что некоторые могут назвать пухлая куртка из искусственного меха. Может быть, он и смотрелся бы неплохо, если бы был другого цвета, но у нее он ядовито желтый. И шелковые брюки того же оттенка.

Сиенна ловит мой взгляд, что-то говорит Артуро, а затем устремляется к нам, ловко перепрыгивая через дождевые лужи на своих высоченных каблуках. И они того же цвета, что и весь ее наряд. Она напоминает мне птенца под ЛСД.

Моя невеста останавливается передо мной и что-то говорит, пока роется в сумочке, но из-за того что она наклонила голову, я не могу прочитать по ее губам. Наконец она находит то, что искала, и смотрит на меня с широкой ухмылкой.

— Если ты не против?

— Да, — отвечаю я, понятия не имея, что она сказала.

Ее улыбка расширяется.

— Отлично. — Она прислоняется спиной к моей груди, подняв телефон перед нами. — Скажи "сыр".

Она смотрит на телефон и делает селфи.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я, глядя на ее накрашенные желтым лаком ногти, пока ее пальцы летают по клавиатуре.

— Отправляю фотографию сестре. Она спрашивает, почему я согласилась на брак по расчету с незнакомцем.

Я протягиваю руку и беру ее подбородок между пальцами, приподнимая ее голову вверх.

— И почему же ты согласилась, Сиенна?

Она моргает, и на мгновение на ее лице мелькает паника, но в следующую секунду она исчезает, сменяясь ухмылкой.

— Потому что ты горячая штучка. И богатый.

Ее улыбка кажется искренней, ее тон звучит искренне, но когда я фокусирую взгляд на ее глазах, я замечаю что-то еще. То, что она изо всех сил старается скрыть своим солнечным образом. Это очень похоже на боль.

Я провожу большим пальцем по изгибу ее нижней губы. Она слегка подрагивает от моего прикосновения.

— Пошли. Давай покончим с этим. — Я поворачиваюсь к Филиппу. — Ты можешь идти. Позвони Кеве и скажи ей, что я забираю Сиенну домой.

Сиенна ничего не говорит, когда я забираю у нее телефон и кладу его обратно в сумочку. Она молчит, пока я беру ее за руку и веду по широким каменным ступеням к входу в мэрию, Артуро следует в нескольких шагах позади. Мы уже на вершине, когда Сиенна вдруг поворачивается в сторону парковки. Проследив за ее взглядом, я замечаю, что из

машины выходит мускулистый мужчина, и тут же толкаю Сиенну за собой. Я уже потянулся за пистолетом, когда Сиенна вырвала свою руку из моей и, обойдя меня, бросилась вниз по ступенькам к этому оборванному ублюдку.

Ярость вспыхивает во мне, пока я не замечаю, что парень помогает женщине выйти из машины. Я отпускаю пистолет, наблюдая за тем, как точное копия моей невесты, за исключением сумасшедшего наряда, направляется к Сиенне.

— Это моя сестра и ее муж, — глубокий голос Артуро проникает сквозь мое минутное оцепенение.

Он подходит и встает рядом со мной. На мгновение на его лице исчезают постоянно присутствующие морщины беспокойства, когда он смотрит на своих сестер и коротко кивает своему шурина.

Вот черт...

Я знал, что у Артуро есть две сестры, но не знал, что они близнецы. Мое сердце сжимается и обливается кровью, когда я вижу, как эти две женщины падают в объятия друг друга. Сиенна что-то говорит и снова обнимает сестру. Затем она наклоняется и целует свою близняшку в щеку, а затем заправляет прядь волос за ухо. Ее сестра делает то же самое с Сиенной. Даже манеры идентичны. Я и забыл, какими иногда бывают близнецы.

Мне больно смотреть на них, поэтому я отворачиваюсь от этого зрелища и открываю дверь в здание.

Я краем глаза наблюдаю за своим новым мужем, пока он ведет машину. Он был очень замкнут во время быстрой свадебной церемонии, как и после нее, когда все выходили из мэрии. Мы в дороге уже почти два часа, а он не сказал мне ни слова. Я потратила это время на то, чтобы отсортировать свои фотографии и выложить их в социальные сети, но закончила это пять минут назад.

— Все в порядке? — спрашиваю я.

Драго бросает на меня косой взгляд, а затем возвращает свое внимание к дороге.

— Я не разговариваю за рулем.

Подняв брови, я говорю:

— Окееей.

Я набираю сообщение для Аси, спрашиваю, добрались ли они с Пашей до аэропорта. Я до сих пор не могу поверить, что она действительно приехала. Это же не настоящая свадьба. Это больше похоже на поход в банк для открытия счета. Хотя кольца были приятным шприхом. У Драго — толстое золотое кольцо, а у меня — с огромным бледно-желтым бриллиантом. Оно хорошо сочетается с моей курткой и прекрасно отражает свет. Я поднимаю руку и делаю снимок, чтобы потом загрузить его в свой Инстаграм.

Он сворачивает направо, и я поднимаю глаза от телефона, чтобы посмотреть на узкую дорогу, ведущую к входу в высокий забор. Ворота отъезжают в сторону, и мы продолжаем двигаться по усаженной деревьями дорожке к красивому острову с мраморным фонтаном в центре. В конце дорожки возвышается массивный четырехэтажный особняк. Светло-бежевый кирпич и коричневая деревянная отделка фасада светятся в лучах полуденного солнца. Дом настолько велик, что больше похож на гостиницу, чем на жилой дом. Я считаю окна на верхнем этаже. Десять выходят на фасад. Сколько же здесь комнат? Зелень и деревья окружают дворцовую цитадель, делая ее похожей на декорации из сказки.

— Приехали. — Драго выходит из машины и идет сзади, чтобы открыть дверь моей машины.

Я выхожу из машины, не переставая любоваться прекрасным домом, и тут же распахивается входная дверь, и на улицу выбегает женщина лет шестидесяти в фартуке. Она направляется к нам и что-то кричит на сербском языке так быстро, что я не успеваю понять весь смысл, а только улавливаю случайные слова.

— ...ужин... Филипп только что сказал мне... женился... без торта... убью тебя...

Остановившись перед Драго, она тычет пальцем ему в грудь.

— Sram te bilo. (перевод с серб. Позор тебе)

Я все еще перевариваю тот факт, что мой муж позволяет женщине, которая, кажется, является частью персонала, кричать на него и говорить ему, что ему должно быть стыдно, в то время как она поворачивается ко мне и крепко обнимает меня. Три громких чмока раздаются в ушах, когда она целует мои щеки в быстрой последовательности — справа, слева, потом еще раз справа.

— Драго не сказал мне, что привезет тебя сегодня. Я думала, он уехал на деловую встречу! Дай-ка я на тебя посмотрю. — Она наклоняется и берет мое лицо в свои ладони. — Ох, ты такая красивая и... — Она опускает глаза на мой наряд. — Почему ты надела костюм цыпленка, милая?

Выражение растерянности на ее лице, когда она смотрит на мою куртку, настолько уморительно, что я раздражаюсь смехом. Я перевожу дыхание и говорю:

— Я Сиенна.

— Я знаю, милая. Драго был так мил, что сообщил мне, что женится. — Она смотрит на моего мужа, который молча наблюдал за всем происходящим, и на ее лице написано раздражение. — Но он, должно быть, забыл сказать мне, что это будет сегодня.

— Сиенна. — Драго кладет руку мне на поясницу, и от легкого прикосновения по телу пробегает возбужденная дрожь. — Это Живка, бывшая жена моего покойного отца, которой следовало бы представиться первой.

— Зови меня просто Кева, — говорит она. — Давай поедим. Все ждут тебя в столовой уже почти полчаса.

Я нахмуриваю брови. Кева? Драго только что назвал ее Живкой, так неужели Кева — это прозвище?

Пока мы идем за Живкой в дом, я пытаюсь придумать причину, по которой Драго мог пригласить бывшую своего отца в свой дом, но теряю концентрацию, когда его рука проскальзывает под мою куртку. У моих брюк низкая талия, а блузка задралась, и его пальцы касаются обнаженной кожи на моей спине, вызывая мелкую дрожь удовольствия, которая пробегает по позвоночнику. Я украдкой смотрю на него, и вижу, что он свободной рукой что-то набирает на телефоне, не обращая внимания на то, что его прикосновения делают со мной.

Мы заходим в дом, где нас встречает мужчина в джинсах и простой черной футболке, в наплечной кобуре с двумя пистолетами. Рука Драго соскальзывает с моей спины, кончики его пальцев при этом задевают мою обнаженную плоть. Это всего лишь легкое прикосновение, в одно мгновение оно есть, а в следующее исчезает, но я все еще чувствую, что горю в том месте, где его ласка скользила по моей коже.

Мужчина с кобурой кивает Драго и забирает его куртку, а затем помогает мне снять мою. Рука моего мужа обхватывает запястье парня, прежде чем он успевает дотянуться до моего искусственного меха.

— Не прикасайся к моей жене, — говорит Драго по-сербски. Его тон спокоен, но

хватка, которую он сжимает на запястье мужчины, усиливается. — Проследи, чтобы все в доме это знали.

Парень замирает и нервно моргает.

Когда Драго поворачивается ко мне и помогает снять желтую куртку, я делаю вид, что не понимаю, ожидая, что он объяснит то, что только что произошло. Но он этого не делает, а просто передает куртку мужчине, который теперь сосредоточенно смотрит в пол. Драго снова кладет руку мне на поясницу и ведет меня через фойе.

Мы идем к двойным деревянным дверям, за массивной рамой которых, кажется, слышна веселая и шумная возня. По мере нашего приближения голоса превращаются в какофонию — десятки людей борются за право вести самый громкий разговор. Как только мы переступаем порог, все звуки стихают, и на огромную столовую, словно покрывало, опускается тишина. Я останавливаюсь на полпути и оглядываю длинный стол, за которым сидят не менее сорока человек. Большинство из них — мужчины, одетые более или менее непринужденно, но все они носят на плече кобуру с одним или двумя пистолетами. И все до единого смотрят на меня.

— Это Сиенна, — говорит Драго и направляет меня к трем пустым стульям во главе стола. Он останавливается и протягивает мне один из них, стоящий справа от почетного места хозяина. Не успеваю я занять место, как в комнате раздается грохот нескольких десятков стульев по полу: все вокруг встают.

— Эм... что происходит? — бормочу я и косо смотрю на Драго.

— Садись.

Я опускаюсь на стул. Драго занимает место во главе стола, а все остальные садятся обратно.

Я поворачиваюсь лицом к мужу и шепотом спрашиваю:

— Здесь есть скрытая камера?

Драго переводит взгляд с моего рта на глаза, уголок его губ приподнимается.

— Нет.

Дверь в другом конце комнаты распахивается, и в комнату входит Живка в сопровождении четырех женщин и двух мужчин. Они вносят огромные тарелки с едой, ставят их на обеденный стол и возвращаются, как я понимаю, на кухню. Через несколько минут они возвращаются с салатами и хлебом. Когда они заканчивают, Живка садится слева от Драго, а остальные обслуживающий персонал занимает оставшиеся свободные стулья вокруг стола. Все выжидающе смотрят на Драго. Он кивает. Болтовня возобновляется, люди начинают накладывать еду из больших сервировочных блюд в свои тарелки. Я несколько раз моргаю, глядя на эту странную сцену, затем пожимаю плечами и беру ближайшую ко мне тарелку с салатом.

Вокруг раздаются смех и громкие разговоры, а я исподтишка наблюдаю за своей молодой женой. Кроме Кевы, я не представил ее никому из своих людей, и сделал это специально, чтобы увидеть ее реакцию. Я ожидал, что ей будет неловко. Даже испугается. Видимо, мне придется изменить свои предположения, потому что с самого начала трапезы она радостно болтала без умолку с Еленой, женой Йована. Судя по тому, что мне удалось уловить, они обсуждают какую-то книгу.

Мне сложнее всего воспринимать высокие звуки. У Сиенны умеренно высокий голос, поэтому мне трудно уловить его смысл, когда она говорит, даже если нет других слуховых отвлекающих факторов. Я слышу, как она разговаривает, но пропускаю слишком много слов.

Когда в одной комнате одновременно разговаривает так много людей, фоновый шум делает ее слышимость невозможной. А поскольку она повернута к Елене, я даже не могу прочитать по ее губам.

Я беру ее подбородок между большим и указательным пальцами, поворачивая ее к себе лицом. Все, кто живет в этом доме, знают о моей ситуации, поэтому они обязательно смотрят на меня, когда разговаривают со мной. Не знаю, почему я до сих пор не рассказал Сиенне о своей потере слуха, но она скоро узнает.

— Уже завела друзей? — спрашиваю я.

— Похоже на то. — Ее губы растягиваются в улыбке. — Ты что-то имеешь против этого?

У нее удивительно греховный рот, и то, как он изгибается, когда она говорит, вызывает у меня желание взять ее нижнюю губу между зубами и прикусить ее.

— Нет. Не имею.

Люди начинают вставать из-за стола, каждый берет свою тарелку и несет ее на кухню. Сиенна наблюдает за ними с изумлением в глазах, затем опускает взгляд на свою пустую тарелку и тянется к ней. Я беру ее за руку, убирая ее с тарелки и возвращая на стол, но не отпускаю.

— Думаю, тебе нужно объяснить мне, какие правила у вас здесь действуют. — Она ухмыляется, делая вид, что не замечает, что я все еще держу ее за руку.

— Какие правила?

— Люди сами убирают свои тарелки. Разве персонал этого не делает? И почему на ужине все были вооружены? — Она бросает быстрый взгляд на наши соединенные руки, затем снова переводит взгляд на меня.

— В доме семь женщин и двое мужчин, которые занимаются уборкой, готовят еду, следят за территорией. Но это не персонал. Просто это то, чем они здесь занимаются. — Я протягиваю руку и перебрасываю прядь ее волос через плечо. — А когда мы заканчиваем трапезу, мы все относим свои тарелки на кухню, чтобы облегчить им работу.

— Им за это не платят?

— Платят. Но мы все равно забираем свои тарелки, чтобы выразить им свое уважение и признательность. Что касается твоего второго вопроса — мы любим быть готовыми.

— К чему?

— Ко всему.

— Разве у тебя нет охраны?

— Каждый мужчина в нашем доме — отличный стрелок. Все мы являемся частью службы безопасности. — Я наклоняюсь вперед и кладу руку ей на шею. — Тебе нечего бояться, пока ты в моем доме, mila.

Она сужает глаза.

— Меня зовут Сиенна. Не Мила.

— Знаю. — Я притягиваю ее ближе, пока наши губы почти не соприкасаются. — Как и то, что ты согласилась выйти за меня замуж не потому, что я "горяч и богат".

Глаза Сиенны вспыхивают от моих слов, и я ожидаю, что она попытается отстраниться, но она только усмехается.

— Ты не думаешь, что это достаточно веская причина, чтобы жениться на ком-то?

— Нет. Видишь ли, у меня была очень веская причина, чтобы согласиться на этот брак. Но мне очень трудно расшифровать мотивы твоего согласия.

Телефон в кармане завибрировал от входящего сообщения. Я достаю его свободной рукой и смотрю на экран.

16:22 Филипп: Наш грузовик рано пересек границу и десять минут назад прибыл на склад. Кто-то проболтался. Румыны только что приехали. Богдан требует вашего присутствия и объяснений.

— Мне нужно идти. — Я неохотно отпускаю руку Сиенны и встаю. — Мы продолжим этот разговор завтра.

Я направляюсь через столовую и уже почти дохожу до двери, когда рука хватается меня за предплечье. Когда я опускаю взгляд, рядом со мной стоит моя жена и вопросительно смотрит в глаза.

— Что случилось?

— Я спросила, можно ли мне пойти с тобой?

— Я иду на деловую встречу, Сиенна. На деловую встречу, которая вполне может закончиться пролитием крови. Конечно, ты не можешь пойти со мной.

— О, это старая блузка. Я просто выброшу ее, если на ней будет кровь. — Она машет рукой в воздухе.

Я опускаю взгляд, рассматривая ее блузку. Она белая, с изображением желтого подмигивающего кролика, держащего морковку. И морковка, и уши кролика усыпаны крошечными оранжевыми блестками. Почему я не удивлен, что она вышла замуж в этом? Когда я поднимаю глаза, то вижу, что она все еще улыбается мне. Она издевается надо мной или просто спятила?

— Найди Кеву. Твои вещи, наверное, уже отнесли в спальню. Она покажет тебе, где это. — Я киваю в сторону кухонной двери и выхожу.

* * *

Мне требуется час, чтобы добраться до заброшенного дома, который мы используем в качестве хранилища наркотиков перед их отправкой. Мы все еще не получили следующий груз от Аджелло, поэтому я решил пока использовать это место для хранения первой партии огнестрельного оружия. Шесть моих людей с оружием в руках охраняют большой грузовик, припаркованный на заднем дворе. Выгружена только половина груза. В нескольких метрах справа стоят две черные машины. Богдан, глава румынской преступной организации, облокотился на капот ближайшей к грузовику машины, скрестив руки на груди.

Я паркую свой мотоцикл между грузовиком и машиной Богдана, снимаю шлем и встаю лицом к лицу с румынским лидером.

— Ты хотел встретиться.

— Я хочу получить объяснения, — отрывисто произносит он.

— По поводу чего?

— Этого! — Он показывает на ящики, сваленные рядом с грузовиком. — Последние десять лет у нас было хорошее сотрудничество. Я предлагал вам лучший товар и отличные цены. Поэтому я хочу знать, почему ты вдруг начал покупать оружие у кого-то другого и что ты собираешься делать с количеством, в десять раз превышающим то, что ты обычно заказываешь.

Я быстро заглядываю внутрь машины. На пассажирском сиденье машины, к которой прислонился Богдан, сидит парень, еще один — в другой машине. Кто-то, очевидно, сказал Богдану, что ко мне прибыл грузовик с оружием и боеприпасами, но он не знает, что я планирую перепродавать товар. Если бы он знал, то взял бы с собой побольше людей. Я могу

сказать ему, что мои потребности изменились, что мне нужно больше оружия, но он скоро поймет, что происходит.

— Я позвонил на родину, — говорю я, — и договорился с Лутовацем. Так получилось, что мы вместе учились в школе. Он знает, что мне нравится, и мы пришли к пониманию, что партнерство будет выгодно нам обоим.

Удивление и гнев промелькнули на лице Богдана, когда он услышал это имя. В этой части США есть два крупных дилера малокалиберного огнестрельного оружия и боеприпасов — Богдан и Эндри Душку. Оба они получают свою продукцию от сербского поставщика Lutovac, расположенного в Белграде. Тот факт, что я теперь работаю напрямую с Lutovac, дает понять, что у меня есть товар для перепродажи.

Богдан отталкивается от машины. Он почти трясется от ярости, кулаки сжаты в кулаки, и он подходит ко мне.

— Ты не будешь торговать оружием на моей территории, Драго.

— Ничего не поделаешь, поэтому советую тебе принять новую ситуацию и уйти. Ради старых добрых времен, не заставляй меня убивать тебя.

— Это мы еще посмотрим. — Ноздри Богдана раздуваются, когда он скрежещет зубами, но поворачивается и садится в машину.

Я смотрю, как уезжают обе машины, затем слезаю с мотоцикла и направляюсь к своим людям, стоящим у грузовика.

— Грузите все обратно внутрь. Нам нужно перевезти товар в другое место. Это место больше не может быть использовано. — Я поворачиваюсь к Филипу. — Как румыны нашли это место?

— Водитель сказал, что они следовали за ним от границы. Он думал, что потерял их след в какой-то момент, но они появились здесь, когда ребята разгружали ящики.

— Кто мог проболтаться?

— Есть только один человек, которого мы подкупили, чтобы организовать проезд грузовика в обход грузовой инспекции. Уэсли Пи-какой-то.

— Узнай его полное имя и адрес. Я нанесу ему визит завтра, — говорю я.

— Что мы будем делать с румынами? Богдан вряд ли так это оставит.

— Не оставит. Мне нужно, чтобы ты добавил еще людей в каждый склад.

— Ты думаешь, Богдан попытается что-то сделать? Почему бы не убить его сейчас?

— Если ты будешь убивать прошлых деловых партнеров, никто не будет иметь с тобой дела. К сожалению. Но если он нападет первым, у меня будет повод избавиться от него. — Я наклоняюсь и хватаю ближайшую коробку с патронами.

* * *

Когда я возвращаюсь домой, уже почти шесть утра. Я поднимаюсь по лестнице на последний этаж и направляюсь к последней двери в конце коридора. В моей спальне свет не горит, но шторы отдернуты, и слабый утренний свет падает на тело, свернувшееся калачиком на левой стороне моей кровати. Плюшевый ковер заглушает мои шаги, когда я прохожу через комнату и останавливаюсь рядом с изножьем кровати.

Сиенна спит на боку, зажав подушку между руками и ногами. Ее волосы распущены, и некоторые из них упали на лицо. Я окидываю взглядом ее изгибы и чувствую, как губы подрагивают. Похоже, что эксцентричная мода моей жены распространяется и на ее ночную одежду. На ней шелковая пижама-брюки и топ на бретельках. Это комплект с принтом зебры, но цвета — фиолетовый и розовый.

Я смотрю на нее несколько мгновений, удивляясь, почему она меня так завораживает. С того момента, как оставил ее в столовой сегодня вечером, я не мог перестать думать о ней. Мне это не нравится. Единственное, что должно интересовать меня в отношении моей молодой жены, — это ее скрытые мотивы, по которым она вышла за меня замуж, но я нахожусь в полном плену ее странной сущности. Это как если бы я обнаружил ранее неизвестное существо, поведение которого полностью противоречит ожиданиям.

Для такой защищенной и избалованной девушки, какой она, вероятно, была, приезд в новое место, где она никого не знает, должен быть стрессом. Некомфортным. Я ожидал, что она начнет ныть, просить меня отвезти ее обратно к брату. Вместо этого она приняла все как должное. Все это время на ее лице была озорная улыбка, от нее исходила раздражающе веселая энергия. Как будто ее несколько не беспокоит вся эта ситуация.

Сиенна ДеВилль — это сюрприз.

А я ненавижу сюрпризы.

Бросив последний взгляд на свою сногшибательную невесту, я отправляюсь в ванную комнату на другой стороне комнаты, чтобы принять душ. Через десять минут я забираюсь в постель и раскидываюсь рядом с женой. Она отвернулась от меня, и черт его знает почему, но мне это не нравится. Я обхватываю ее за талию и притягиваю ближе, пока ее спина не оказывается прижатой к моей. Затем я перекидываю одну ногу через ее, переплетая ее тело со своим, и закрываю глаза.

Глава 6

Я просыпаюсь, укутавшись во что-то теплое и большое. Ощущения приятные. Я вздыхаю и зарываюсь лицом в подушку. Хватка вокруг моего тела слегка усиливается, и мои глаза распахиваются, уставившись на толстую татуированную руку, обвивающую мою талию.

В моей постели мужчина.

Я моргаю. Какого черта в моей постели мужчина?! Крича, я пытаюсь распутаться, но хватка на моем животе только усиливается.

— Прекрати. — Хриплый голос Драго раздается позади меня. — Я пытаюсь заснуть.

Я толкаю его предплечья, но мне удается сделать лишь малейшее движение, затем поворачиваюсь, и в итоге упираюсь лицом в его шею. Боже мой, он потрясающе пахнет. Я слегка наклоняю голову и вдыхаю. Это что-то древесное с примесью — я снова вдыхаю — о, нотки мяты.

— Перестань обнюхивать меня, Сиенна, и спи дальше.

— Я не нюхаю тебя, — бормочу я и снова пытаюсь высвободиться из его объятий. — Отпусти меня.

Драго не шевелится ни единым мускулом. Я прижимаю ладони к его твердой груди и толкаю. Над моей головой раздается тяжелый вздох, и его хватка ослабевает. Я перекатываюсь на другую сторону кровати и поднимаюсь.

— Что ты делаешь в моей постели? — Уперев руки в бедра, я смотрю на мужа, который наблюдает за мной из-под прикрытых век.

Драго растянулся на кровати, подложив под голову правую руку. На нем нет рубашки, но из-под простыни выглядывают темно-синие пижамные штаны.

— Это моя кровать. Ты лежала в ней, когда я пришел домой.

— Что? Когда Живка привела меня наверх после ужина, она сказала, что это будет моя комната. Все мои чемоданы уже были здесь.

— И ты моя жена, так что вполне ожидаемо, что и ты, и твои чемоданы будут здесь.

Я осматриваю комнату и понимаю, что она действительно выглядит так, как будто принадлежит мужчине. Вчера вечером я была настолько морально истощена, что просто переделалась в пижаму, почистила зубы и легла спать, не обращая внимания на окружающую обстановку.

— Думаю, что и я, и мой багаж предпочли бы иметь отдельную комнату. — Я оглядываюсь на Драго. Его глаза закрыты, а грудь поднимается и опускается в медленном ритме.

— Драго?

Он заснул. Чертовски здорово.

Надо пойти принять душ и одеться. Потом найти Живку и спросить, нет ли другой комнаты. Это было бы разумно, но я не могу оторвать глаз от мужа. Он выглядит по-другому, когда спит. Менее... задумчивым что ли.

У него на шее есть участок кожи, покрытый пятнами. Я заметила его вчера во время ужина, но его рубашка скрывала большую его часть от глаз. То, что я могла разглядеть, выглядело как небольшой шрам. Теперь, однако, стало ясно, что тот участок, который я заметила вчера, был лишь частью чего-то гораздо большего. Кожа на плече и вдоль левой руки, вплоть до локтя, где начинаются татуировки, обесцвечена и имеет слегка бугристую текстуру. Я ставлю колени на кровать и медленно наклоняюсь вперед, чтобы лучше рассмотреть. Рука Драго внезапно взлетает вверх, его пальцы обхватывают мою руку.

— Передумала возвращаться в свою комнату? — спрашивает он и фокусирует взгляд на моих губах.

— Нет. — Я улыбаюсь. — Я не сплю с мужчинами, которых лично не приглашала в свою постель.

В его глазах вспыхивает что-то опасное, как только я произношу эти слова.

— Если я поймаю любого мужчину, прикоснувшегося к тебе хотя бы кончиком пальца, он потеряет не только руку. — Он крепче сжимает мою руку. — Может, этот брак и был заключен по договоренности, но с этого момента единственным мужчиной, которому позволено смотреть на тебя, прикасаться к тебе или трахать тебя — это я.

По мне пробегает приятная дрожь, и я прикусываю внутреннюю сторону щеки.

— Тогда почему ты этого не делаешь?

Драго наклоняет голову в сторону, внимательно изучая мою реакцию. Он отпускает мою руку, и его пальцы скользят по выпуклости моей груди, по впадине груди, а затем ниже, за пояс пижамы. Мое дыхание учащается. Его прикосновения легки, но мое тело реагирует на них иначе. Я не привыкла к прикосновениям незнакомых мужчин и никогда не проводила с ними ночь в постели. Я должна быть обеспокоена, а не возбуждаться от его нежных поглаживаний. Желать, чтобы его рука опускалась ниже. Но я хочу.

Каково это — оказаться прижатой к этому большому телу, когда его горячие прикосновения обжигают мою обнаженную плоть? Приятная дрожь пробегает по позвоночнику от одной только мысли об этом. Ладонь Драго проникает между моих ног, надавливая на киску через шелковистую ткань, а его взгляд перехватывает мой, и мне приходится прикусить нижнюю губу, чтобы не вырвался стон. Меня никогда не привлекали жесткие, сварливые мужчины, но по какой-то удивительной причине мой незнакомый муж привел меня в полный восторг.

— Мне бы это очень понравилось. — Он сильнее надавливает на мой трепещущий центр, и я чувствую, что становлюсь влажной. — Но я не трахаю лжецов, mila moja (с серб.

Милая моя).

С последней лаской Драго убирает руку между моих ног и поворачивается ко мне спиной. Я скрежещу зубами, встаю с кровати и иду через всю комнату в ванную, не забыв при этом со всей силы захлопнуть дверь.

Через десять минут я стою перед чемоданом и роюсь в его содержимом в поисках чего-нибудь красивого. Яркая одежда заставляет меня чувствовать себя счастливой, даже когда я не в себе. Нахожу нижнее белье и голубую блузку, но моих любимых оранжевых джинсов там нет. Я захопываю крышку чемодана и перехожу ко второму. Драго продолжает спать, совершенно не обращая внимания на мой шум. В третьем чемодане я, наконец, нахожу искомые джинсы и пушистые тапочки-сапожки. Сев на край кровати, я разворачиваю полотенце и начинаю одеваться.

Он назвал меня лгуньей. Наверное, в какой-то степени он прав. В конце концов, я приехала сюда, чтобы шпионить за ним для дона. Но мне все равно больно. И тот факт, что это так, беспокоит меня. Есть только два человека, которых я подпускаю достаточно близко, — это мои брат и сестра. Что касается других людей, то их поступки и высказывания я пропускаю мимо ушей. Если они мне безразличны, то их мнение или поведение не может меня задеть. И мне абсолютно наплевать, что обо мне думает Драго Попов.

Закончив собираться, я беру с кровати полотенце, чтобы отнести его в ванную, но на полпути останавливаюсь и смотрю через плечо на спящего мужа. Тихонько хихикая, я бросаю полотенце ему на лицо и выбегаю из комнаты так быстро, как только могу.

На лестнице мимо меня проходит одна из присматривающих за домом женщин, несущая стопку простыней на верхний этаж.

— Доброе утро! — щебечу я.

Она бросает на меня несколько враждебный взгляд, но выражение ее лица меняется на растерянность, когда она видит на мне пушистые тапочки-сапожки. Они оранжевого цвета с большими белыми точками в горошек. В середине каждой точки вложена маленькая оранжевая блестка.

— Милые сапожки, — пробормотала она.

— Спасибо. — отвечаю я.

Поднявшись на первый этаж, я замечаю, что несколько мужчин стоят у входной двери, снимая пальто. Я припоминаю, что видела их вчера на ужине, и помню, что они упоминали, что после ужина отправятся на ночное дежурство. Почему они вернулись сюда, а не поехали домой?

Я вхожу в большую столовую и останавливаюсь, едва переступив порог. Почти все стулья за длинным столом заняты. Неужели сербы празднуют особые события несколько дней? Место в конце стола, где я сидела вчера, свободно, и я направляюсь к нему, произнося на ходу веселое "доброе утро". Несколько человек кивают, но большинство просто смотрят на меня. Похоже, я не выиграю здесь ни одного конкурса популярности. Я сажусь на свое место и наклоняюсь к Елене, рыжеволосой девушке с веснушками, с которой мы общались вчера во время ужина.

— Итак, по какому поводу сегодня праздник? — спрашиваю я.

Она нахмуривает брови.

— Повод?

— Да. Я вижу, у нас снова гости. — Я делаю жест в сторону людей, сидящих за столом.

— О... это не гости. — Она смеется. — Они живут здесь.

— Здесь? В этом доме? — Я вытаращилась на нее. — Но тут же... около сорока человек.

— Вообще-то, сорок восемь. Первая смена охраны уже позавтракала, а оставшихся сейчас здесь нет.

Я смотрю вдоль стола. Господи Иисусе.

Дверь, ведущая на кухню, открывается, и внутрь вбегают женщины, несущие множество тарелок на вытянутых руках. Две из них занимают правую сторону стола, а три другие — левую. Они начинают расставлять перед каждым тарелки с яичницей и беконом.

Парень лет двадцати пяти, сидящий через пару мест от Елены, тянется к тарелке, которую перед ним опускают, но девушка, ставящая тарелку, быстро убирает ее из его рук.

— Кева сказала, что ты на диете. Она делает тебе салат. — Девушка шлепает его по затылку и ставит на стол две последние тарелки.

— Ната, милая, не поступай так со мной, — кричит парень ей вслед, когда она возвращается на кухню. — Я умираю от голода. Ты же знаешь, я не могу работать, когда голоден.

Все игнорируют его нытье и набрасываются на еду. Я беру кусок хлеба из ближайшей миски и начинаю есть, притворяясь, что меня интересует только моя еда, и прислушиваясь к разговорам вокруг.

Мне трудно понимать полные предложения, потому что у меня нет опыта разговорного сербского языка, особенно при таком количестве говорящих одновременно людей. Мое внимание переключается с одного разговора на другой, но я улавливаю лишь отдельные фрагменты и только часть смысла. Кажется, большинство разговоров крутится вокруг какого-то важного события и новых мер безопасности.

— Pop treba da se vidi sa ludim Rusom u vezi isporuke (с серб. Поп должен встретиться с сумасшедшим русским по поводу доставки), — говорит большой татуированный мужчина, сидящий напротив Елены.

Вилка замирает на полпути к моему рту. Поп? Это значит священник. Священник встречается с сумасшедшим русским для чего-то, связанного с пересылкой? Среди них есть священник? Что делает священник — благословляет контейнеры с наркотиками? Я пытаюсь подслушать, что он скажет дальше, но парень снова набивает рот яйцами.

В другом конце комнаты дверь кухни снова открывается, и в нее входит пожилой мужчина. У него совершенно белые волосы, собранные в короткий конский хвост. В сочетании с длинной белой бородой это делает его похожим на Санта-Клауса. Правда, на очень странного Санта-Клауса, поскольку одет он в армейские зеленые тактические штаны, такую же футболку и наплечную кобуру с двумя пистолетами поверх. К бедру пристегнуты ножны для ножа. Крутой Санта присаживается, достает из ножен зловещего вида нож и начинает резать им бекон.

— Кто это? — спрашиваю я Елену.

— О, это Бели. Наш садовник.

— Садовник? Что именно он сажает?

— Тюльпаны — его любимые, представляешь?

— Нет. — Я фыркаю.

— Они с Кевой ненавидят друг друга. Пару лет назад он посадил вокруг дома белые лилии, и Кева попросила одного из парней их скосить, потому что, по ее словам, это похоронные цветы. Теперь Бели следит за тем, чтобы сажать их каждый год, выбирая каждый раз другое место.

— Что ж, не похоже, что здесь все скучно. А какая роль у тебя?

— Большую часть времени я работаю с Мирко. Он отвечает за логистику. — Она кивает в сторону сидящего рядом парня с салатом. — Он организует грузовики и маршруты, а я ему в этом помогаю. Но он также отвечает за наблюдение здесь и в “Naos”. И еще я помогаю Кеве отмывать деньги.

— Кеве? — Я смотрю в конец стола, где женщина, о которой идет речь, наливает кофе какому-то парню. — Я думала, она кухарка.

Елена смеется.

— Да, она готовит еду для всех, оказывает первую помощь, когда это необходимо, и следит за тем, чтобы все деньги, которые приносят, проходили через “Naos” и выходили чистыми.

— Ничего себе. — Я качаю головой. — А почему вы называете ее Кевой? Это прозвище?

— Это сленг. Кева означает “мама”. Вполне подходит, ведь она всем командует.

— Наверное, это странно, когда пятьдесят человек называют тебя “мамой”. — Я еще раз окидываю взглядом стол. — Не могу поверить, что все они живут здесь. Это похоже на отель.

— О, это совсем не похоже на отель, поверьте мне. — Она хмыкнула. — Скорее, военная база.

— Значит, Драго настаивает на том, чтобы все жили здесь?

— Боже, нет. Он часто ворчит по этому поводу, но позволяет нам остаться, — говорит Елена между укусами. — Когда мы с Йованом несколько лет назад присоединились к организации, нам дали комнату на втором этаже. Она должна была быть временной, чтобы мы могли познакомиться со всеми и посмотреть, как все работает, поскольку здесь основная операционная база. Но в итоге мы остались. — Она проводит рукой по столу. — С остальными было то же самое. Они чувствуют себя здесь в безопасности.

— Потому что дом хорошо охраняется?

— Нет. Из-за Драго. Люди тянутся к нему. С ним они чувствуют себя в безопасности.

Я пытаюсь представить, как можно жить в одном доме с таким количеством людей. Невероятно. Абсолютное безумие. На моих губах появляется небольшая улыбка. Это похоже... на волчью стаю в моем рассказе.

— Я думаю, это потому, что они знают, что Драго готов принять пулю за любого из них, — продолжает она. — Они не раз были свидетелями того, как это происходило.

Моя голова резко возвращается к Елене, улыбка исчезает с моего лица.

— Что?

— Его подстрелили во время нападения на лагерь несколько лет назад. Несмотря на то, что в карауле было много ребят, которые должны были отбиваться от нападавших, Драго первым выбежал наружу. В него попали, когда он прикрывал позицию, оставшуюся незащищенной из-за ранения одного из солдат”.

Я представляю, как пуля пробивает грудь моего сварливого мужа, и по моему телу пробегает дрожь. Елена, похоже, не замечает моего расстройства, потому что продолжает болтать.

— Да и удобнее, когда большинство людей находятся в одном месте. Это значительно упрощает организацию работы. — Она показывает жестом через стол на парня, который говорил о священнике. — Это Адам. Он дружит с Драго уже давно, еще в Сербии, а сюда

переехал лет пятнадцать назад или около того. Он командует пехотинцами. Что касается остальных ребят, то здесь нет строгих должностных обязанностей. Каждый делает то, что нужно. Транспорт. Доставка. Охранные смены. Некоторые из них при необходимости работают в клубе в качестве дополнительной охраны.

— Окей... — Я киваю, как будто все это имеет смысл. Только это не так. В Cosa Nostra у каждого члена есть очень строгие должностные инструкции и обязанности. Повара готовят еду. Они не отмывают деньги. Я еще раз оглядываю всех сидящих за столом. Как может функционировать преступная организация с такой неопределенной структурой?

— Как одна большая счастливая семья.

— Ой! Я забыла про Тару. Сестра Драго, — добавляет она.

— У Драго есть сестра?

— Да. Она жила здесь, в этом доме, но на прошлой неделе съехала.

— Почему?

— Ну... — Елена вздрагивает и избегает встречаться со мной взглядом. — Два года назад между нами и Cosa Nostra было что-то вроде противостояния.

— Да, я слышала об этом. — Я киваю. Это случилось, когда Ася отсутствовала, поэтому я не обращала особого внимания на то, что происходит внутри Семьи.

— В парня Тары стреляли, и он умер.

— Черт. — Я опустила взгляд в свою тарелку. — Значит, она ушла из-за меня?

— Да. Она не очень хорошо восприняла, когда Драго сказал ей, что его невеста из Cosa Nostra.

Я продолжаю кивать, как будто внезапно превратилась в долбаного болванчика, и сосредотачиваюсь на еде. Неудивительно, что большинство присутствующих здесь людей пристально смотрят на меня.

— Если хочешь, я потом покажу тебе дом, — говорит Елена между укусами. — И еще, Драго тебе говорил? Не выходи одна на улицу ночью.

— Нет. Почему?

— Из-за собак. Боюсь, они не очень общительны. Лучше не гуляй там, пока Драго не познакомит тебя с ними.

Перед глазами встает образ моего пса Бонбона. Он умер в прошлом году, и в этом виновата только я.

— Конечно, — бормочу я, хотя у меня нет ни малейшего желания встречаться с собаками мужа и вновь открывать эту рану.

Закончив завтрак, я несу свою тарелку на кухню, чуть не столкнувшись с одной из девочек, держащей стопку грязной посуды. Еще четыре девушки бегают по комнате, столовые приборы звенят о фарфор, пока все загружается в посудомоечные машины. Наверное, это самая большая кухня, которую я когда-либо видела.

Большую часть центральной части занимает длинный широкий остров, заваленный мисками, противнями и посудой. В конце прилавка занимает место промышленный холодильник, в котором, судя по его размерам, можно хранить продукты для небольшой армии. За стеклянными дверцами шкафов из белого дерева стоят десятки стаканов, чашек и тарелок. Запах свежесваренного кофе смешивается со сладким ароматом печеных яблок, исходящим из огромной кастрюли, стоящей на плите. Один из парней, которого я видела вернувшимся со смены караула, протягивает ложку в кастрюлю.

— Релья! — кричит Кева, бросаясь к нему, и бьет его по руке кухонным полотенцем. —

Не трогай это!

— Я просто хотел попробовать. Запах потрясающий.

Кева выхватывает у него из рук ложку и зачерпывает из кастрюли что-то похожее на тертые яблоки.

— Исчезни. — Она возвращает ложку в его руку, затем поворачивается к девушке, укладывающей продукты в холодильник, и кричит ей, чтобы она поторопилась.

Мой взгляд блуждает по комнате, где Драго прислонился к стене у задней двери, ведущей во двор. Я думала, он еще спит. Парень, который был с ним в мэрии, стоит рядом, и, похоже, они говорят о грузе, который должен прибыть в ближайшие выходные. С такого расстояния я не могу расслышать всего, что они говорят, но что-то в их обмене мнениями мне кажется немного неправильным. Я просто не могу определить, что именно. Вместо того чтобы поддерживать зрительный контакт, Драго опускает глаза вниз, как будто смотрит в землю и не слишком интересуется тем, что говорит ему другой человек. Он бормочет что-то в ответ, чего я не улавливаю, и кивает, затем его взгляд перемещается на меня.

Несмотря на то, что он находится на другом конце комнаты, меня словно ударило молнией, когда его глаза пронзают меня своей силой. Я все еще чувствую его запах на себе, несмотря на то, что ранее принимала душ. Как будто, обнимая меня, он каким-то образом отпечатался на моей коже.

— Поговорим позже, Филипп, — говорит Драго и направляется ко мне.

С каждым его шагом мой пульс учащается. Когда он, наконец, стоит передо мной, я с трудом сглатываю, дыхание становится учащенным и поверхностным.

Он упирается руками в кухонный остров, заключая меня между своими руками, и опускает голову.

— Ты хорошо спала прошлой ночью, mila?

— Нет, не очень. Матрас был слишком жестким, а потом ко мне в постель пробрался незваный гость. — Я ухмыляюсь. Ранее я искала в гугле перевод слова "mila", ожидая найти какой-нибудь уничижительный термин, но вместо этого была весьма удивлена, увидев, что это немного устаревшее, но все еще высоко ценимое сербское ласкательное слово, означающее "милая".

— Я не заметил, чтобы ты жаловалась, пока спала, обнимая меня за шею. Ты храпела.

— Что?! Я не храплю.

Драго наклоняется еще больше, его рот оказывается совсем рядом с моим ухом. Его дыхание дразнит мою кожу, когда он говорит.

— Нет, храпишь. Очень тихо, словно мурлыканье котенка. — Его губы прижимаются к моей шее, и низкий урчащий звук вызывает дрожь по позвоночнику. — Вот так, Сиенна.

Я прикусываю внутреннюю сторону щеки и закрываю глаза, пытаюсь подавить желание обхватить его руками и притянуть еще ближе. Мое тело каким-то образом тянет к нему, и я едва сохраняю контроль.

— Интересно, — продолжает он, и крошечные волоски на моей шее поднимаются. — У тебя тоже есть когти?

Я качаю головой и сильнее прикусываю щеку.

— Лгунья. — Это слово, произнесенное его хриловатым тембром, перекатывается через меня.

По позвоночнику пробегает приятная дрожь, и я прижимаюсь к нему, желая получить еще больше этих ощущений. Однако быстро понимаю, что натворила, и отстраняюсь. Он все

еще держит меня в клетке между своим телом и стойкой.

— Я обещала друзьям встретиться с ними сегодня за обедом, а после мы, наверное, пойдем в торговый центр. Кто-нибудь может меня подвезти?

— Тебя подвезет Йован. — Он достает бумажник из заднего кармана джинсов и подносит кредитную карту к моему лицу. — Для твоих покупок.

— У меня есть своя карточка, — пробормотала я.

— А я-то думал, что ты вышла за меня из-за денег.

Черт. Я забыла об этом.

— Так и есть. — Я выхватываю карточку из его рук и ухмыляюсь. — Только предупреждаю... ты, возможно, пожалеешь, что женился на мне.

Он опускает голову, пока его губы не касаются моего уха.

— Я так не думаю.

Дыхание и тепло Драго внезапно исчезают, когда он уходит и покидает кухню. У меня возникает глупое желание пойти за ним и настоять на том, чтобы он сам отвез меня в торговый центр.

— Итак, кхм... — Я прочищаю горло и поворачиваюсь к Кеве, которая осушает стакан. — Елена сказала мне, что перед входом есть фонтан. Кто-нибудь может указать мне правильное направление? Я хочу сделать несколько селфи.

* * *

— Со мной все в порядке, Артуро, как я уже говорила тебе сегодня десять раз! Пожалуйста, перестань названивать.

Я засовываю телефон в карман и закатываю последний чемодан в свою новую спальню. Она находится на другом конце четвертого этажа, самом дальнем от спальни Драго. Она небольшая, с одним окном, на котором даже нет занавесок. В воздухе витает слабый запах свежей краски, намекающий на то, что в комнате, вероятно, недавно был сделан ремонт. Мой взгляд падает на узкую кровать, стоящую у стены, и не отрывается от нее.

Я не люблю спать одна.

В ночь после смерти родителей я впервые пробралась в кровать сестры, чтобы поспать. Артуро обнаружил меня там, когда утром пришел нас проведать, но ничего не сказал. После этого я продолжала пробираться в постель Аси каждую ночь в течение нескольких лет. Глубоко в моей души укоренился леденящий душу страх, что однажды ночью Артуро разбудит меня и скажет, что Аси больше нет, как и наших мамы и папы. Я была убеждена, что если она будет рядом со мной, когда я засну, то и утром она будет рядом.

Ася никогда не просила меня вернуться в свою кровать. Ни разу. Даже когда ее кровать стала слишком мала для нас двоих. Моя милая сестренка-близняшка. Моя вторая половинка. Люди часто ошибались, считая ее более хрупкой. Ася всегда была интровертом, тихой, и ничто, кроме музыки, не интересовало ее слишком долго. Но она намного сильнее меня. Просто я лучше умею притворяться.

Когда мы стали старше, я перестала пробираться в ее постель. Я была уже большой девочкой, и ожидалось, что я буду спать в своей собственной. Там всегда было холодно и одиноко, никогда не было покоя. Чаще всего мне это удавалось, но бывали моменты, когда я не могла успокоиться. Я ворочалась и ворочалась, пока кровать подо мной не закрипела, когда Ася забиралась рядом со мной. Она всегда знала. Боже, как мне ее не хватает.

Я очень рада, что она нашла Пашу. День ее свадьбы был самым радостным днем в моей жизни. Видеть ее счастливой и улыбающейся, после всего, что ей пришлось пережить, было

для меня исполнением желаний. Даже если в какой-то мере это означало ее потерю.

Я снова достаю телефон и смотрю на экран. Звонить Асе уже поздно, мы уже пообщались днем. Бросив аппарат на кровать, я приседаю рядом с желтым чемоданом, в котором хранятся самые необходимые вещи, и начинаю рыться в нем в поисках записной книжки. Писательство всегда поднимает настроение, когда я чувствую себя подавленной.

Пять минут спустя я лежу, растянувшись поверх одеяла, и листаю свой толстый блестящий блокнот, когда меня осеняет мысль. Я так и не спросила Драго, откуда он узнал о моей истории.

Блондин, сидящий напротив меня в кабинке, наклоняется вперед и показывает на меня пальцем.

— Ты мне не нравишься, Драго.

— Ну, ты мне тоже не нравишься, Белов, но, так уж получилось, что твоему пахану нравятся боеприпасы, которые я предлагаю. Так что, мы делаем бизнес или нет?

Русский сужает на меня глаза и раздражается хохотом, затем берет телефон и звонит кому-то, вероятно, Петрову. У Сергея Белова глубокий голос, поэтому я слышу все, что он говорит, но это не дает мне возможности понять, о чем он говорит по-русски с паханом Братвы.

— Доставка раз в два месяца, — говорит он в конце разговора. — И Роман хочет встретиться с тобой лично. В следующем месяце.

— Хорошо. Я сообщу тебе время и место.

Белов кивает и встает, чтобы уйти, затем опускает взгляд на кресло, которое он только что освободил.

— Не возражаешь, если я сфотографирую кабинку? Я все пытаюсь уговорить Пашу поменять интерьер наших клубов на белый. Он сказал, что подумает об этом, только когда я уйду на пенсию.

Я поднимаю бровь.

— Какие-то особые причины?

— Да. — Он поднимает телефон и делает снимок. — Судя по всему, кровь трудно вывести с обивки светлого цвета.

Я провожаю его взглядом, пока он идет к выходу, насвистывая по пути. Похоже, он такой же сумасшедший, как и те, о ком я слышал.

Взяв со стола телефон, я проверяю сообщение, которое Филипп прислал мне ранее, — адрес человека, который настучал румынам о нашем грузе. До него еще несколько часов езды, но у меня еще есть время заскочить туда и посмотреть, чем занимается моя прекрасная женушка, прежде чем я отправлюсь в путь. Йован ежечасно присылает мне отчет, и в последней из них говорится, что Сиенна и ее подруга только что вошли в ресторан, расположенный в пятнадцати минутах езды от клуба.

Подземный гараж под Наосом заполнен несколькими автомобилями, включая внедорожник, на котором я приехал сюда, и две машины, которые я использую, когда не хочу, чтобы меня заметили. Я прохожу мимо всех этих машин и подхожу к черному мотоциклу, который я припарковал в дальнем углу. Ездить на двух колесах — гораздо более мудрый выбор при решении деликатных вопросов. Наш стукач Уэсли стал одной из таких проблем, и его нужно поставить в пример другим сотрудникам, чтобы они знали, что будет, если они последуют его примеру.

Подъехав к ресторану, я припарковал свой мотоцикл со стороны водителя белого седана

Йована и поднял козырек на шлеме. Моя жена сидит за столиком у окна, с ней та блондинка из "Наоса". Они о чем-то смеются. На Сиенне свитер ужасного синего оттенка. Как будто этого недостаточно, он украшен блестящими золотыми деталями, которые сверкают, когда на него падает солнечный свет. Мой взгляд скользит по ее ногам, облаченным в блестящие золотые брюки-скинни, и останавливается на туфлях. Они такого же синего оттенка, как и ее свитер, с маленькими бантиками на каблуках.

— Я слушаю, — говорю я и поворачиваюсь к Йовану.

Он высунул локоть из открытого окна и кивнул в сторону женщин.

— Она встретилась с этой девушкой, Луной, и еще одной подругой в торговом центре. Они зашли в несколько бутиков, купили какие-то безделушки, потом она затащила их в магазин, где продаются канцтовары.

— И что она там купила?

— Несколько блокнотов и несколько ручек. И держатель для ручек, похожий на кролика. — Он закатил глаза.

— А после?

— Они немного погуляли по торговому комплексу, делая селфи, а потом мы высадили другую девушку у ее дома и приехали сюда.

— Что-нибудь еще?

— По дороге сюда ей позвонил брат.

— О чем они говорили? — спрашиваю я.

— Я не слышал его разговора, но, судя по ее ответам, думаю, он хотел узнать, все ли у нее в порядке. Она сказала, что прекрасно проводит время, тратя твои деньги.

Я оглядываюсь на жену. Банк присылает мне текстовое сообщение каждый раз, когда используется моя карта. Сегодня я не получил ни одного. Она оплачивала свои покупки собственными деньгами.

Йован говорит что-то еще, но в шлеме я не улавливаю.

— Повтори, — говорю я и поворачиваюсь к нему лицом.

— Перед самым рестораном ей позвонили еще раз, но она не ответила. Когда она посмотрела на телефон, то, видимо, передумала, но в итоге положила его обратно в сумочку.

— Интересно. Если ей еще будут поступать странные звонки, сообщи мне.

— Конечно.

Я переключаю взгляд на жену, которая в данный момент хихикает с официанткой, делая движения руками в воздухе. Ногти у нее сегодня золотые. Я перевожу взгляд с ее рук на губы, гадая, что ее так взволновало. Ее губы двигаются, я их хорошо вижу, но не могу расшифровать, что она говорит. Официантка отвечает, но я не улавливаю, что говорит молодая азиатка. Я смотрю на вывеску над входом. Это японский ресторан. Неудивительно, что я не могу понять, о чем они говорят. Я не говорю по-японски, но, похоже, Сиенна знает. Ну разве не полна ли сюрпризов моя блистательная женушка?

— Позвони Кеве, — говорю я Йовану. — После ужина я хочу, чтобы она попросила мою жену помочь на кухне.

Йован смотрит на меня, его брови сходятся на переносице.

— Хорошо, — пробормотал он, на его лице было написано замешательство.

— Небольшие задания, ничего сложного. Если Сиенна откажется, скажи Кеве, чтобы не настаивала.

— Это все?

— Сегодня вечером я буду иметь дело с Уэсли и вернусь домой не раньше полуночи. Скажи Кеве, чтобы она сообщила мне все, что произошло на кухне.

Йован отвечает, но я не обращаю на него внимания, мой взгляд возвращается к жене. Этим утром я проснулся с Сиенной на руках, свернувшейся калачиком, как котенок. Мне не захотелось оставлять ее. Остаться в постели, прижимаясь к ней всем телом, было гораздо лучше, чем идти на работу, даже без секса. Я попытался вспомнить, возникало ли у меня когда-нибудь желание провести ночь с женщиной, если в этом не было секса, и ничего не вспомнил. И уж точно я никогда не откладывал выполнение деловых обязательств. Но вот он я, шпиону за своей женой, вместо того чтобы отправиться на поиски того ублюдка, который не смог держать рот на замке. И гадаю, кто, блядь, был на том другом конце телефонной линии, которую она отключила.

— Если к моей жене подойдет какой-нибудь мужчина, позаботься о нем, — прорычал я и опустил козырек. Пора навестить стукача.

— Позаботиться о нем? — спрашивает Йован. — В каком смысле?

Я встречаю его взгляд через тонированный щиток.

— Любым способом, который заканчивается требованием места на кладбище, Йован.

* * *

Я добрался до дома уже далеко за полночь. Пришлось идти более длинным путем, потому что вокруг квартала Уэсли было много полиции. Вероятно, кто-то сообщил о криках.

Я киваю мужчине, дежурившему у входной двери.

— Есть что-нибудь?

— Нет. Охранники за оградой подтвердили, что ничего подозрительного нет.

— Хорошо, — говорю я и направляюсь наверх.

Это вопрос времени, когда Богдан сделает свой ход. Скорее всего, он ударит по одному из наших складов или, может быть, по клубу, но я предпочитаю прикрывать все свои базы, поэтому позаботился о том, чтобы вдоль дороги, ведущей к дому, стояли люди.

Я вхожу в свою спальню и сразу же понимаю, что что-то не так. Груда разноцветных чемоданов исчезла. Кровать пуста. Похоже, моя жена считает, что она имеет право решать, как нам спать. Я бросаю куртку на кресло рядом с балконной дверью и направляюсь в ванную.

Приняв столь необходимый душ, я иду по коридору, проверяя по пути комнаты. На этом этаже есть несколько незанятых номеров, потому что я не хотел бы, чтобы кто-то был рядом со мной в те несколько часов, которые я позволяю себе отдыхать, так что она может быть в любом из них.

Первые несколько комнат, мимо которых я прохожу, пусты. Я проскальзываю мимо комнат Кевы и Филипа, не проверяя их, а также некоторых других, используемых моими людьми, и иду дальше по коридору. Моя жена находится в последней спальне на этом этаже, спит под тонким одеялом на крошечной кровати, на которой никогда не поместится мое крупное тело. Ее чемоданы сложены в углу, все восемь штук.

Прислонившись плечом к дверному косяку, я наблюдаю за ее спящей фигурой. Я был уверен, что она откажется помогать на кухне. Но сообщение, которое я получил от Кевы, было не текстовым сообщением, а фотографией моей жены, стоящей на маленькой табуретке перед раковиной и оттирающей огромную пригоревшую сковороду. На ней были те же золотистые брюки и синий свитер, что и в ресторане, только вместо высоких каблуков на ногах были какие-то пушистые монстры. Затем последовало еще несколько фотографий.

Сиенна ставит бокалы в шкаф. Наклонившись над плитой, она заглядывает в кастрюлю, из которой идет пар. Несет грязную посуду, явно над чем-то смеясь. У меня возникло серьезное искушение отложить на другой день свою задачу по убийству Уэсли и отправиться домой только для того, чтобы понаблюдать за Сиенной, пока она, судя по всему, получает удовольствие от своей работы.

Итальянцы в Cosa Nostra — особая категория. К тем, кто занимает верхние ступени иерархии, относятся почти как к членам королевской семьи, и многие из них ведут себя так, как будто они и в самом деле таковыми являются. Особенно это касается женщин. Несколько лет назад я встречался с сестрой одного из капо, и уже через двадцать минут нашего свидания у меня возникло искушение покончить с собой. Я даже не помню имени той женщины, только ощущение, что передо мной сидит пустая оболочка человека. Манекен в витрине магазина, единственной целью жизни которого была демонстрация дорогой одежды. Сними ее, и останется лишь пластиковый манекен.

Моя жена может носить такие же дорогие наряды, но у меня есть ощущение, что под их поверхностью скрывается гораздо больше слоев. И я намерен содрать их все до единого и узнать, что скрывается под ними.

Подойдя к чемоданам, я подхватываю первые два и несу их в свою комнату. Повторив это действие еще три раза, я подхожу к кровати, на которой спит Сиенна, и просовываю руки под ее хрупкое тело. Может быть, я пока и не собираюсь заниматься с ней сексом, но есть только одно место, где ей разрешено спать. В моей постели.

Сиенна вздрагивает, что-то бормочет и зарывается лицом в мою грудь. Я несу ее в спальню, осторожно опускаю на кровать и забираюсь к ней. Она продолжает спать, даже когда я обнимаю ее за талию и притягиваю к себе.

Глава 7

Как только я открываю глаза, то понимаю, что нахожусь не в той комнате. Вместо маленького окна без занавесок передо мной длинные темные шторы, закрывающие французские двери, ведущие на балкон. Это комната моего мужа. Наверное, он перенес меня сюда, пока я спала. И мои чемоданы тоже вернулись, выстроившись вдоль стен. Лёгкая улыбка растягивается на моих губах.

Я переворачиваюсь на другой бок и обнаруживаю, что кровать пуста, и непрошеное разочарование пронзает меня до глубины души. Неужели я втайне надеялась, что рядом со мной окажется Драго? Наверное, да, немного. Дверь в спальню закрыта, а его нигде не видно. Тянусь к его подушке и прижимаю ее к лицу. Она пахнет им. Может быть, мне и нравится просыпаться в постели Драго, но я все равно потом перенесу свои вещи обратно в маленькую комнату. Я не буду спать с незнакомым мужчиной, каким бы сексуальным он ни был.

В коридоре раздается стук приближающихся шагов. Я отбрасываю подушку, так, словно она меня обожгла, вскакиваю с кровати и направляюсь к чемоданам.

— Ты пропустила завтрак, — раздается голос Драго с порога. — Кева отложила для тебя кое-что на кухне.

— Спасибо, дорогая, — говорю я, роясь в содержимом чемодана. — Эй, я хотела спросить...

— Мы сейчас осмотрим территорию, прежде чем я отправлюсь на работу, — прерывает он меня на полуслове. — Я буду ждать тебя перед гаражом. Поторопись. У меня нет целого дня.

— О, это так мило с твоей стороны, но я не люблю гулять так рано утром. Может, оставим это на вторую половину дня, а? — Я оглядываюсь через плечо. Он уже ушел.

— Это было грубо! — кричу я ему вслед.

Я одеваюсь меньше чем за десять минут и спускаюсь по широкой лестнице на первый этаж. Два человека Драго стоят у входной двери, увлеченные беседой, пока натягивают пальто.

Я подхожу и приветливо улыбаюсь им.

— Такое чудесное утро. Собираетесь на встречу?

Они оба смотрят на меня сверху вниз. Мужчина справа от меня одет в черный костюм, на шее у него кривой наполовину завязанный галстук. Кажется, его зовут Илья. Мы вчера с Еленой осматривали дом, и она знакомила меня с людьми, мимо которых мы проходили. Но здесь живет так много людей, что мне понадобится время, чтобы со всеми познакомиться.

— О, но ты не можешь идти в таком виде, милые щечки. — Я качаю головой и поправляю ему галстук. — Вот. Уже лучше. Вы двое уже позавтракали?

Когда я снова поднимаю глаза, то вижу, что они оба смотрят на меня широко раскрытыми глазами, а их брови сдвинуты к линии роста волос.

— Да, — пробормотали они в унисон.

— О, хорошо. Тогда удачного дня. — Я машу рукой и направляюсь через фойе.

По дороге на кухню вспоминаю вчерашний вечерний эпизод после ужина. Кухня выглядела так, будто там взорвалась бомба — повсюду стопки грязной посуды, а девчонки бегают вокруг, убирая остатки еды и запихивают тарелки в посудомоечные машины.

Драго не было на ужине, как я надеялась, и потому чувствовала себя немного подавленной. Поэтому, когда Кева заметила меня в дверях, она спросила, не хочу ли я помочь. Я пожалала плечами и с готовностью согласилась. В следующую секунду она сунула мне в руки кастрюлю. Мне потребовалось больше тридцати минут, чтобы вычистить эту штуку, но, вероятно, прошло бы два часа, если бы Ната не заметила, что я пользуюсь губкой, и не дала мне вместо нее какую-то металлическую шпатель.

Я не привыкла работать по дому — для этого у нас была горничная, — но мне очень понравилось помогать Кеве и девочкам. Женщины смеялись и сплетничали о своих парнях, время от времени бросая в мою сторону любопытные взгляды. Потом, в какой-то момент, они вдруг перешли на английский и втянули меня в разговор. Мы занимались своими делами, пока Кева не выпроводила нас. В итоге я сломала ноготь, но было весело.

На кухне уже не так суетливо, но дел по-прежнему много. Утренняя трапеза давно закончилась, и три девушки загружают посудомоечные машины и наводят порядок. Я замечаю Филиппа и еще нескольких парней, завтракающих за небольшим столиком в стороне. Видимо, они, как и я, пропустили завтрак. Кева стоит в другом конце комнаты, рассеянно помешивает содержимое большой миски, которую держит в руках, и смотрит на телевизор, висящий над стойкой. Она замирает, ее внимание полностью поглощено экраном, на котором показывают местные новости. В Нью-Йорке никогда не бывает недостатка в драмах.

Я замечаю почти пустой кувшин с соком, стоящий посреди стола, за которым сидят ребята, и иду к огромному холодильнику, чтобы достать полный. Ещё вчера заметила, как Кева поставила несколько таких кувшинов охладиться.

— Вот, — говорю я, ставя сок на стол и улыбаюсь, прежде чем отнести пустой кувшин в посудомоечную машину.

В кухню входит Адам, крупный темноволосый парень, который, по словам Елены, отвечает за пехотинцев.

— Pop se zabavio sino, vidim. (с серб. Поп повеселился прошлой ночью, я вижу) — Он кивает в сторону телевизора, доставая из холодильника банку газировки.

Священник вчера повеселился? Что считается "развлечением" для сербских священников? Может быть, он руководит церковным хором? Я смотрю на экран телевизора. Перед пятиэтажным зданием стоит репортер и говорит в камеру. Позади него припарковано несколько полицейских машин, а вход на территорию ограничен желтой лентой с изображением места преступления.

— ... что, возможно, является еще одной казнью, связанной с бандой. Жертву, Уэсли Пауэллса, обнаружил сосед. По словам очевидца, мистер Пауэллс был прибит к стене, в его руки были пригвождены гвоздями. На его груди был вырезан знак креста. Полиция, однако, пока не дала никаких дополнительных показаний.

— Господи, — бормочу я, чувствуя, как меня пробирает дрожь. Их священник должен делать гораздо больше, чем давать духовные наставления. — Нужно быть серьезно больным, чтобы так поступать с человеком.

Кева берет со стойки пульт и быстро выключает телевизор.

— Я и не заметила, что ты тут, — говорит она и продолжает перемешивать то, что у нее в миске. — Оставила тебе бутерброды.

— У меня пропал аппетит.

— Ты не покинешь мою кухню, пока не позавтракаешь, Сиенна.

Я вздыхаю и беру с тарелки самый маленький бутерброд. Прозвище ей определенно подходит.

— Почему ты все еще в пижаме? — спрашивает она.

Я с набитым ртом пробормотала:

— Это не пижама.

Взгляд Кевы скользит по моему телу, по бирюзовым шелковым брюкам и блузке с большими цветами фуксии.

— Ты уверена?

— Ага.

Она смеется, как озорная белка.

— Драго это понравится.

— Тоже так думаю. — Я ухмыляюсь.

Я выхожу из кухни и спешу через столовую и прихожую. Моя желтая куртка висит на стене рядом с несколькими десятками других пальто. Надеваю ее, улыбаюсь хмурому парню, стоящему у двери, и выхожу из дома.

Драго стоит у машины, припаркованной у подъезда, и разговаривает с двумя парнями, которых я встретила у подъездной дорожки. Они видят, что я иду, кивают головой, садятся в машину и уезжают. Что ж, кивок — это лучше, чем ничего.

— Не уверен, что этот наряд — хороший выбор, — говорит Драго, оглядывая меня.

— О? И почему же?

— Ты напугаешь моих собак.

Я съеживаюсь.

— Мне не интересно смотреть на твоих собак.

— Ты не любишь собак?

Я встречаю его пронзительный взгляд и улыбаюсь, в то время как желчь поднимается у меня в горле.

— Я ненавижу собак.

— Очень жаль. Ты все равно с ними познакомишься. — Он берет меня за руку и ведет через лужайку.

— Я не хочу видеть твоих проклятых собак! — Я пытаюсь отстраниться, пока мы обходим дом. — Драго!

Он останавливается и берет мой подбородок между пальцами.

— Это сторожевые собаки, Сиенна, они не знают ни тебя, ни твоего запаха. Ты должна встретиться с ними, чтобы они понюхали тебя и поняли, что ты со мной. Тебе нечего бояться.

— Я не боюсь, — задыхаюсь я.

— Нет? А мне кажется, ты очень напугана. — Его большой палец проводит по моему подбородку и останавливается на уголке губ. — Ничего не случится, пока ты со мной, mila.

Я закрываю глаза, наслаждаясь его прикосновениями. Его вторая рука все еще держит мою, и я ошеломлена и испытываю такое чертовски сильное искушение. Изю всех сил стараюсь не приподняться на носочки и не поцеловать его твердый рот. Мы не целовались в мэрии перед тем, как подписать свидетельство о браке. Каково это — ощутить его губы на своих?

С другой стороны задней лужайки раздается громкий лай. Я открываю глаза и смотрю за спину Драго. Железный забор разделяет территорию, а за ним три ротвейлера скачут и лают в нашу сторону. Они выглядят активными, гоняются друг за другом и встают на задние лапы, чтобы упереться передними в ограждение.

— Пойдем поздороваемся. — Рука Драго убирается с моего лица.

Пока мы медленно подходим к забору, он продолжает легонько сжимать мою руку, как бы заверяя меня, что все будет хорошо.

— Сидеть, — командует он, когда мы подходим к вольеру. Все три собаки тут же садятся, устремив на него взгляды. Драго встает позади меня и обхватывает меня за плечи.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я, но совершенно забываю об этом, когда поцелуй ложится на мою шею. Драго крепко сжимает мою талию, а его губы перемещаются к моему подбородку.

— Не спускай глаз с собак, — говорит он рядом с моим ухом и обхватывает пальцами мое запястье, поднося мою руку к своим губам.

Собаки с интересом наблюдают за нами, их головы слегка наклонены в сторону. Я не отрываю от них взгляда, когда губы Драго прижимаются к тыльной стороне моей руки. Мои пальцы начинают слегка дрожать, когда он поворачивает мою руку и целует центр ладони.

— Теперь другую, — говорит он.

Мне становится трудно дышать, когда опускаю правую руку и поднимаю левую, потому что я все еще чувствую поцелуй его губ на своей коже. Он берет мою руку и притягивает ее ближе к своему рту, но не настолько близко, чтобы поцеловать еще раз. Его горячее дыхание обдувает мою ладонь. Очевидно, он делает это ради собак. Я не понимаю причин, стоящих за его действиями, но уверена, что это как-то связано с ними. И мне хочется, чтобы это было не так.

Драго проводит губами по моему запястью, чуть выше точки пульса, и, клянусь, мое сердце замирает. словно по мне пробегает электрический ток. Везде, где касаются его губы,

возбуждение проникает в мое тело и распространяется по нему, поражая все нервные окончания на своем пути. Еще один поцелуй ложится на мое запястье, а затем он перемещает мою руку и прижимает мою ладонь к своей щеке. Я делаю глубокий вдох и еще больше прижимаюсь к нему, всей спиной к его груди.

— Думаю, я ясно выразил, то что хотел. — Драго опускает мою руку и подталкивает меня ближе к забору, за которым по-прежнему сидят собаки.

— Что именно? — спрашиваю я и, подняв глаза, обнаруживаю, что он наблюдает за мной.

— То, что ты моя.

Не разрывая зрительного контакта, он поднимает мою руку к щели между железными столбами. Все три ротвейлера поднимаются и, один за другим, подходят, чтобы обнюхать мою руку. Влажный теплый язык лижет костяшки пальцев. Бонбон любил лизать мои руки и лицо.

Я на секунду закрываю глаза, затем выдергиваю руку из руки Драго.

— Ну что ж, я познакомилась с твоими собаками, так что пойду по своим делам. Удачи на работе.

Я поворачиваюсь к дому, но его рука обхватывает меня за талию, притягивая к себе и прижимает к своему телу.

— Прости, если они тебя напугали, — говорит он рядом с моим ухом. — Я скажу своим людям, чтобы они выпускали их бегать только ночью.

— Спасибо, — говорю я.

Видимо, он все еще думает, что я боюсь собак. Ну и ладно. Я не собираюсь объясняться. Она не боится собак.

Я замираю, положив руку на дверную ручку. Не совсем понимаю, почему это осознание вдруг пришло ко мне сейчас, спустя несколько часов, но я знаю, что прав. Что бы ни было причиной нежелания Сиенны, это был не страх.

— Где моя жена? — спрашиваю я Йована, который дежурит у входной двери.

— В комнате отдыха.

Я захожу внутрь и поворачиваю направо, в большую комнату отдыха, которая занимает большую часть первого этажа с этой стороны дома. Здесь стоят несколько телевизоров с большим экраном и игровые приставки, а также бильярдный стол и автоматы для пинбола, которые Мирко купил в прошлом месяце. В одном из углов расположен небольшой бар с разнообразными напитками. Когда под одной крышей проживает около пятидесяти человек, необходимо предусмотреть какие-то развлечения, если не хочешь, чтобы твоя жизнь превратилась в ад. Особенно по вечерам.

Войдя в комнату, я ожидал увидеть свою жену за просмотром фильма или сплетничающей с кем-то из женщин. Но вместо этого она сидит с тремя моими мужчинами за покерным столом, установленным недалеко от бара, и полдюжины человек наблюдают за разворачивающейся игрой. Основное верхнее освещение выключено, горит только подвесной светильник над столом, создавая в помещении атмосферу фильма в жанре нуара. Я захожу в бар, наливаю себе напиток, затем прислоняюсь к стене и наблюдаю за происходящим.

Моя жена сидит на стуле, скрестив ноги, и держит карты в левой руке, пожевывая подушечку большого пальца правой. Справа от нее стоит Мирко с самодовольным выражением лица. По другую сторону от нее сидит Адам, и хотя по его покерному лицу

этого не видно, он уверен, что выиграет. Мы дружим со школы, и я знаю все его уловки. Напротив Сиенны — Релья. Я нашел его замерзающим на улице, когда он был еще ребенком, и привел сюда. Как обычно, он совершенно загадочен. Я не уверен, что когда-либо встречал человека, которого было бы так трудно прочитать, как Релью.

В центре стола лежит мизерная кучка денег, наверное, не больше пары сотен баксов мелкими купюрами. Вряд ли это игра с высокими ставками, они явно играют на интерес. Мое внимание переключается на жену: она снимает свои большие золотые серьги-кольца и бросает их на стопку денег. Сиенна продолжает грызть большой палец, ее глаза быстро перебегают с одного мужчины на другого. Они думают, что ее карты — дерьмо. Мои губы растягиваются в улыбку.

Все трое мужчин за столом считают, что моя жена проигрывает.

И все трое ошибаются.

Я оставляю пустой стакан на стойке и направляюсь к ним, затем останавливаюсь позади Сиенны. Ухватившись за край ее стула, я поворачиваю его на сто восемьдесят градусов и прижимаю спинкой к краю стола. Должно быть, она слегка вскрикнула, когда я ее развернул, потому что она смотрит на меня с немного диким выражением в глазах.

— Драго? — задыхается она. — Что...

Мои руки опускаются на талию Сиенны. Я поднимаю ее со стула, занимаю ее место, а затем сажаю верхом к себе на колени. Растерянно моргая, моя жена прижимает карты к груди, чтобы скрыть их от глаз своих противников. Я слышу, как парни за моей спиной тихонько переговариваются, принимая наше новое положение, и замечаю в периферийном зрении несколько любопытных взглядов.

— Не стесняйтесь продолжать, — говорю я, мои глаза возвращаются к лицу Сиенны, всего в нескольких дюймах от моего.

— Вот так?

— Да.

Ее губы изгибаются в озорной улыбке. Она опускает взгляд на карты в своих руках, затем наклоняется ко мне и тянется через мое плечо к карте на столе. Я кладу руку ей на поясницу и притягиваю ее ближе, пока ее груди не прижимаются ко мне, а ее киска не устраивается на моем быстро твердеющем члене. Болтовня в комнате стихает. Внешне Сиенна остается невозмутимой, но от меня не укрылось, как быстро вздымается ее грудь.

— Отвлеклась? — спрашиваю я и слегка наклоняюсь назад, чтобы видеть ее ответ.

— Ничуть.

— Хм... — Взяв карты из ее рук, я бросаю быстрый взгляд на то, что у нее есть.

Выигрышная рука, как я и думал.

— Она выиграла. Вы все можете идти, — говорю я и бросаю карты через плечо на стол.

Раздается скрип стульев по полу и торопливые удаляющиеся шаги за моей спиной. Толпа вокруг нас тоже медленно расходится.

— Ты испортил мне игру, — шепчет Сиенна, глядя мне в глаза.

— Да. — Я поднимаю руку и глажу линию ее челюсти. — Что там с собаками, Сиенна?

Ее тело становится застывает в полной неподвижности, но уже в следующее мгновение она расслабляется и улыбается.

— Что ты имеешь в виду?

Я наклоняю голову в сторону и просто наблюдаю за ее лицом. Ее улыбка кажется искренней. Но она не достигает ее глаз. И она точно знает, что я имею в виду.

— Что ж, мне пора идти. Мне нужно помыть голову, — промурлыкала она и слезла с моих коленей. — Увидимся позже.

Я провожаю ее взглядом, пока она торопливо собирает со стола свои сережки и деньги, а затем быстро выходит из комнаты. Скрестив руки на груди, я смотрю на дверь, через которую она исчезла.

Я узнаю ее секреты. Это займет время, поскольку давление на нее не даст никаких результатов. Но это неважно. Я очень терпеливый человек.

Глава 8

Я просыпаюсь от успокаивающего звука душа, доносящегося из ванной комнаты, но мне не нужно было его слышать, чтобы понять, что Драго больше не лежит со мной в постели. Его тепла нет, и мне не хватает того ощущения покоя, к которому я привыкла за последние десять ночей.

После первой попытки заснуть в отдельной комнате, чтобы утром снова оказаться в постели Драго, я пыталась проделать этот трюк еще дважды. Каждый раз муж переносил меня в свою комнату. После этого я перестала пытаться "сбежать", потому что мне нравится спать, когда его тело прижимается к моему, больше, чем я готова это признать. И это все, что мы делали до сих пор. Спали.

Кроме того, что он обнимал меня, он ко мне не прикасался. А мне бы хотелось. Несколько раз, когда я просыпалась, а он еще лежал в постели, то притворялась, что все еще сплю, наслаждаясь тем, что прижимаюсь к его твердой груди. Его грудь была не единственной твердой вещью, и это меня немного пугало. У меня никогда раньше не было секса.

У меня было несколько парней, но дальше первой базы дело не заходило. Не то чтобы я берегла себя для брака, я не боюсь самого интимного акта. Просто... физического влечения ко мне никогда не было достаточно. Соблазнительное тело, которое не оказывало на меня никакого воздействия в психическом плане, интересовало меня не больше, чем бумажное пресс-папье с ослепительным узором. На него приятно смотреть, но в моей жизни это не главное.

Если парень требовал секса, я бросала его. Я просто не могла смириться с мыслью о такой близости с кем-либо. У меня были свои причины. Обычно, когда отношения достигают определенного уровня, люди считают, что они имеют право на "больше". Больше разговоров. Больше объяснений. Больше тебя. Но частички меня всегда были заперты. Всегда были скрыты, особенно от тех мужчин, с которыми встречалась. А что, если я все-таки откроюсь, позволю ему увидеть то, что скрывается за моим тщательно выстроенным фасадом, и он решит уйти? Или, что еще хуже, он останется, а у меня возникнут к нему чувства. Нет.

Отсутствие чувств означало отсутствие боли, если бы случилось что-то плохое. Боль и разбитое сердце не стоили плотских переживаний.

Моя сестра знает это. Она всегда меня знала. Ася как-то сказала, что мне нужен мужчина, который сможет соблазнить мой мозг, прежде чем я позволю ему трахнуть мою киску. Что бы это ни значило.

Я переворачиваюсь на спину и смотрю в потолок, размышляя о том, как одиноко на этой огромной кровати, когда Драго нет рядом. Что бы он сказал, если бы я попросила его вернуться в постель после душа, чтобы мы могли пообниматься подольше? Он либо рассмеется, либо подумает, что я пытаюсь соблазнить его к сексу. Если бы он согласился, я

бы набросилась на него, к черту последствия. Но мне нужен не секс. У меня странное желание просто быть рядом с ним, уткнуться лицом в его шею и впитывать его запах. Это глупо, я знаю, но ничего не могу с собой поделать.

Вода выключается, и через две минуты мой муж выходит из ванной в одном лишь полотенце, обернутом вокруг талии.

Я притворяюсь, что еще сплю, и наблюдаю за ним из-под полуопущенных век. У него одно из самых красивых мужских тел, на которые я когда-либо смотрела. Не то чтобы я видела их много, но все же. Широкие плечи и мускулистые руки. Твердый, рельефный пресс, от которого, наверное, можно было бы отбить четвертак, если бы я его бросила. Он идет к шкафу на другой стороне комнаты, и я перевожу взгляд на его спину, отмечая шрамы от ожогов, покрывающие левую сторону его тела. В основном они сосредоточены на лопатках и чуть ниже, но есть несколько на предплечье и тыльной стороне кисти. Я заметила их совсем недавно, потому что они покрыты татуировками.

На днях я набрала в "Гугле" "Ожоги" и, исходя из всего прочитанного и изображений, показывающих различные стадии заживления, пришла к выводу, что у Драго была пересадка кожи. Он попал в пожар, когда был моложе?

Драго убирает полотенце, и я закрываю глаза. Инстинктивное действие для той, кто не привык видеть обнаженного мужчину. Но любопытство берет верх, и я приподнимаю веки, чтобы рассмотреть его задницу. Когда он тянется, чтобы взять что-то с полки, я мельком подглядываю на его член и снова зажимаю глаза. Неужели он должен быть таким огромным? Я представляю, как его большой член входит в меня, галая, каково это будет на ощупь, и прикусываю внутреннюю сторону щеки, чтобы подавить вздох.

Эхо приближающихся шагов доносится до меня за долю секунды до того, как одеяло слетает с моего тела.

— Вставай.

Я закрываю глаза, притворяясь, что все еще сплю.

— Я знаю, что ты не спишь.

Черт. Он знает, что я пялилась на его член? Я приоткрываю веки и вижу Драго, стоящего у изножья кровати. Он одет в черные треники и красную толстовку с капюшоном.

— Который час? — спрашиваю я. Я пропустила вчерашний завтрак, и мне пришлось идти на кухню, чтобы попросить у Кевы остатки еды. Здесь график питания не очень хорошо сочетается с моим биоритмом. Завтрак в восемь? Это тирания.

— Шесть тридцать. Ты пойдешь со мной на пробежку.

— Я так не думаю. — Я фыркаю и зарываюсь лицом в подушку.

Рука обхватывает мою лодыжку и тянет меня к краю. Я вскрикиваю и пытаюсь оттолкнуть его свободной ногой. Драго наклоняется, поднимает меня на руки и несет в ванную комнату. Я бьюсь ногами, сжимаю его предплечья, тщетно пытаюсь освободиться. Как только он усаживает меня в ванной, я бью его в грудь.

— Я не одна из твоих подчиненных, Драго! — Я снова бью его. — Ты не можешь мне приказывать.

— Ты не моя подчиненная. — Он делает шаг вперед, заставляя меня сделать два шага назад. — Но ты принадлежишь мне. И я не позволю тебе ходить бледной, как лист бумаги. Мы отправимся на пробежку и не вернемся, пока ты не обретишь цвет лица.

— Я не твоя собственность, — я хотела сказать это с ухмылкой, но в итоге получилось полуулыбка сквозь зубы. По какой-то причине мой фильтр "приятной личности" не работает

так хорошо, когда он рядом.

Драго смотрит вниз на мою руку, которая все еще прижата к его груди.

— А оно говорит о том, что это так.

Я прослеживаю его взгляд и вижу, что он сосредоточен на моем обручальном кольце.

— Правда? Я думала, оно означает, что мы подписали свидетельство о браке, а не договор о собственности. Но, думаю, это недоразумение легко исправить. — Я поднимаю руку перед его лицом, собираясь снять обручальное кольцо. В тот момент, когда он замечает мое намерение, он берет меня за подбородок и приподнимает мою голову вверх.

— Не стесняйся, снимай, если хочешь, — непринужденно говорит он и наклоняется так, что наши лица оказываются на одном уровне. — Но знай одну вещь, *mila moya*. Любой мужчина, который положит на тебя глаз, пока на тебе нет обручального кольца, умрет.

Я закатываю глаза. Ага, конечно. Он, наверное, забыл, что я была рядом, когда на него накричала Кева, и ничего не предпринял. Он не собирается никого убивать, особенно за то, что просто посмотрел на меня. Наверное, мне повезло, что я попала к Драго, а не к тому, кто действительно ходит и убивает людей. Браки по расчету — это рискованно. Я могла бы выйти замуж за какого-нибудь Попа. Очевидно, что этот человек занимается убийствами людей для Драго, иначе Адам не сделал бы этого замечания на кухне, когда мы видели репортаж.

— Я буду ждать тебя снаружи. — Он отпускает мой подбородок и уходит.

Я качаю головой и хватаю зубную щетку. Я ни за что не пойду с ним на пробежку. Даже если бы я не ненавидела бег, а я его ненавижу, у меня нет ничего подходящего. Но, может быть, я могла бы прогуляться по территории и проверить количество охранников. Аджелло звонил мне дважды с тех пор, как я приехала, но я не смогла ответить ни разу, потому что вокруг были люди. Я отправила ему сообщение, что пока не узнала ничего важного, но скоро позвоню ему и расскажу что-нибудь.

Зеркало над раковиной все еще туманно после душа Драго. Я провожу по нему ладонью и смотрю на свое отражение. Мне кажется неправильным собирать информацию о муже и передавать ее дону, но у меня нет выбора. Семья всегда на первом месте, таков девиз *Cosa Nostra*.

* * *

Я спускаюсь по лестнице, когда мне в голову приходит идея. Ухмыляясь, я снимаю обручальное кольцо и кладу его в карман своих розовых джинсов. Входная дверь открыта, на пороге стоит Кева и подписывает какие-то бумаги для мужчины в комбинезоне с названием местной сантехнической компании над левым нагрудным карманом. Я прохожу мимо них и направляюсь к Драго, который ждет на середине подъездной дорожки, возится с телефоном. Его большие пальцы быстро двигаются, когда он набирает текст. Наверное, это длинное сообщение или электронное письмо. Не проще ли просто позвонить?

Когда я останавливаюсь перед ним, он откладывает телефон и осматривает меня с ног до головы.

— Ты серьезно?

— А что? — Я поднимаю бровь.

— Сапоги на высоком каблуке. А... это? — Он показывает на мою грудь.

— Платье-свитер большого размера, — говорю я. Оно одно из моих любимых, желтое с узором из больших сердец того же розового оттенка, что и мои джинсы.

Обычно я выбираю наряды в зависимости от своего самочувствия. Когда у меня плохое

настроение, я предпочитаю яркие и глупые сочетания. Однако в последнее время выбираю одежду исключительно потому, что мне нравится реакция Драго. Есть что-то очень милое в его ворчании каждый раз, когда он видит мой наряд на день. Что меня очень удивляет, так это то, что он ни разу не сказал: "В этом нельзя появляться на людях". Как это часто делали некоторые мои друзья и бывшие парни. Обычно он немного недоволен или просто смотрит на небо и качает головой, но это все. Похоже, он совершенно не против того, чтобы я ходила в том, что он называет "курткой цыпленка" или "желтым бельмом на глазу". Некоторые из моих нарядов смешны, но Драго никогда не говорил, что я выгляжу в них нелепо.

— В этой шпуге поместится трое, Сиенна. Иди переоденься во что-нибудь удобное. И надень кроссовки.

— Оно удобное. И у меня нет кроссовок.

— У тебя нет кроссовок.

— Нет. Только каблуки. Прости. — Я ухмыляюсь.

— Иисус, — бормочет он и оглядывается по сторонам, заметив Йована, выходящего из гаража. — Йован, ключи, — кричит он.

Йован выглядит растерянным, но затем достает из кармана связку ключей от машины и бросает их Драго.

— Мы что, вместо этого поедem кататься? — спрашиваю я.

— Мы собираемcя купить тебе гребаные кроссовки, Сиенна.

Мы идем к машине Йована, когда мимо нас проходит сантехник. Он бросает на меня взгляд, а затем направляется к своему фургону. Я тянусь к пассажирской двери, когда пальцы Драго обхватывают мое запястье.

— На тебе нет обручального кольца, — говорит он.

— Ты сказал, что не возражаешь.

— Не возражаю, — заявляет он, закрывает за мной дверь и огибает капот. Я ожидаю, что он сядет за руль, но он направляется через дорогу к фургону, где сантехник укладывает свои инструменты. Что он делает? Может быть, он хочет что-то спросить у парня... Черт возьми!

Я выбегаю из машины и бегу к фургону, где мой муж прижимает сантехника к борту машины. Рука Драго обхватила горло парня, и, судя по тому, как покраснело лицо бедняги, он его душит.

— Драго! — Я хватаюсь за заднюю часть его толстовки и пытаюсь оттащить его. Парень выглядит так, будто в любой момент может потерять сознание. — Эй!

Драго оглядывается через плечо и буравит меня взглядом.

— Что?

— Что, что? Ты с ума сошел? Отпусти парня!

— У нас был уговор, Сиенна. Без обручального кольца мужчины, которые смотрят на тебя, умирают. — Он снова поворачивается к водопроводчику и продолжает душить его.

Боже мой, он серьезно! Я никогда не видела, чтобы он был агрессивен по отношению к кому-то. Несмотря на его сварливость и властность, я не думала, что это в его характере. Отпустив его толстовку, я истерично проверяю карманы. Где, где. .? Да! Я достаю из кармана обручальное кольцо и надеваю его на палец.

— Вот! — Я поднимаю руку и машу ею перед лицом Драго, пытаюсь сдержать панику. — Оно снова надето. Пожалуйста, остановись. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.

Он смотрит на мою руку, потом на меня.

— Оно так и останется?

— Я приклею его на палец, если хочешь. Только, пожалуйста, не убивай водопроводчика.

Взгляд Драго переключается на руку, которую я все еще держу в воздухе, и он отпускает хватку на шее парня.

— Ладно. Пойдем купим эти кроссовки.

Сиенна стоит перед большим зеркалом в местном супермаркете и смотрит на свое отражение. Это единственное место, открытое в это раннее утро, где есть то, что нам нужно. Я не был уверен, как она отреагирует на то, что я поведу ее сюда, а не в привычный магазин, но она даже глазом не моргнула — вошла так, как будто делала это каждую неделю своей жизни. Было забавно, как она обрадовалась, хотя и пыталась это скрыть, обнаружив, что одежда продается всего в нескольких проходах от свежих продуктов. Она настояла на том, чтобы мы купили еще и коробку мандаринов, и теперь мне приходится таскать ее, пока Сиенна примеряет различную спортивную одежду.

Наряд, который она надела, состоит из бледно-голубой толстовки и подходящих к ней тренировочных штанов в сочетании с белыми кожаными кроссовками. Не знаю, видел ли я когда-нибудь, чтобы кто-то выглядел таким несчастным, как Сиенна, оценивающая свою одежду. Она что-то бормочет, и я перевожу взгляд на ее губы.

— ...даже не настоящий цвет. Дурацкий вымытый синий. Это угнетает.

— Этот цвет вызывает у тебя депрессию?

— Да. Очень.

Я оглядываюсь по сторонам и замечаю продавщицу, стоящую у стеллажа с куртками. Оставив жену наедине с ее бормотанием, я подхожу к женщине.

— Мне нужно, чтобы вы нашли для меня самый нелепый спортивный костюм, который есть у вас в магазине.

Глаза продавщицы удивленно расширяются.

— Самый... нелепый?

— Да. То, что не купит ни одна здравомыслящая женщина. Яркие цвета. Неоново-оранжевый. Идиотский звериный узор ужасного цвета. Или что-то блестящее. И обувь тоже.

— О... Я посмотрю, что можно сделать.

Служащая убегает и возвращается через пять минут, неся подходящие толстовку и брюки. Комплект имеет яркий лавандовый цвет и широкую желтую полосу, проходящую по внешней стороне штанин и рукавов. Блесток нет, но завязки на брюках сделаны из атласа и имеют тот же желтый оттенок, что и полосы.

— Этого должно хватить. — Я киваю. — Кроссовки?

Она поднимает пару кроссовок. Подошва белая, но по бокам разноцветный рисунок. Я беру одну из них из поднятой руки продавца, чтобы лучше рассмотреть. Куча маленьких разноцветных кроликов.

— Отлично. — Я собираю одежду и вторую обувь и возвращаюсь к жене.

В тот момент, когда Сиенна видит, что я несу, она подбегает, чтобы схватить все это, и бросается в ближайшую раздевалку. Я прислоняюсь плечом к боковой стенке примерочной напротив Сиенны и наблюдаю за ее ногами через щель между полом и дверью. Она прыгает на одной ноге, надевая спортивные штаны. Небольшая улыбка тянется к моим губам. Я не помню, когда в последний раз меня кто-то так забавлял. В течение многих лет работа была

единственной радостной вещью, наполнявшей мои будничные дни. Но теперь это не так. Маленькая чертовка в безумной одежде и с озорной улыбкой занимает большую часть моего внимания.

Очарование. Да, я совершенно очарован своей искрометной женой, и будь я проклят, если знаю, почему. Она слишком молода, эксцентрична, постоянно улыбается и солнечна до ужаса. Дело в том, что я не люблю веселых людей. Никто не может быть счастлив все время. Если они так себя ведут, значит, они либо глупы, либо притворяются. И если в чем я уверен на сто процентов, так это в том, что моя женушка далеко не глупа. Даже если то, как она себя ведет, может легко убедить людей в обратном. Но это они дураки, раз не видят того, что мне и так ясно.

Дверь со скрипом открывается, и на пороге появляется Сиенна в отвратительном лавандовом наряде. Я не понимаю, как она может выглядеть так красиво в такой идиотской одежде. Она улыбается, достает телефон и делает селфи, поджав губы.

— Ты выкладываешь это в социальные сети? — спрашиваю я.

— Конечно. А что?

— Просто спросил. — Как только вернусь домой, я поручу Мирко что-нибудь сделать с ее аккаунтами в социальных сетях. Он регулярно взламывает правительственные сайты, поэтому должен знать способ скрыть изображения Сиенны. Никому, кроме меня, не позволено пускать слюни на фотографии моей жены. Вчера утром, когда Сиенна еще спала, я быстро сфотографировал ее в постели на свой телефон. До сих пор не знаю, зачем я это сделал.

По пути к кассе мы проходим через отдел домашнего декора, где две длинные полки уставлены различными безделушками — сухими цветами, стеклянными статуэтками, рамками для фотографий и другими подобными предметами. Сиенна останавливается перед чашей, наполненной шариками разных цветов. Сиенна с восторгом вскрикивает, глядя на стекло и проводя пальцами по блестящим шарикам. Давно я так не радовался, как она, горстке дурацких стеклянных жемчужин. Клянусь, эта женщина, должно быть, в прошлой жизни была вороной, раз ее так завораживают блестящие вещи. Невозможно не поддаться ее очарованию. Странное теплое чувство разливается в моей груди, когда я вижу, как счастлива моя жена, и я жажду видеть больше этой чистой радости.

Хоть я и знаю, что она с самого начала мне лгала.

* * *

— Мы пойдем по тропинке вдоль деревьев, — говорю я, закрывая за Сиенной дверь машины. — Идем.

— Значит, ты всерьез собирался бегать?

— Я не часто шучу, Сиенна. Давай. Иди впереди меня. Просто следуй по пути.

— Почему бы тебе не идти впереди?

— Я хочу, чтобы ты была у меня на виду, чтобы не побежала обратно в дом, когда я не смотрю.

Ее плечи опускаются, но она отворачивается и начинает бежать к деревьям. Я следую в нескольких футах позади, поддерживая ее темп и любясь ее милой попойкой в облегчающих спортивных штанах. Это одна из причин, по которой я настоял на том, чтобы она шла первой по тропе. Другая — я не замечу, если она что-то скажет позади меня.

Когда мы проходим мимо участка газона, где Бели сгребает листья, Сиенна останавливается и что-то говорит ему. Кто-то должен был предупредить ее, что этот старый

сукин сын асоциален и никогда не разговаривает с людьми. Я отхожу на несколько шагов в сторону, делая вид, что разминаю подколенные сухожилия, и наблюдаю за перепалкой между моей женой и садовником. Я ни разу не видел, чтобы он улыбнулся, поэтому видеть, как он раздражается смехом и показывает большой палец, просто невероятно. Сиенна машет ему рукой и идет дальше.

— Что она сказала? — спрашиваю я, подходя к старому ворчуну.

— Ваша жена нашла мне новое место.

— Место? Для чего?

— Для моих лилий. — Он улыбается и продолжает сгребать листья.

Я качаю головой и продолжаю свой бег, чтобы догнать свою лучезарную жену, которая бежит на месте в тридцати метрах от меня. Она болтает с Рельей. Который кстати сейчас должен быть в карауле и делать обход, мать его! Он видит, что я приближаюсь, поворачивается на пятках и устремляется в сторону ворот.

— Не отвлекай моих людей, пока они на службе.

Сиенна наклоняет голову и сужает глаза.

— Ты очень ворчливый, знаешь ли. Это даже... мило.

— Меня много раз называли разными именами, Сиенна, — я обхватил ее за талию и притянул к себе, — но милый — не одно из них.

Я чувствую каждый ее вздох, как поднимается и опускается ее грудь. Ее губы слегка приоткрыты, дразнят меня. У меня не осталось сил сдерживаться, и потребность сделать ее своей сводит меня с ума. Даже несмотря на ее постоянную ложь с того момента, как она переступила порог моего дома, а возможно, и раньше. Я впустил шпиона в свой дом, но самое поганое во всей этой ситуации то, что я не жалею об этом.

Интересно... Где она выучила сербский язык?

Хотя я внимательно наблюдал за ней с момента ее приезда, мне понадобилось больше недели, чтобы осознать этот маленький факт. Это произошло случайно во время ужина несколько дней назад. Все смеялись над шуткой, а Кева бегала вокруг и расставляла миски с едой на столе. И Майло, один из солдат, протянул руку, прося кого-нибудь передать ему картофельное пюре. Моя жена улыбнулась и передала ему миску, продолжая хихикать над шуткой. А Майло не говорит по-английски. Думаю, она даже не заметила своей ошибки.

Аджелло, очевидно, знал, что Сиенна может говорить по-сербски, иначе не выбрал бы ее. Вот коварный сукин сын. Неудивительно, что половина преступного мира желает его смерти. Вопрос в том, что мне делать с моей блестящей шпионкой Cosa Nostra? Убить ее быстро или заставить страдать?

Глядя на нее, я понимаю одну крайне неудобную вещь. Даже если бы я захотел, то не смог бы причинить ей вред. И что еще хуже, одна только мысль о том, что кто-то хоть пальцем тронет мою жену, вызывает во мне убийственную ярость.

— Давай вернемся. — Я выпускаю ее из объятий и начинаю идти, внезапно разозлившись до чертиков.

Но я злюсь не на нее. А на самого себя. Потому что, даже зная, что моя жена — шпионка, я только о ней и думаю. Каждую. Гребаную. Секунду.

Я провожу большую часть своих дней вне дома, чтобы не поддаваться желанию перекинуть ее через плечо, отнести в спальню и трахнуть до потери сознания. Я хочу держаться на расстоянии, пока не выясню, в чем заключается игра Аджелло, но не могу. Уже больше недели я живу ради того момента, когда смогу забраться в постель рядом с ней и

прижать ее к себе. Каждое утро я просыпаюсь с таким невероятным стояком, что минут тридцать провожу в душе, пытаюсь найти разрядку, думая при этом о маленькой лгунье, крепко спящей в моей постели. Сегодня утром мне пришлось дрочить дважды. После первого захода я вышел из ванной и увидел, что она лежит с задравшимся топом под грудью и ягодицами, выглядывающими из-под зеленых шорт. Я мгновенно возбуждился. Я вернулся в душ и представил себе, как вгоняю в нее свой член сзади, пока не кончил на кафельную стену.

Сиенна следует за мной, пока мы возвращаемся к дому, и я постоянно бросаю взгляды через плечо. Ее высокий хвост раскачивается то влево, то вправо, когда она перепрыгивает через мелкие дождевые лужицы на тропинке, и мне так и хочется притянуть ее к себе и провести пальцами по каштановым прядям. Как раз в тот момент, когда мы выходим на улицу, через входную дверь входит Илья, и Сиенна бросается к нему, суя в руки свой телефон. Она что-то бормочет, стоя перед ним, но я не могу понять, что она говорит, и не могу разобрать ее губ. Широко улыбаясь, она бежит к фонтану и принимает позу. Я пронзаю Илью своим свирепым взглядом.

— Она хочет, чтобы я сделал несколько снимков, — говорит он. — Для ее социальных сетей.

Я мгновенно выхватываю телефон из его рук.

— Ты свободен, — огрызаюсь я и поворачиваюсь к жене. — Если тебе нужно, чтобы кто-то тебя сфотографировал, то это буду я, Сиенна.

— Ты дулся, от тебя исходила такая ворчливая атмосфера. Похоже, это твое любимое настроение, и я не хотела вмешиваться.

Я сузил глаза. Если я поймаю кого-нибудь из своих людей, фотографирующих ее, они смогут поближе познакомиться с моим ворчливым настроением.

— Займи позицию, — ворчу я.

Сиенна наклоняется к воде и протягивает руку, чтобы коснуться струи. Эластичная ткань ее лавандовых брюк подчеркивает идеальный изгиб ее красивой круглой попки.

— Готово.

— Спасибо, — щебечет она, беря телефон из моих рук. — Я сейчас же загружу его. Обожаю этот фонтан! Мои посты перед ним всегда набирают не менее нескольких тысяч лайков.

Тысяч? Я киплю от злости, наблюдая, как она, пританцовывая, входит в дом, а затем направляется напрямиком в офис Мирко. Гребаные тысячи!

Глава 9

Я открываю ноутбук и нажимаю на значок электронной почты в правом верхнем углу экрана. Позвонить дону было бы проще, но при таком количестве людей в доме я не могу рисковать тем, что кто-то может подслушать. Я начинаю новое сообщение, ввожу адрес электронной почты, который дал мне дон, и перехожу к теме письма, набирая: Избранник альфы, глава первая.

Я переключаю внимание на текст письма, и мои пальцы летят по клавишам.

Дорогая Сильвия,

Надеюсь, у тебя все хорошо. Как и договаривались, я высылаю вам первый эпизод моего нового паранормального романа, который вы будете публиковать в своем интернет-журнале. Пожалуйста, посмотрите и сообщите мне свои мысли и предложения по улучшению.

С любовью,

Сиенна

Я добавляю несколько пустых строк, затем продолжаю печатать.

Холодной беззвездной ночью Джорджина впервые ступила на землю, принадлежащую Дариусу, альфе стаи волков Черной реки. Сердце бешено колотилось, едва ли не вдвое быстрее обычного, когда она прошла мимо своего нового товарища и вошла в логово, вырубленное в склоне горы. Шаги гулко отдавались от стен узкого коридора, который уходил все глубже и глубже, периодически прерываясь ответвлениями, ведущими к множеству пещер поменьше, расположенных вокруг нее. Логово было заполнено членами стаи. Она попыталась сосчитать их, но не смогла назвать точное число. Казалось, что все они живут в пределах логова.

Я на мгновение замираю, мои пальцы нависают над клавишами. Прошло почти три недели с тех пор, как я приехала в дом Драго, а я все находила причины не звонить дону. Сначала я говорила себе, что мне нечем поделиться, что рядом всегда кто-то есть или уже поздно звонить. Но час назад я получил от дона Аджелло сообщение, состоящее из одного слова: СИЕННА! Оно вспыхнуло на моем экране всеми заглавными буквами, и я не мог больше откладывать операцию.

Мои пальцы снова опускаются на клавиатуру, но взгляд блуждает по большой вазе на комод, наполненной прекрасными сверкающими кристаллами. Я нашла ее на тумбочке, когда проснулась сегодня утром. Драго, видимо, заметил, что я люблю разноцветное стекло, когда мы были в магазине, и купил мне такие. Цвет кристаллов не такой насыщенный, как у шариков в супермаркете, но они огранены в форме маленьких бриллиантов, что делает их такими красивыми. Я переставила вазу на комод, где она будет видна, как только я войду в комнату, и поставила в нее свою коллекцию ручек и карандашей.

Я делаю глубокий вдох и снова смотрю на электронную почту, но на грудь словно опускается тяжелый груз. Отложив ноутбук в сторону, я встаю с кровати и подхожу к окну, выходящему на проезжую часть.

Кева стоит на краю лужайки, положив руки на бедра, и спорит с Йованом. Я улыбаюсь. Наверное, он забыл вызвать ремонтника, чтобы тот посмотрел на холодильник, который странно шумит последние несколько дней. Чуть правее Филипп и Драго садятся в машину Драго. Оба одеты в костюмы, видимо, едут на встречу. Я не часто видела своего мужа в костюме, может быть, раза два за все время. Ему он идет.

Перед тем как сесть за руль, Драго поднимает глаза в сторону моего окна, и наши взгляды на мгновение встречаются. Волна чувства вины захлестывает меня, когда реальность того, что я собираюсь сделать, снова обрушивается на меня. Я провожаю взглядом машину Драго, когда она отъезжает. Я остаюсь на месте, пока она не скрывается из виду, и только тогда возвращаюсь к ноутбуку.

Я продолжаю печатать, но привкус вкус во рту никак не проходит.

Вскоре после приезда Джорджины показалось, что стая столкнулась с новыми проблемами. Она не знала точно причин, но из тихих разговоров, которые ей удалось подслушать, следовало, что волки Черной реки начали враждовать с медведями Трансильванских холмов. Медведи жили на той же территории, что и волки, и оба претендовали на владение определенными охотничьими угодьями.

Пребывание Джорджины в стае волков Черной реки оказалось гораздо интереснее, чем она предполагала вначале.

Продолжение следует...

Мысли все еще бегут, я почти минуту держу мышь над кнопкой "Отправить", прежде чем наконец нажимаю ее.

Через десять минут звонит телефон. На экране высвечивается номер донна Аджелло.

— Сильвия, — говорю я, отвечая на звонок, — ты получила мою посылку, я полагаю?

— Посылку? — раздается в трубке мрачный голос Аджелло. — Трансильванские медведи?

— Это код, — шепчу я в трубку. — Трансильванские медведи — это румыны.

— Я не могу расшифровать твой бред, Сиенна. Начинай говорить.

Я опускаюсь на край кровати и вздыхаю.

— Здесь всем занимается Драго. Филипп, его второй помощник, следит за исполнением. Деньги они отмывают через клуб.

— Это я уже знаю. Что еще?

— У них какие-то проблемы с румынами. Я мало что поняла, только то, что Драго усилил охрану.

— У твоего мужа была крупная сделка на той неделе, когда вы поженились. Это как-то связано с румынами?

— Я не слышала никаких подробностей.

— А что это за бред был про пещеры?

— Многие из его людей живут здесь, в доме Драго.

— Сколько?

Я стискиваю зубы и запускаю руку в волосы. Мне кажется неправильным рассказывать ему все это.

— Сколько, Сиенна?

— Сорок восемь, — бормочу я.

— А сколько у него мужчин в целом?

— Я не знаю.

— Ну так узнай. Скорее, — приказывает он и обрывает звонок.

Я смотрю на телефон, который держу в руке, затем бросаю его на кровать и выбегаю из комнаты.

— Сиенна! — Елена зовет меня, когда я направляюсь через фойе: — Ты не могла бы...

Я игнорирую ее и врываюсь в парадную дверь. На улице немного прохладно, но я не возвращаюсь за курткой.

Несколько мужчин слоняются без дела перед огромным зданием гаража, в котором есть несколько отсеков для более чем дюжины автомобилей, расположенных слева от особняка, поэтому я поворачиваю направо и бегу к деревьям, подальше от всех. Кислый привкус во рту не покидает меня и с каждой минутой становится только хуже. Что сделает Аджелло с предоставленной мной информацией? Когда я соглашалась на этот дурацкий план, все казалось не так уж плохо. Но теперь...

Я назвала ему количество людей, которые живут здесь, в доме. Это, наверное, одна из наименее значимых частей информации. Не то чтобы дон планировал вторгнуться в дом Драго, но все же, я чувствую себя такой грязной, разглашая эту информацию.

Мне нравятся здешние люди, и мне кажется, что я их предаю. В большинстве дней, когда я просыпаюсь, Драго уже уходит, за исключением тех утренних часов, когда он тащит меня с собой на пробежку. Но это случается всего три раза в неделю. После этого он уходит, и мы редко видимся до обеда. Все книги, которые я привезла с собой, я уже прочитала, так

что мне остается целыми днями писать в своем новом блокноте или помогать Кеве на кухне.

Если бы Ася увидела меня сейчас, она бы умерла от смеха. Не думаю, что дома жарила яичницу самостоятельно, только пару раз. Однако здесь я нахожу удивительно полезным заниматься кухней. В доме всегда много людей. Да, это может стать безумием, когда все говорят одновременно и сталкиваются друг с другом, но это весело. Раньше, когда были только Артуро, Ася и я, тоже было здорово. Но здесь... Это одна большая, странная семья, и, несмотря на мою очевидную неопытность, я получаю еще большее удовольствие от этого хаоса. Трудно чувствовать себя одиноким, когда вокруг столько людей.

Они меня почти не знают, но среди них я не чувствую себя чужой. Когда на днях зашла на кухню, все еще потрясенная после встречи с собаками Драго, Кева приготовила мне горячий шоколад и потребовала, чтобы я рассказала, кто меня обидел, чтобы она отхлестала их по задницам. А вчера, когда я жаловалась, что нужные мне туфли распроданы в Интернете, Мирко услышал меня и сказал, чтобы я отправила ему ссылку по электронной почте, чтобы он "разобрался". Туфли пришли в тот же вечер.

А еще есть мой муж. Иногда я застаю его рядом, когда мне кажется, что его нет дома. Он наблюдает за мной, когда думает, что я не смотрю, но каждый раз чувствую его взгляд на себе. Его взгляд подобен легкому взмаху перышка, щекочущего мою шею. Каждый нерв в моей системе воспаляется от осознания.

Я продолжаю играть, делая вид, что не замечаю его взгляда. Но я уверена, что он знает, что меня не одурачить, и видит мой блеф насквозь.

Тем не менее, Драго продолжает наблюдать за мной, словно пытается разгадать меня. Временами он напоминает мне горгулью, примостившуюся на огромной каменной стене. Он всегда наблюдает. И ждет. Не знаю, чего он ждет, но знаю одно: мне это нравится. Мне нравится волнение, которое возникает во мне, когда он рядом. И я люблю спать в его постели.

Но что он сделает, если узнает, что я сдаю его Аджелло? Не думаю, что он убьет меня. Может, он и глава преступной организации, но, если не считать инцидента с водопроводчиком, он не кажется мне жестоким человеком. До сих пор я не видела, чтобы он бил или даже кричал на кого-то из своих людей. Возможно, священник для того и нужен, чтобы избавляться от тех, кто ему противостоит, а не убивать их самому.

Полчаса я брожу по территории вокруг особняка. В конце концов, я оказываюсь на заднем дворе. Собаки Драго бегают в своем вольере, но, заметив мое приближение, прекращают игру и обращают на меня свое внимание. Когда я раньше останавливалась здесь, то всегда ожидала, что они начнут лаять, но они никогда этого не делали. Не делают они этого и сейчас. Они просто смотрят на меня. Как и их хозяин.

Обычно, понаблюдав за ними несколько минут, я ухожу, но в этот раз я делаю один неуверенный шаг вперед. Потом еще один. Самый крупный из них встает на задние лапы, упираясь передними в железную ограду. Осторожно подхожу к ограждению и подношу руку к морде собаки. Он немного обнюхивает мои пальцы, затем облизывает их. Я приседаю рядом с ограждением и протягиваю левую руку другой собаке, обнюхивающей мои брюки.

— Когда нам ожидать оплаты от русских? — спрашивает Кева и переворачивает страницу своей толстой старой бухгалтерской книги.

— Через два дня, — отвечаю я, подходя к обеденному столу и садясь напротив нее. — Какого хрена ты не даешь Мирко купить тебе ноутбук? Ты же не сможешь хранить в нем наши финансовые записи.

Она смотрит на меня через оправу очков.

— Я не собираюсь оставлять конфиденциальную информацию в каком-то электронном ящике, где к ней может получить доступ кто угодно.

— Есть такие штуки, как брандмауэры, Живка. Никто не сможет получить доступ к твоим материалам, если у тебя установлен такой брандмауэр.

— Да ну? Расскажи это Yahoo.

Я потираю виски и вздыхаю.

— Сиенна пришла на завтрак сегодня утром очень веселая, — говорит Кева, и на ее губах появляется небольшая улыбка. — Когда я спросила о причине ее хорошего настроения, она сказала, что ты оставил ей подарок. Вазу с разноцветными стеклянными кристаллами, которые так очаровательно сверкают.

— И, ей понравилось?

— Настолько, что я заглянула к тебе в комнату, чтобы посмотреть на это "стекло", которое ее так взволновало. — Она сняла очки и усмехнулась. — Ты знал, что твоя жена использует вазы из драгоценных камней стоимостью в полмиллиона долларов в качестве подставки для ручки?

— Они ей нравятся. Она может использовать их как ей угодно, — говорю я. — Ты не прислала мне сегодня ни одной фотографии.

— Не прислала? — притворно удивляется она. — Наверное, я забыла. Но ты бы видел ее сегодня утром, когда Йован вез ее в торговый центр. На ней были неоновозеленые джинсы и желтая блузка с рюшами.

— Она надела их в пару к куртке цыпленка?

— Ну конечно. И желтые туфли на каблуках.

Я нахмурил брови.

— Ты должна была прислать мне фотографию.

— Или ты мог бы приехать сюда и лично убедиться в этом. — Она направляет на меня свои очки. — Тебе нужно перестать преследовать ее по дому, Драго.

— Она моя жена. Я могу преследовать ее сколько угодно.

Кева фыркнула.

— Недавно звонил Ковач. Он женится в воскресенье и приглашает тебя и Сиенну.

— Я не хожу на свадьбы, как ты прекрасно знаешь. Особенно на сербские. — Поход на вечеринку с живой музыкой и несколькими сотнями гостей, все из которых орут и поют в непрерывном ликовании, — это олицетворение гребаного ада для меня. Двух минут этого дерьма достаточно, чтобы превратить мой мозг в кашу.

— Может быть, ты сделаешь исключение? Просто заскочи на минутку?

— Нет.

— Жаль. — Она преувеличенно вздыхает. — Сиенна была бы в восторге.

Я откинулся в кресле и представил себе свою жену в центре этого безумия. Да, она была бы в восторге.

— Ковач упоминал о новой инвестиционной возможности, когда мы беседовали в последний раз. Может быть, мы заглянем к нему ненадолго. Поддержание хороших отношений полезно для бизнеса.

— Отлично. Не забудь взять Сиенну с собой, чтобы она купила платье.

Я приподнял бровь.

— Ты видела всю одежду, которая есть у этой женщины?

— Когда речь идет о женских нарядах, Драго, их никогда не бывает "достаточно".

Я закатываю глаза и киваю в сторону небольшого аквариума, установленного на угловой полке. Несколько оранжевых рыбок зигзагами перемещаются среди водных растений и других аквариумных декораций.

— Что это здесь делает?

— Сиенна купила его сегодня в торговом центре.

— Я не люблю рыбок.

— Знаю. — Кева уже потянулась за телефоном. — Сиенна была в восторге от них, но я скажу Йовану, чтобы он вернул аквариум обратно в магазин.

Я сжимаю челюсть.

— Просто оставь эту чертову штуку.

— Ты уверен? Я могу попросить его сделать это прямо сейчас.

— Никто не тронет ее рыбок, — говорю я сквозь стиснутые зубы. — А где моя жизнерадостная женушка?

— Не знаю. Она не спустилась к ужину, и я решила, что она не голодна.

Кивнув, я встаю и выхожу из столовой, отправляясь на поиски своей жены. Сегодня утром я опоздал на полчаса на встречу с деловым партнером, потому что ждал, когда Сиенна проснется, чтобы увидеть ее реакцию на мой подарок. В конце концов, мне пришлось уйти, и это испортило мне настроение. Оно ухудшалось по мере того, как тянулись часы, потому что у меня было слишком много работы и я не мог заехать к ней домой, как стараюсь делать по крайней мере два раза в день. То, что Кева не прислала мне фотографии, стало вишенкой на торте этого ужасного дня, и я уверен, что ее отсутствие сообщений было целенаправленным.

В большой комнате отдыха на восточной стороне первого этажа полно народу, но Сиенны там нет.

— Кто-нибудь видел Сиенну? — спрашиваю я.

Более тридцати голов поворачиваются в мою сторону. За этим следует куча "нет".

Я отправляюсь на верхний этаж, но и там ее нет. Закрыв за собой дверь, возвращаюсь вниз. Кева смотрит на меня, когда я проскакиваю мимо нее и с такой силой распахиваю дверь на кухню, что она ударяется о соседнюю стену.

— Где моя жена?!

Четыре головы поворачиваются в мою сторону.

— Ее здесь нет, — говорит одна из девушек, чистящих столешницу.

— Я, блядь, не слепой. Когда ее видели в последний раз?

— Может, она еще на улице? — говорит Елена. — Я видела, как она выходила раньше, но это было около трех часов назад.

Я поворачиваюсь на пятках и бегу.

— Я не могу найти Сиенну, — кричу я Илье, стоящему у входной двери, и хватаю куртку. — Елена говорит, что видела, как она выходила на улицу. Вы с Рельей поищите в переднем дворе. Я займусь задним.

Выскочив на улицу, я первым делом направляюсь в гараж, если она вдруг туда забрела. Нет, она этого не сделала.

— Блядь! — Я бью ладонью по стене и выбегаю обратно.

Что, если Богдан узнал о нашем местонахождении и его ребята каким-то образом добрались до нее? Может она ушла. За пределы территории. Ушла! Или они все еще здесь,

выжидают время, чтобы ускользнуть под покровом темноты. Охрана у нас надежная, так что далеко они уйти не могут.

Я меняю курс и ухожу в другую часть заднего двора. Там находятся собаки, поэтому я сомневаюсь, что они будут там, но на всякий случай надо проверить.

Мое внимание привлекает что-то желтое у забора. Наступили сумерки, и я не сразу понимаю, что это Сиенна, пока не оказываюсь на полпути к ней. Она стоит на коленях на земле рядом с вольером для собак, просунув руки в щели, и гладит Зевса по головке. Две другие собаки лежат рядом, прижав лапы к ее ногам.

— Иисус, блядь. — Я снимаю куртку и накидываю ей на плечи. Она все еще одета в свой прежний наряд, и эта рубашка слишком тонка для быстро падающей температуры. — Да что с тобой такое? Ты что, хочешь замерзнуть до смерти?

Я осторожно оттаскиваю ее от забора и просовываю ее руки в рукава своей куртки. Она даже не смотрит на меня, а просто прикована взглядом к собакам. Я поднимаю ее на руки и бегу к дому.

— Сиенна?

Ее руки обвиваются вокруг моей шеи, сжимая, когда она зарывается лицом мне в плечо. Почему она ничего не говорит? Где эти язвительные замечания? Озорные ухмылки?

Я дохожу до входной двери и пинком открываю ее. Кева спешит через фойе к нам, но я направляюсь прямо к лестнице.

— Принеси мне чего-нибудь горячего, — кричу я. — Чай или какао. Сейчас же!

Когда я вхожу в нашу спальню, то усаживаю Сиенну в кресло у балкона, укутываю ее одеялом, затем приседаю у ее ног и начинаю снимать ее четырехдюймовые каблуки. На носочной части туфель — маленькие цветочки, как нельзя лучше подходящие для передвижения по мокрому газону и грязи.

— *Moja blesava mila.* — Качая головой, я растираю ладонями ее холодные ступни.

Через несколько минут дверь за моей спиной открывается, и Елена ставит на приставной столик поднос с большой кружкой чая и печеньем.

— Спасибо. А теперь уходи, — говорю я, не глядя на нее. Мой взгляд сосредоточен на лице Сиенны, которое абсолютно не выражает никаких эмоций. Единственный раз, когда я видел ее такой, был в клубе незадолго до нашего знакомства.

— Сиенна?

Она моргает, вырывает свои ноги из моих рук и кладет их на край сиденья, обхватив ноги руками.

— У меня была собака, ты знал?

— Была?

— Да. Его звали Бонбон.

Я не могу разобрать слов, но слышу тон ее голоса. Он странно ровный.

— Что с ним случилось?

— Он умер из-за меня. — Она наклоняется вперед и кладет подбородок на согнутые колени, глядя куда-то поверх моего плеча. — У него отказали почки, но я была слишком отвлечена пропажей сестры, чтобы заметить признаки. А когда заметила, было уже слишком поздно.

Я знал, что сестра Артуро пропала несколько лет назад, потому что в это время он был недоступен, разыскивая ее. Тогда и произошла вся эта история с Пизано. Я не знаю подробностей того, что случилось с девушкой, кроме того, что она пропала на несколько

месяцев, а потом вышла замуж за парня из окружения Братвы. Но я могу себе представить, через какой ад пришлось пройти Сиенне и ее брату, не зная, жива ли их сестра.

— Но с твоей сестрой все в порядке? — спросил я, когда старая рана в моем сердце вновь открылась и ноет.

Глаза Сиенны встречаются с моими.

— Да. Ася чуть не умерла из-за меня, но теперь с ней все в порядке.

— Что ты имеешь в виду?

— Это не имеет значения. — Она быстро отводит взгляд. — Как их зовут? Собак?

Я поправляю одеяло на ее плечах и, не в силах удержаться от желания как-то успокоить ее, провожу тыльной стороной ладони по ее щеке.

— Большого зовут Зевс. Тот, что с темными лапами, — Юпитер. А третий — Перун.

— Названы в честь богов, — говорит она, удивляя меня. Зевс и Юпитер более-менее известны, а вот про старославянского бога Перуна мало кто знает. — Я, пожалуй, пойду спать, если ты не против.

— Сначала выпей чай.

Сиенна берет кружку, которую я ей протягиваю, и, допив чай, исчезает в ванной. Через пятнадцать минут она забирается в постель, прижимает к груди подушку и натягивает одеяло до самого подбородка.

Я сажусь в кресло и наблюдаю, как она лежит, не шевелясь, и размышляю о том, чему я только что был свидетелем. Судя по всему, моя жена не является ни маниакально счастливой, ни поверхностной, как она притворяется. Но я уверен, что, проснувшись, она будет вести себя как ни в чем не бывало и продолжать свой беззаботный фарс.

Сиенна поворачивается на бок, плотно прижимая к груди подушку, как она обычно делает. Я думал, что это привычка, но теперь, подумав, понимаю, что она делает это только тогда, когда я ухожу с кровати по утрам.

Я ругаю себя и качаю головой. Ни одна женщина не может так легкомысленно относиться к тому, что ее оторвали от привычной жизни и заставили жить в доме с незнакомыми людьми. Замуж за совершенно незнакомого мужчину. Тем более такую молодую, как Сиенна, которая уже пережила в своей жизни душевную боль. Ее родители были убиты, когда она была совсем маленькой, и я знаю, какую травму это оставляет. Затем была похищена ее сестра. И вот теперь это.

Драго, ты идиот. Я позволил ее беззаботному поведению одурачить меня. И вдобавок я старался держать ее на расстоянии, потому что знал, что она шпионит за мной для Аджелло. Одному Богу известно, что творится у нее в голове и что скрывается за этими улыбками, которые лишь изредка достигают ее глаз.

Встав с кресла, я разделся и подошел к кровати. Осторожно отодвигаю подушку, в которую вцепилась жена, залезаю под одеяло и обнимаю Сиенну, прижимая ее к себе. Она тут же зарывается лицом в изгиб моей шеи. Что-то в ее волосах царапает мой подбородок. Я немного откидываюсь назад и смотрю вниз, чтобы увидеть большую желтую заколку в форме бабочки на макушке. Вздохнув, я осторожно вынимаю заколку из ее волос и бросаю ее на тумбочку. Она вздрагивает, что-то бормочет.

— Ты не можешь спать с этим дерьмом в волосах, Сиенна, — говорю я и притягиваю ее ближе к себе.

Глава 10

— В эти выходные нас пригласили на свадьбу, — раздается голос Драго откуда-то из

спальни.

На свадьбу? Я открываю дверь в ванную и вижу Драго, стоящего на другом конце комнаты и выглядящего чертовски сексуально в серых джинсах и черной рубашке с закатанными до локтей рукавами.

— Мне нечего надеть, — бормочу я, не выпуская изо рта зубную щетку.

— Что?

Я закатываю глаза и вытаскиваю зубную щетку.

— Я сказал, мне нечего надеть.

Драго поднимает брови.

— Ты что, прикалываешься надо мной?

— Я не могу пойти в своей старой одежде. Попрошу Йована отвезти меня в магазин.

Драго заканчивает застегивать рубашку и встает передо мной.

— Я отвезу тебя.

Я прикусываю нижнюю губу, чтобы не дать идиотской ухмылке расползтись по моему лицу. Проснувшись, я испугалась, что он начнет задавать мне вопросы о том, что произошло прошлой ночью, и поспешила в ванную. Слава Богу, он, кажется, забыл об этом.

— И почему у всех свадьбы, а у меня всего лишь пятиминутная церемония в мэрии?

Драго упирается руками в дверную раму по обе стороны от меня и наклоняется к моему лицу.

— Потому что те люди женятся по любви. А ты вышла замуж ради денег, не так ли?

Я принудительно улыбаюсь.

— Да.

Он еще больше наклоняет голову, и наши рты почти соприкасаются. В его глазах снова появляется анализирующий взгляд, как будто он пытается понять меня.

— Вот и ответ на твой вопрос, — говорит он. — Одевайся. У тебя есть пятнадцать минут.

Я смотрю на его широкую спину, когда он выходит из комнаты. Как только он уходит, я разворачиваюсь и топаю к шкафу, чтобы порыться в беспорядке одежды, которую запихнула туда, когда распаковывала вещи. Шкаф довольно большой, но у меня слишком много вещей. На глаза наворачивается слеза, и я быстро смахиваю ее тыльной стороной ладони.

Я не понимаю, почему слова Драго так сильно задели меня. Я же не заблуждалась относительно наших мотивов. Он женился на мне, потому что это был выгодный бизнес. А я вышла за него, потому что... я — идиотка. Это правда. Я не должна была позволить своему страху остаться одной привести меня к этой катастрофе. Ася была права. Надо было подождать, пока я встречу человека, который мне понравится, может быть, я полюблю его, и только потом думать о браке с ним. По позвоночнику пробежала дрожь.

Нет. Я никогда не позволю себе влюбиться. Люди, которых я любила, погибли из-за меня. Как мои родители. Как почти это сделала моя сестра. Все из-за меня. Так гораздо лучше. Драго получает связь с Cosa Nostra, дон получает информацию о сербской организации, а я получаю возможность не быть одной. Никаких чувств.

Когда через четырнадцать минут я выхожу на улицу, Драго стоит у машины, облокотившись на капот и скрестив руки на груди. Он окидывает взглядом мои розово-голубые полосатые брюки с широкими штанинами, затем переходит к моему розовому пальто, и на какое-то мимолетное мгновение на его лице появляется легкая улыбка.

— Оно не уменьшилось при стирке? — спрашивает он, недоверчиво оглядывая мои

рукава.

— Пальто нужно сдавать в химчистку, а не стирать. И это рукава с длиной три четверти.

— Может быть, ты просветишь меня, для чего нужно пальто с короткими рукавами?

Я хлопаю ресницами:

— Чтобы я выглядела красивой.

Драго поднимает руку и проводит тыльной стороной ладони по моей щеке. Эти зеленые глаза захватывают и удерживают мой взгляд.

— Если это так, то, боюсь, оно не выполняет своей задачи, *mila moya*.

Я задыхаюсь, потрясенная и обиженная. Знаю, что я не из тех женщин, которые могут заставить мужчин падать передо мной на колени. И уж точно не из той лиги, которую я видела с ним на той фотографии, которую прислал мне Аджелло. Но говорить о том, что я уродлива?

Я начинаю отстраняться от него, но его свободная рука обвивает мою талию, прижимая меня к его телу. Его глаза прикованы к моим, опасно блестят. Дразнят меня. Бросают мне вызов. Что сделать? Плюнуть ему в лицо? Заплакать? Нет, это на него не похоже.

Он крепче сжимает мою талию. Другая его рука все еще лежит на моем лице, поглаживая щеку. Я сжимаю в кулаке горсть его рубашки и сужаю глаза, пытаюсь понять, к чему эта молчаливая игра. Драго наклоняется, и его рот оказывается совсем рядом с моим ухом.

— Твое пальто не выполняет свою задачу, — шепчет он по-сербски, его голос хриплый и скользит по мне, как жидкий мед, — потому что ты чертовски идеальна, Сиенна. Ты прекраснее всех, кого я когда-либо знал.

Сердце замирает. А потом выпрыгивает, словно желает вырваться из груди, и бьется в бешеном темпе. Что, если он услышит это и поймет, что я поняла?

— Что ты сказал? — быстро спрашиваю я.

Драго отпускает меня и открывает дверь машины.

— Пора выезжать. — Он снова переходит на английский, игнорируя мой вопрос. — Поторопись. У меня сегодня днем встреча, на которой должен быть.

Нацепив на лицо беззаботную улыбку, я берусь за края пальто и опускаюсь на пассажирское сиденье. Пока Драго обходит машину, я специально настраиваю зеркало заднего вида на себя, вместо того чтобы опустить солнцезащитный козырек, затем достаю из сумочки косметичку и начинаю наносить помаду. Что это только что было? Он меня проверял?

— Мне это нужно, Сиенна. — ворчит мой муж и возвращает зеркало на место.

— Я потребовала его первой, — щебечу я, надеясь, что это поможет скрыть, как я потрясена.

Драго переводит взгляд с моих губ на глаза и задерживает его там на несколько долгих мгновений. Затем он заводит машину.

Занавеска в раздевалке отодвигается в сторону, и оттуда выходит Сиенна в розовом платье для Барби с оборкой по подолу. Я наблюдаю за ней с дивана, расположенного напротив высокого зеркала, как она внимательно изучает свое отражение, поворачиваясь то влево, то вправо, оценивая наряд. Она выглядит в нем просто великолепно, как и во всех предыдущих платьях, которые я заставлял ее примерять. Кажется, это уже двенадцатое.

Она поворачивается и выпячивает бедро.

— А это?

Я перевожу взгляд с ее нежной груди вниз, на стройные ноги, затем снова вверх.

— Нет.

— Нет? Что значит "нет"? Я перемерила здесь все платья. Как это возможно, что тебе ни одно из них не нравится?

Я откинулся назад и облокотился на спинку дивана, разглядывая ее. Я никогда не говорил, что они мне не нравятся.

— Драго!

Я на секунду закрываю глаза, чтобы дать звуку проникнуть в тело. Мое имя — одно из немногих слов, которые я могу полностью расслышать, когда она говорит.

— Примерь еще несколько, — говорю я.

Сиенна бросает на меня недовольный взгляд и исчезает в раздевалке. Как только за ней задергивается штора, я встаю и направляюсь в другой конец бутика, где у входа стоят двое мужчин. Я заметил их в зеркале, когда они разглядывали Сиенну, когда выходила из примерочной в последний раз. Я хватаю за куртку того, кто ближе всех ко мне, и бью ему в лицо.

— Тебе нравится наблюдать за моей женой?

— Расслабься, чувак. Я только взглянул. — Идиот ухмыляется. — Она ходящее шоу. Трудно не смотреть, знаешь ли.

— Оу. Тогда ладно. — Я бью его головой.

Другой парень хватается за плечо, и я отпускаю мужчину, зажимающего руками свой окровавленный нос, и упираюсь локтем в живот его приятеля. Он складывается пополам, хватая ртом воздух.

— Проваливайте. Пока я сам вас не вышвырнул. — Я поворачиваюсь и иду обратно в раздевалку.

Сиенна выходит как раз в тот момент, когда я сажусь, говорит что-то о том, что пояс и талия слишком узкие, но я не успеваю дослушать, потому что мой взгляд был устремлен на зеркало, чтобы убедиться, что эти два идиота покинули магазин.

Когда я смотрю на жену, она стоит, положив руки на бедра, и смотрит на меня.

— Ну?

Я пожираю ее глазами. Новое платье голубого цвета с облегающим лифом, расширяющимся от талии. Оно прекрасно сидит на ней.

— Тебе стоит примерить еще одно.

— Серьезно? Ты просто издеваешься надо мной, да?

Она чертовски очаровательна, когда злится. Дело в том, что мне совершенно все равно, что она носит. Я нахожу свою жену одинаково потрясающей как в том идиотском голубом и розовом уродстве, которое она надела сегодня утром, так и в этом элегантном платье. Но я получаю удовольствие, когда вижу различные части ее тела, которые открывает платье. Голую спину. Декольте. Эти потрясающие ноги.

— Следующая, Сиенна.

Она щурит на меня глаза и уходит за перегородку. Через минуту она выходит оттуда в одном лишь голубом кружевном лифчике и таких же трусиках.

— Так тебе больше нравится?

Я вскакиваю с дивана и тремя быстрыми шагами добираюсь до нее. Обхватив ее за талию, я заносу ее в раздевалку, а другой рукой задергиваю занавеску. Сиенна изо всех сил пытается вырваться из моих рук, но я хватаю ее под бедро и прижимаю к стене.

— Что это было? — рывкаю я.

— Ты, кажется, равнодушен к платьям. — Она наклоняет ко мне свой упрямый подбородок. — Я пыталась добиться твоей реакции.

— Вот как? — Я наклоняюсь к ней так, что мой твердый член прижимается к ее сердцевине. — Это и есть та реакция, которой ты пыталась добиться?

— Возможно. — Сиенна прикусывает нижнюю губу и закидывает ноги мне за спину. Она крепче сжимает мою шею.

Я опускаю голову и шепчу ей на ухо.

— Я вижу тебя, Сиенна. — Она напрягается в моих объятиях, но я продолжаю. — Я вижу, что ты что-то скрываешь своими бодрыми действиями и этой нелепой одеждой. И я собираюсь выяснить, что именно.

Ее ногти впиваются в кожу моей шеи, и от этого ощущения мой и без того твердый член набухает еще больше. Она наклоняет голову в сторону, ее губы касаются мочки моего уха.

— Никогда, — говорит она.

— Это мы еще посмотрим. — Я слегка целую ее обнаженное плечо и позволяю ей сползти вниз по моему телу. — Одевайся.

— А как же платье?

Я наклоняюсь и беру в руки разноцветный груды атласа и кружев.

— Мы заберем их всех.

* * *

Я наблюдаю за женой, которая ковыряется в свиной отбивной на своей тарелке. Она в основном передыгала еду по тарелке и едва откусила несколько кусочков. Я протягиваю вилку, накальваю один из кусочков и подношу его к ее рту.

Она смотрит на мою вилку.

— Что ты делаешь?

— Слежу за тем, чтобы ты поела.

— Я не голодна.

— Ты ничего не ела с утра. Я не позволю тебе упасть в обморок. Открой рот.

Ее губы слегка расширяются.

— Да пошел ты, Драго, — говорит она с улыбкой.

— Значит, она не такая милая, как хочет, чтобы люди думали. — Я наклоняюсь вперед. — Открой. Свой. Рот.

Сиенна выхватывает вилку из моей руки и запихивает мясо в рот, пронзая меня своим взглядом. Я забираю вилку обратно, накальваю брокколи и поднимаю ее.

— Мы могли бы поесть и дома. — Ее губы обхватывают овощ, когда она снимает его с вилки.

— Обед подают в два часа. Мы его пропустили.

— Пропустили? Это твой дом. Разве ты не имеешь права решать, когда будет подан обед?

— Имею. И я назначил время обеда в два. Если ты пропускаешь его из-за деловых обязательств, то придется позаботиться о себе самому.

Сиенна смотрит вниз на очередной кусок свинины, который я держу перед ней.

— Почему?

— Представляешь, какой хаос начнется, если пятьдесят человек будут есть в произвольное время?

— Да, наверное. — Она смеется и берет мясо. — Я не видела в вашем доме детей.

— Мои люди не проживают в доме с семьями.

— Почему?

Перед глазами промелькнуло воспоминание о доме моего детства, охваченном пламенем. Прошло двадцать лет, но я все еще чувствую запах дыма, который душил мои легкие, и жар огня на моей горячей рубашке, который опалял мою кожу, когда я пытался закрыть Дину своим телом.

— Драго? — Сиенна положила руку мне на предплечье.

— Потому что я не разрешаю детям находиться в особняке. Слишком опасно, — говорю я и достаю телефон, который вибрировал у меня в кармане.

14:20 Филипп: Мы потеряли связь с водителем. Мирко пытается определить местонахождение груза по GPS.

— Нам нужно ехать. — Я бросаю деньги на стол и хватаю Сиенну за руку, чтобы уйти.

Пока я веду свою жену к ближайшему лифту, Сиенна говорит рядом со мной. Из-за окружающих и шума я улавливаю только тон ее голоса, но не слова.

Когда мы выходим из лифта, приходит еще одно сообщение от Филиппа, в котором он сообщает, что у нас есть только общее местоположение грузовика из-за слабого сигнала GPS, и что он уже отправился в том направлении с несколькими людьми на поиски машины. В тексте — скриншот карты с кругом радиусом в одну милю над территорией, прилегающей к нашему складу.

Когда мы подходим к машине, я прикладываю палец к губам Сиенны.

— Перестань говорить и слушай. Кто-то перехватил один из наших грузовиков. Водитель не отвечает.

Она моргает и кивает.

— Мне нужно, чтобы ты оставалась на линии с Филиппом и ждала, пока он сообщит тебе координаты, когда найдет грузовик. Когда они будут у тебя, введи местоположение на карте и покажи мне экран с отмеченным пунктом назначения. Хорошо?

— Хорошо.

— Будь на линии и слушай любую информацию, которая может быть у Филиппа, так как он доберется до грузовика раньше нас. Все ясно?

Она снова кивает.

— Хорошо. Поехали.

В трубке раздаются голоса, говорящие по-сербски. Филипп, видимо, включил режим громкой связи, потому что я слышу и его, и другого мужчину. Их речь довольно быстрая, но я все же понимаю кое-что из сказанного. Неприятные ругательства, потом что-то о том, что румыны не в восторге от оружейного бизнеса. Я бросаю косой взгляд на мужа. Он уже двадцать минут едет в абсолютной тишине. Оружие? Я думала, что сербский синдикат работает только с наркотиками. Я пытаюсь уловить продолжение разговора, но в основном это опять ругань. У кого-то звонит телефон. Другой парень, кажется, Йован, что-то кричит.

— Сиенна, — говорит Филип, — мы нашли местоположение. Я посылаю тебе координаты.

Телефон в моих руках вибрирует. Я включаю громкую связь, затем копирую и вставляю два больших числа в навигационное приложение, и на карте появляется большая красная точка. Мы находимся примерно в десяти минутах езды.

— Поверни направо, — говорю я, глядя на экран телефона. Я все еще слышу голос

Филиппа, так как всё ещё на линии.

В поле моего зрения попадает рука Драго. Он хватается телефон и смотрит на экран, но при этом пропускает поворот, который должен был сделать.

— A u kurac. (с серб. Блядь) — Он бросает телефон на приборную панель, крутит руль до тех пор, пока машина не делает разворот, и выезжает на полосу, движущуюся в противоположном направлении. Поворот настолько неожиданный и резкий, что я ударяюсь головой о стекло.

— Черт! — кричит Драго и, не отрываясь от дороги, обхватывает меня правой рукой за плечи и притягивает к себе. — Мне так жаль, детка. — Он целует меня в лоб и отпускает. — Спроси Филиппа, удалось ли им связаться с водителем.

Я все еще настолько ошеломлена его неожиданным поступком, что даже не спрашиваю, почему бы ему самому не узнать у Филиппа. Громкая связь по-прежнему включена.

— Филипп? Драго спрашивает...

— Грузовик припаркован на дальнем переулке, — вклинивается Филипп. — Мы как раз подъезжаем к нему. Оставайтесь на линии.

Звуки открывающихся и закрывающихся дверей машин заполняют тишину, и через несколько минут по линии раздается поток сербских ругательств.

— Водитель мертв, — кричит Филип. — Пуля попала в висок. Груз в грузовике. Не тронут.

Мой муж продолжает вести машину, сжимая руль, не отрывая взгляда от дороги.

— Мертв? — спрашивает он и смотрит на меня.

— Да. — Я киваю.

— Когда мы приедем, оставайся в машине. Филипп отвезет тебя домой.

— Хорошо. — Я снова киваю.

Драго продолжает вести машину, а я все смотрю на его профиль. Размышляю.

Мы подъезжаем к грузовику, Драго паркуется в нескольких метрах перед ним, затем выходит из машины. Я наблюдаю за ним через заднее стекло, как он заглядывает в кабину грузовика, а затем спрыгивает вниз и становится лицом к Филиппу, что-то ему говоря. Йован подходит к Драго сзади и кладет руку ему на плечо. Этот поступок кажется неуместным, но я заметила, что его люди часто так делают, когда подходят к нему сзади. Кажется, что это делается для того, чтобы привлечь его внимание.

Несколько минут они втроем бурно обсуждают ситуацию. Через несколько минут Филипп отходит от группы и садится ко мне в машину, набирая номер на своем телефоне. Он переключает телефон на громкую связь и заводит машину. Я слушаю, как он передает приказ Драго сначала Адаму, а потом Мирко.

Я смотрю на ленту дороги за лобовым стеклом, пока копаюсь в своих мыслях, пытаюсь вспомнить, видела ли я когда-нибудь, как мой муж разговаривает по телефону.

И не могу вспомнить ни одного случая.

Глава 11

За эти годы мне довелось побывать по меньшей мере на десяти свадьбах Коза Ностры. Большинство приемов проходило в ресторанах, банкетных залах шикарных отелей или элитных загородных клубах. Чем дороже место проведения и постановка, тем лучше. Нет более пышного способа продемонстрировать свое богатство и значимость в семье. Поэтому, когда Драго припарковал машину на некотором расстоянии от трехэтажного дома из серого камня, я была в недоумении.

Музыку я слышала задолго до того, как мы подъехали к этому месту, но вблизи она звучит так громко, что мне требуется несколько мгновений, чтобы привыкнуть. Посреди большой лужайки за домом стоит огромный белый шатер. Драго, видимо, пропустил поворот, потому что мне кажется, что мы оказались совсем не в том месте.

— Почему мы на ярмарке? — спрашиваю я.

— Это не ярмарка. Это svadba.

Я расширяю глаза и смотрю назад, на прямоугольный шатер перед нами. Боковые стенки убрали, оставив большой навес над длинными столами, установленными внутри. Каждый стол тянется по всей длине шатра и может вместить около восьмидесяти человек. Всего столов пять. Это минимум четыреста гостей. Мне кажется, я даже не знаю такого количества людей.

В одном конце шатра установлен помост, на котором играет оркестр, а светловолосая женщина в красном платье ходит между столами и поет. Большинство гостей стоят рядом со своими стульями, танцуют и подпевают, но некоторые собрались вокруг певицы и дают ей в руки деньги.

Дети — мальчики в симпатичных костюмах и девочки в красивых платьях — гоняются за собакой, забегают в шатер и выходят из него через открытые боковые стенки. Нет ни мрачных мужчин, ведущих деловые разговоры по углам, ни чопорных женщин, сидящих с прямой спиной и боящихся пошевелить хоть одним мускулом из-за страха, что у них растрепаются волосы, пока они сплетничают о тех, кто не может их подслушать. Все выглядят искренне счастливыми. Это так непохоже на свадьбы Cosa Nostra.

Это радостное, позитивное безумие. Мне это нравится!

— Пойдем поздравим молодоженов. — Драго обхватывает меня за плечи, прижимая к себе, и мы идем сквозь толпу к главному столу, расположенному в дальнем конце шатра. Он установлен перпендикулярно остальным, и вокруг него толпится все больше людей.

Невеста одета в изумительное белое кружевное платье с объемной пышной юбкой, а жених — в элегантный серый костюм и белую рубашку. За столом сидят еще два человека — мужчина рядом с женихом и женщина рядом с невестой. Однако все четверо отодвинули свои стулья и танцуют и поют во всю глотку прямо на месте.

Заметив наше приближение, жених бросается нам навстречу. Драго и мужчина обмениваются несколькими словами, но их разговор заглушается шумом так, что я не могу расслышать, о чем они говорят. Жених переводит взгляд с моего мужа на меня, глаза его расширены, как блюдца, затем он берет себя в руки и протягивает мне руку. Я ожидаю, что мы направимся куда-нибудь еще, чтобы присесть, но жених начинает махать кому-то рукой и кричит: "Жена Драго!".

Через мгновение я оказываюсь в окружении людей — мужчины подходят пожать мне руку, женщины целуют меня в щеки три раза — справа, слева, и ещё раз справа. Все говорят одновременно. Если бы тело Драго не было прижато к моей спине, а его рука не обхватывала меня за талию, все это было бы немного ошеломляюще.

— Бабушка невесты, — произносит он рядом с моим ухом, когда пожилая женщина подходит к нам. Он продолжает нашептывать мне мелкие подробности о каждом, кто подходит. — Тетя со стороны отца... Любовник тети... Младший брат жениха... И старший... Мать невесты...

Я не могу вспомнить и половины имен. Это продолжается минут десять, пока мои щеки не начинают покалывать от поцелуев, а рука не становится похожей на кашу, но я не

возражаю. На самом деле я улыбаюсь так широко, что у меня болит лицо. Я никогда не ожидала такого теплого приема от людей, которые только что познакомились со мной. Такое ощущение, что... Я принадлежу им. Такое же чувство испытываю и в доме Драго, как будто я часть большой семьи.

Покончив с приветствиями, мы направляемся к двум свободным стульям в конце одного из длинных столов. Люди, ранее занимавшие эти места, только что ушли, прихватив с собой тарелки. Драго занимает одно из кресел и усаживает меня к себе на колени.

— Ну, что скажешь? — спрашивает он.

Я усмехаюсь.

— Это безумие.

Уголок его рта изгибается вверх.

— Я подумал, что тебе понравится.

— Давай сделаем несколько фотографий. — Я достаю телефон из сумочки и поднимаю его перед нами.

— А это обязательно?

— Что за глупый вопрос?

Я делаю селфи, потом смотрю на фотографию.

— Нет. Тебе нужно стереть это свирепое выражение со своего лица. Инста подвергнет цензуре мой пост за вызывающий беспокойство контент. Ещё раз.

Я обхватываю его за шею, прижимаюсь щекой к его щеке и поднимаю телефон.

Щелк.

— Еще один, — говорю я и улыбаюсь в камеру. Когда я смотрю на новую фотографию, Драго и на ней задумчив.

— Не будь таким серьезным. — Я протягиваю руку и беру его подбородок пальцами, затем наклоняю его голову так, чтобы он смотрел на телефон. Его взгляд встречается с моим на экране. — А теперь улыбнись.

Он закатывает глаза, но улыбается. Улыбка получилась кисловатой, но, думаю, это лучшее, что я могу получить.

Щелк.

Я отпускаю его подбородок и опускаю телефон. В этот момент я замечаю, что люди как-то странно смотрят на меня. Может быть, на сербских свадьбах не принято фотографировать? Я быстро убираю телефон.

Заканчивается одна песня и начинается другая. Очевидно, хотя я этого не знаю, это популярная мелодия, потому что люди начинают кричать и подпевать с первой ноты. Я пытаюсь вслушаться в текст, но понять певческие сербские слова гораздо труднее, чем разговорные. Что-то о смещении черного и золотого, затем упоминается... рама? Речь идет об искусстве? Может быть, о картине?

Женщина, сидящая через несколько мест, резко встает и залезает на стол. Я смотрю, раскрыв рот, как она начинает танцевать, ее каблуки щелкают по льняной столешнице, задевая тарелки и столовые приборы. Люди вокруг нее аплодируют, хлопают в ладоши. Другая женщина, еще ниже, забирается на стол. Затем невеста снимает туфли и делает то же самое. Толпа сходит с ума, и я смеюсь от восторга. Никогда в жизни я не была свидетелем такого радостного праздника.

Я смотрю на мужа и прикусываю губу.

— Можно и мне попробовать?

— Что попробовать? — поднимает он бровь.

— Тот танец на столе.

Его рука на моей талии напрягается.

— Нет.

— Что? Почему?

Драго наклонился вперед.

— Я не позволю своей жене залезть на стол и трясти бедрами на глазах у более четырехсот человек.

Я прищуриваюсь.

— А что, если я буду танцевать только для тебя? Пожалуйста?

Из его горла доносится низкий стон.

— Хорошо. Но будь уверена, что я буду смотреть только на тебя, потому что если мой взгляд переместится и я замечу, что на тебя смотрят другие мужчины, то следующей песней будет похоронный марш, *mila moya*.

Я визжу от восторга и начинаю расстегивать каблуки.

Ошеломлен. Загипнотизирован. Абсолютно одурманен. Именно так я чувствую себя, наблюдая за тем, как моя жена танцует на столешнице передо мной. Не знаю, что мне нравится больше — ее идеальное маленькое тело, которое медленно и чувственно покачивается при движении, ее смешной солнечный характер или блестящий интеллект, который скрывается за ее сверкающей оболочкой.

В прошлые выходные я зашел к ней и Кеве, которые сидели за кухонным столом и обсуждали отмывание денег. Прислонившись плечом к стене, я наблюдал за женой, которая подробно объясняла, как можно отмыть деньги через ремонт недвижимости. За те пять минут, что я наблюдал за ней, она дала Кеве пошаговую стратегию — начиная с покупки заброшенного здания и заканчивая переделкой, которая позволит получить оптимальную сумму денег, не пропуская ни одного шага между ними. В завершение она указала примерные сроки выполнения всего этого мероприятия. Когда она закончила, то достала телефон и сфотографировала кучу моркови, которую она закончила чистить, пока говорила.

Но то, как она танцует сейчас, — это нечто совсем другое, от чего вся кровь приливает к моему члену. Я откинулся в кресле и позволил своему взгляду скользнуть по голубому шелковому платью с длинными рукавами. Довольно скромный выбор, учитывая ее модный вкус. Если не принимать во внимание блески и огромные золотые серьги в форме сердца.

Сиенна кладет руки на талию и, глядя мне прямо в глаза, начинает вращать бедрами. Она озорно улыбается, и эта улыбка творит странные вещи с моими внутренностями. Такая чертовски красивая. От ее вида я почти забываю о пульсирующей мигрени, которая началась, как только мы подъехали к месту проведения свадьбы, и усиливалась в геометрической прогрессии, чем ближе мы подходили к шуму.

Моя очаровательная жена пытается сделать пируэт, не споткнувшись о тарелку, когда воздух пронзает выстрел.

Она замирает на полуслове, глаза ее расширились от паники. Черт. Я забыл предупредить ее о праздничных выстрелах.

Бах!

В одно мгновение я замираю, мое сердцебиение учащается, и смотрю на Драго, который медленно поднимается со стула. Где-то за пределами палатки раздается еще несколько выстрелов. У меня вырывается сдавленный крик, и я прыгаю в объятия мужа, крепко

обхватывая его шею трясушимися руками.

— Все хорошо, — воркует он мне на ухо. — Это шафер стрелял в воздух. Традиция.

— Традиция? — Я поднимаю глаза. — Твои люди немного сумасшедшие.

— Знаю.

Мне, наверное, следует спуститься, так как люди начинают бросать на нас любопытные взгляды. Видимо, я единственная, кто не ожидала намеренной стрельбы в разгар свадьбы. Мне действительно следует попытаться восстановить хоть какое-то подобие приличия, но мне нравится, когда меня держит Драго. Возможно, он чувствует то же самое, потому что опускается обратно на стул, не отпуская меня.

— Значит, выстрелы в воздух часто случаются на свадьбах? — Я провожу кончиком пальца по его челюсти.

Глаза Драго слегка расширяются от удивления, но в остальном он делает вид, что не замечает моих ласк.

— Каждый гребаный раз. И на большинстве других праздников, проводимых на улице. Я должен был предупредить тебя.

— Все в порядке. — Я пожимаю плечами и слегка наклоняюсь вперед. У него такие великолепные глаза. Как и его нос, даже несмотря на то, что он немного кривой. — Спасибо, что привел меня сюда.

Жар пробегает по моему позвоночнику, когда шершавые ладони Драго скользят вверх по моей спине.

— Не за что.

Чувственная мелодия, под которую я танцевала, переходит в быстрый ритм. Новая волна одобрительных возгласов раздается вокруг нас, когда группа переходит на высокую передачу с барабанами и басами, которые гулко разносятся по огромному шатру. Драго напрягается и закрывает глаза. Его лицо искажается в гримасе, губы плотно сжаты.

— Драго? — Я закрываю его лицо ладонями. — Что случилось?

— Ничего. — Его глаза распахиваются, и он снова начинает гладить меня по спине.

Мне не кажется, что это "ничего". Его тело напряжено, а в голосе чувствуется напряжение. Я глажу морщинки у него на лбу, прослеживая линии, которых там обычно не бывает.

— Ты выглядишь так, будто тебе больно, Драго. Что происходит?

— Я в порядке, Сиенна.

Несколько сотен гостей запевают припев песни, каждый припев громче предыдущего. Драго произносит мерзкое сербское ругательство и сжимает переносицу, плотно зажмурив глаза.

— Драго?

Он снова ругается и опускает руку, напряжение ясно читается на его лице.

— Это из-за музыки?

— Да, — говорит он сквозь скрежещущие зубы. — Она слишком громкая.

Его волосы такие мягкие, когда я перебираю пальцами темные пряди. Я даже не заметила, что глажу его.

— Поехали домой.

Мой муж наклоняет голову в сторону и смотрит на меня, словно пытаюсь разгадать мои мысли.

— Я думал, тебе было весело.

— Так и было. Больше нет.

— Почему?

Потому что тебе явно больно, а я не могу веселиться, зная, что тебе больно. Но ему этого, конечно, не говорю.

— Я обещала Асе, что позвоню ей сегодня в пять, — вру я. — Надо срочно ехать, чтобы не опоздать на звонок.

Уголок губ Драго чуть приподнимается.

— Но у тебя же есть с собой телефон. Ты можешь позвонить здесь. Или по дороге обратно.

— Эм... Я предпочитаю звонить наедине. — Я одариваю его лучезарной улыбкой. — Ну, знаешь, всякие девчачьи штучки.

— Угу. А может, тебе нужно позвонить не сестре?

Моя рука замирает. Неужели кто-то подслушал, как я вчера звонила дону, и рассказал Драго? Я всегда слежу за тем, чтобы звонить Аджелло только тогда, когда я одна в спальне или прогуливаюсь по территории, где никого нет. Нет, это невозможно.

— Конечно, нет. Зачем мне врать?

Драго не сводит с меня глаз, в них сверкает опасный блеск, словно он может видеть насквозь мою ложь и защиту, вплоть до самой души. Мое сердцебиение участилось, пока я смотрела в эти два зеленых с коричневыми вкраплениями глаза. Беги! Кричит та часть меня, которая боится раскрывать свои секреты перед кем бы то ни было. Беги, сейчас, пока еще можешь.

Он берет меня за подбородок, приподнимает его вверх, медленно поглаживая большим пальцем нижнюю губу.

— Тако lepa usta, a toliko laži. (с серб. Такой красивый рот, а столько лжи)

Я моргаю и пытаюсь сконцентрироваться на его словах, но вокруг нас слишком много шума, поэтому я понимаю только половину фразы. Кажется, он сказал, что ему нравится мой рот. Мои губы раздвигаются, предвкушая поцелуй, но Драго отпускает мой подбородок и отстраняется.

— Пойдем домой.

Проглотив разочарование, я улыбаюсь и слезаю с его колен.

— Конечно.

Глава 12

Я машу официанту, чтобы он принес мне еще одну чашку кофе, и продолжаю наблюдать за Сиенной и ее братом.

Сказать, что Артуро ДеВилль недоволен тем, что его сестра замужем за мной, — значит не сказать ничего. Он также чертовски зол, потому что я не позволил Сиенне встречаться с ним без моего присмотра. Я сказал Артуро, что это мера предосторожности, но по правде говоря я боюсь того, чего он может рассказать ей обо мне.

В моем шкафу много скелетов, и Артуро знает о некоторых из них. За последние недели я довольно хорошо узнал свою жену. Сиенна, может быть, и родилась в мафиозной семье, но она не любит насилия и кровопролития. Она может одурачить вас своей бравадой, но моя жена гораздо чувствительнее, чем позволяет себе думать окружающим. Она как одинокий цветок одуванчика в море колючих роз. Достаточно одного порыва ветра, чтобы повредить ее нежные семена. Поэтому я не рискую, чтобы Артуро не сказал Сиенне ничего такого, что заставило бы ее опасаться меня.

Они сидят в другом конце ресторана. Еда Артуро остывает на его тарелке. Он даже не притронулся к ней, потому что был занят перечислением всех моих плачевных качеств перед женой.

— ... гребаный сукин сын, который даже не позволяет мне видеть тебя без его присутствия!

Я не вижу ответа Сиенны, так как она сидит ко мне спиной, но части разговора Артуро мне достаточно, чтобы уловить суть.

— Да, но заниматься бизнесом и заставить мою сестру выйти замуж за этого ублюдка — две разные вещи! И не надо мне говорить, что ты хотела замужества. Я на эту чушь не куплюсь. Разве Аджелло угрожал тебе, чтобы ты вышла замуж за Попова?

Да, Сиенна. Дон угрожал тебе?

Плечи моей жены опускаются, что похоже на вздох, затем она наклоняется над столом и берет брата за руку. Она что-то говорит, но я не могу понять, что именно, черт возьми! Артуро слушает с расширенными глазами и сжатой челюстью, затем бросает взгляд в мою сторону.

— Есть вещи, которых ты о нем не знаешь. Вещи, о которых я не знаю, когда обсуждалась эта брачная сделка, иначе я бы никогда не подпустил тебя к нему. Он опасен, и я хочу, чтобы ты вырвалась из его лап.

Сиенна качнула головой в сторону. Вероятно, просит объяснить, что это за "вещи". Я встаю и направляюсь в другой конец ресторана. Пора прервать эту встречу.

— Мы уходим, — говорю я, когда дохожу до их столика. Не знаю, чтобы помучить себя, или Артуро, я провожу кончиком пальца по обнаженной коже Сиенны, где ее свитер цвета фуксии сполз с плеча. — Мне нужно быть в Наосе через два часа. Хочешь пойти со мной?

Сиенна смотрит на меня и улыбается.

— Ты не против, если кто-нибудь из девочек тоже присоединится к нам?

— Нет. — Я киваю. — Мне нужно переговорить с твоим братом. Подожди здесь.

Артуро встает, свирепо глядя на меня все время, пока мы идем через ресторан к его машине, припаркованной у входа.

— Не знаю, что ты нарыл на меня, — говорю я и облокачиваюсь на капот, — но ты будешь держать язык за зубами.

На его лице появляется удивление, но оно быстро сменяется гневным взглядом.

— Если ты причинишь боль моей сестре, я убью тебя.

— Похоже на то, что твоей сестре больно? — Я бросаю взгляд в окно, где Сиенна расставляет нетронутую тарелку Артуро, чтобы сфотографировать ее.

— Я буду следить за тобой, — рявкает он и садится в машину.

Как только Артуро выезжает с парковки, я возвращаюсь в ресторан и сажусь рядом с женой.

— Что хотел Артуро? — спрашиваю я.

— Ничего. Он просто проверял меня. — Она облокотилась на стол и ухмыляется. — Думаю, мой брат боится, что ты меня съешь.

— Я мог бы. — Я протягиваю руку и кладу свою поверх ее. — Думаешь, я опасен, mila moya?

Губы Сиенны удивленно раздвигаются, и мне требуется все мое самообладание, чтобы не прижаться к ним ртом. Мне становится слишком трудно сопротивляться моей молодой жене, даже если я знаю, что она шпионка.

— У вас тут все прослушивается? — Она поднимает бровь.

— Может быть, и так. — Я кладу свободную руку на ее шею. — Ты считаешь, что я представляю опасность для тебя, как сказал твой брат?

— Да. — Глаза Сиенны смотрят на меня, не моргая. — Но не в том смысле, в котором считает мой брат.

Выражение ее лица абсолютно серьезно, но на какое-то мимолетное мгновение за ее волевым взглядом мелькнула ранимость. Через мгновение она исчезает, а ее губы расширяются в улыбку.

— Нам пора идти, Драго. Мне нужно подготовиться к вечеру.

Держа ее руку в своей, я направляю ее к выходу. Она может считать, что ей удалось избежать той темы, но мы скоро к ней вернемся.

* * *

Я подношу бокал с виски Macallan к губам и делаю глоток, наблюдая за своей женой. Сиенна стоит у бара, и смеется вместе с Еленой и еще тремя девушками. Она выбрала для сегодняшнего вечера еще один сверкающий наряд. На этот раз платье, покрытое яркими сине-зелеными блестками. Когда она двигается, и свет отражается от ее платья, кажется, что она покрыта павлиньими перьями. Она просто сияет. Я не понимаю, как она может носить такие вещи и при этом выглядеть на миллион долларов. На ком-то другом это выглядело бы нелепо. К тому же оно слишком короткое.

Сканируя комнату, я окидываю взглядом всех сидящих и стоящих поблизости мужчин, чтобы убедиться, что ни один мудака не заглядывается на ноги моей жены. Одна только мысль об этом вызывает у меня дикие порывы.

Как только я увидел ее наряд на сегодняшний вечер, я отправил сообщение Мише, менеджеру клуба, чтобы он передал сообщение каждому гостю мужского пола, прежде чем разрешить им войти. Любая мужчина, застигнутый за подглядыванием за моей женой, покинет клуб с глазами в бокале вина. Люди, которые посещают мой клуб, — постоянные клиенты, поэтому они знают, что я не шучу. Наос может быть нейтральной территорией в том, что касается бизнеса, но это правило не распространяется на частные сделки. На мою жену можно смотреть только с уважением. Все остальные "взгляды" будут иметь последствия.

Я замечаю мужчину, облокотившегося на барную стойку на некотором расстоянии от Сиенны и заказывающего выпивку. Это владелец местной компании по управлению автопарком. Я работал с ним несколько раз, когда у нас была нехватка свободных грузовиков. Он показался мне умным парнем, но, похоже, я ошибался, потому что его, похоже, очень интересует задница моей жены. Бармен передает ему бутылку пива, и этот болван направляется в конец бара, где стоит Сиенна. Не сводя с него глаз, я подзываю охранника.

— Тащите этого идиота в мой кабинет, — говорю я и киваю в сторону парня, который теперь пристроился рядом с Сиенной и пытается завязать разговор. — Проследите, чтобы моя жена ничего не заметила.

Сиенна не обращает на него внимания и продолжает болтать с Еленой. Парень, наконец, уходит, направляясь в сторону туалетов, но мой охранник перехватывает его на полпути и не очень мягко "уговаривает" придурка зайти в заднюю часть клуба. Пора столкнуться с последствиями.

— Мне нужно кое о чем позаботиться, — говорю я мимоходом Филиппу. — Держи мою

жену в поле зрения.

Прежде чем отправиться в свой кабинет, я забегаю в бар, чтобы взять ложку и бокал, затем разворачиваюсь и направляюсь через танцпол.

* * *

Когда я возвращаюсь после решения проблемы в офис, к моей кабинке подходит мужчина и останавливается напротив дивана, на котором я сижу. Около шестидесяти лет, седые волосы, тонкие золотые очки. Эндри Душку. Албанский лидер.

— Эндри. — Я жестом указываю на кресло рядом с ним. — Что привело вас в Нью-Йорк?

Пожилой мужчина садится в предложенное кресло и отмахивается от официанта.

— Богдан позвонил мне на днях. У него есть кое-какая... интересная информация.

— О? И что именно вызвало ваше беспокойство?

— Чем вызван твой интерес к оружейному бизнесу, Драго?

— Деньги, — говорю я и делаю глоток своего напитка. — Но тебе не о чем беспокоиться. Я не собираюсь посягать на твою территорию.

— Ты доставил в Братву крупную партию товара.

— Да. Но Петров больше не будет иметь с тобой дела, так что не вижу проблемы. А после той истории с ирландцами тебе вообще запрещено вести дела в Нью-Йорке. — Я перекинул руку через спинку дивана. — Снабжать оружием людей, похитивших жену дона? Честно говоря, я удивлен, что ты еще дышишь. Так что я не вижу никакого конфликта интересов между нами двумя.

Душку поправляет очки. Он всегда так делает, когда злится.

— И так все и останется? — спрашивает он.

— Я не ищу конфликтов, Эндри. У тебя есть свои покупатели. У меня — свои. Рынок достаточно велик для нас обоих.

— А как же румыны?

— Они скоро исчезнут из поля зрения, — говорю я. — Как только я найду Богдана.

— Ты думаешь, что избавление от Богдана решит твою проблему?

— Уберешь главу, и остальные разбегутся, как крысы. И я имею в виду буквально.

— Что ж... Я бы не хотел оказаться на месте Богдана, — говорит Душку. — Я слышал, ты женился. Это было неожиданно. Деловое соглашение?

— Конечно.

— Интересно. Я заметил, как охрана выгнала мужчину, когда я входил. Он прижимал к лицу окровавленное полотенце, а в свободной руке держал стакан. Я не уверен, но мне кажется, что внутри было глазное яблоко.

— И?

— Это имеет какое-то отношение к предупреждению, которое я получил при входе? — На его лице появилась расчетливая улыбка.

— Да. Но у меня сегодня хорошее настроение, поэтому я решил оставить ему второй глаз.

— Ну, это довольно... не в твоём духе, если можно так выразиться. У кого-то может возникнуть мысль, что эта девушка — нечто большее, чем просто деловая договоренность.

Я сжимаю стакан в руке. В моей работе есть три вещи, от которых следует держаться подальше: Фальшивая преданность. Сделки, которые кажутся слишком хорошими, чтобы быть правдой. И любого рода слабости.

Я доверяю немногим людям в своей жизни. Те, кто пользуется моей преданностью, заслуживают ее. Я готов умереть за них, и я знаю, что они без колебаний сделают то же самое для меня. Если кто-то достаточно глуп, чтобы предать меня и подумать, что это сойдет ему с рук, я позабочусь о том, чтобы он не прожил достаточно долго, чтобы пожалеть о своем решении.

Я не заключаю никаких сделок, если не уверен на сто процентов в их надежности. Деньги и власть не влияют на меня, и я здесь не для того, чтобы быть чьим-то дураком.

И уж точно у меня нет слабых мест. Или не было. Однако, глядя на самодовольную улыбку Душку, я понимаю, что теперь она у меня есть. И сейчас она делает селфи с мартини, который ей еще не по возрасту.

— Сиенна дала мне прямую связь с Cosa Nostra, а также с Bratva. Двух зайцев — одним выстрелом, — говорю я, наблюдая за его лицом в поисках малейшей реакции. — Это вопрос принципа. Я просто забочусь о своем активе.

— Так она вам не нравится?

— Она едва вышла из подросткового возраста, Эндри. Почему мне должна нравиться избалованная девчонка, которая одевается как клоун и почти все свое время проводит за покупками и выкладыванием селфи в социальные сети? Ради бизнеса приходится идти на жертвы.

— Я слышал, она симпатичная штучка. Только не говори мне, что она тебя, по крайней мере, не привлекает.

— Мне нравится, когда мои женщины используют свою голову не только для модной прически, Эндри.

Душку смеется и встает.

— Да, я тебя понимаю. Ну, если ничего не выйдет, у меня есть дочь, которая только что закончила докторскую программу, так что, возможно, она больше подойдет для тебя.

— Буду иметь это в виду.

Когда я смотрю вслед уходящему албанцу, мой взгляд переключается на то место в баре, где минуту назад сидела моя жена. Ее там нет. Я оборачиваюсь и вижу, что Сиенна стоит, прижавшись спиной к колонне, на которой висят наши пальто, прямо за диваном, на котором я сижу. Она смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

Черт.

— Мне нравится, когда мои женщины используют голову не только для модной прически, Эндри.

Я прислоняюсь спиной к широкой прямоугольной колонне позади меня и закрываю глаза. Она немного шершавая, но прохладная бетонная отделка — желанное облегчение для моей перегретой плоти.

Все, что он сказал, — правда. Люди видят то, что ты им показываешь. Так почему же меня беспокоит, что Драго действительно считает меня поверхностной и глупой?

Когда я открываю глаза, седовласый мужчина уже встает, предлагая свою дочь в качестве моей замены. И мой муж, такая сволочь, что даже не возражает против этого. Мне бы уйти и сделать вид, что я ничего не слышала, но мои ноги прикованы к полу.

Драго оборачивается, и наши взгляды встречаются. Мне требуется вся моя сила воли, но я улыбаюсь и сохраняю фальшивую ухмылку на лице, пока он обходит диван и встает передо мной.

— Строишь планы, как меня заменить? Может, у меня и нет докторской степени, но

уверена, что я более ценная шахматная фигура, чем дочь этого парня.

Драго опускает голову так, что наши лица оказываются на одном уровне. Бра над нашими куртками по другую сторону колонны отбрасывает вокруг нас мягкий свет, позволяя мне видеть пульсирующую вену на его виске, когда он смотрит мне в глаза. Он кладет левую ладонь на поверхность рядом с моей головой, а правой обхватывает мою щеку.

— Ты знаешь, что случится, если Душку поймет, что ты не просто шахматная фигура? — Его тон низкий и угрожающий. — Он сделает так, что об этом узнают все, кто имеет на меня зуб.

— И что?

— Значит, мне придется их всех убить. — На этот раз его слова звучат так легкомысленно, как будто он планирует летний пикник. Он слегка наклоняет голову. — Будет очень много мертвых людей, *mila moja*.

— Ты не убиваешь людей. Для этого у тебя есть твой личный убийца. Тот священник, — проговорила я, не подумав, и только после того, как слова вылетели изо рта, поняла, что сказала.

Он моргает, его темные ресницы плавно опускаются и снова поднимаются, пока его глаза снова не устремляются на меня.

— Мой... "личный убийца"?

Черт. Думай!

— Да. На днях Кева упомянула кое-что, и я догадалась.

— Ммм, правда? — Он сузил глаза. — Да. Думаю, мне нужно послать за ними... моего личного убийцу. Чтобы он решил эту проблему за меня.

— Почему?

Он слегка опускает подбородок, глядя на меня из-под опущенных век.

— Чтобы убедиться, что они не придут за тобой.

— Зачем кому-то преследовать меня? — спрашиваю я своим самым приторным голосом. — Я просто избалованная девочка, которая одевается как клоун.

У Драго раздуваются ноздри. Он сжимает челюсти, и его пристальный взгляд прикован к моим губам с такой силой, что я ожидаю, что из них вырвется пламя.

— Ты — полная противоположность поверхностной, Сиенна. Мы оба это знаем. Я совершенно уверен, что ты одна из самых умных людей, которых я когда-либо встречал.

Я затаила дыхание, пораженная его словами. Но мой минутный шок быстро сменился беззлобным смехом, когда я вспомнила остальную часть подслушанного разговора.

— Но ведь этого недостаточно, не так ли? Ты говорил о том, чтобы заменить меня, — выплюнул я. — Может быть, это было бы правильно. Дочь твоего приятеля возможно более подходящая кандидатура для тебя. Возможно, вы дойдете дальше, чем просто спать в одной постели.

Драго закрывает глаза, из его уст вылетает поток нецензурных сербских ругательств. Затем он прижимается своими губами к моим.

Я вздрагиваю от свирепости его поцелуя — если это вообще можно назвать поцелуем. Это натиск. Голодное, яростное требование. Вцепившись в переднюю часть его рубашки, я притягиваю его ближе, требуя большего. Его рука обхватывает меня под бедром, и он приподнимает меня. Мои ноги обхватывают его талию, и я восхищаюсь ощущением, что зажата между его твердым телом и массивной колонной позади меня, а его член давит прямо на мою сердцевину. Рот Драго скользит по моему подбородку к шее, и когда он прикусывает

нежную кожу, я чувствую, что становлюсь влажной. Я хватаю его за волосы, пальцы путаются в темных прядях. Его прикосновение к моему лицу исчезает, и через мгновение он подносит телефон к уху.

— Я хочу, чтобы все ушли, — рывкает он и лижет мою шею. — Сейчас, Миша.

Человек на другом конце линии отвечает, но я не слышу, что он говорит, потому что Драго бросает мобильник через плечо. Резкий звук падения телефона на пол едва успевает отразиться, как рот Драго снова находит мой. Посасывает. Кусает.

Мои пальцы дрожат, когда я перебираю его волосы. Я никогда не испытывала такого чувства. Это желание быть ближе к нему, хотя мы не можем быть ближе, чем уже есть. Вокруг нас раздаются звуки голосов и торопливых шагов уходящих людей, но я не обращаю на них внимания, опьяненная присутствием Драго. Все остальное не имеет значения. Только он. Его тело. Его губы. Его запах. Тот самый запах, от которого я просыпаюсь уже несколько недель.

— Держись крепче, — говорит он мне в губы и делает шаг назад.

Мои руки обвивают его шею, а его ладони движутся вверх по моим ногам и по моей попке, под платье. Кружево моих стрингов трется о мою ноющую киску, когда он тянет его. Нежная ткань рвется. Он стягивает ее, намеренно задерживая кружевной материал так, чтобы он задевал мой пульсирующий клитор.

Я задыхаюсь от того, что мои бедра становятся влажными. Драго снова хватается за нижнюю часть ноги, а свободной рукой расстегивает пуговицы на своих брюках. О Боже, я собираюсь заняться сексом — в клубе, где все ещё есть люди. Почему мне все равно? Холодная поверхность за моей спиной холодит голую кожу моей задницы, когда Драго снова прижимает меня к колонне. Кончик его члена упирается в мой вход.

— Пожалуйста, не торопись, — задыхаюсь я. — Это мой первый раз.

Драго поднимает голову и смотрит на меня.

— Твой что?

— Мой первый раз, — повторяю я, когда он опускает глаза к моему рту. — Я девственница.

Зеленые глаза, сосредоточенные на моих губах, расширяются, затем поднимаются и встречаются с моими.

— Ты хочешь остановиться?

Я дергаю его за волосы на затылке.

— Нет.

Не разрывая зрительного контакта, он слегка сдвигает меня в своих объятиях, выравнивая наши бедра. Меня охватывает смесь возбуждения и паники. Когда кончик входит в меня, я закрываю глаза и напрягаюсь.

— Сиенна. — Поцелуй ложится на мой подбородок. — Посмотри на меня, mila.

— Будет больно? — шепчу я.

— Немного. Если хочешь, чтобы я остановился, коснись моей руки. Хорошо?

— Хорошо.

Драго наклоняется вперед и шепчет тихие, успокаивающие слова прямо у моего уха. Он говорит по-сербски, но я улавливаю только случайные фразы. Что-то о блеске и название птицы, но я не уверена, какой именно. Может быть, павлин. Но это неважно, потому что тембр его голоса и горячее дыхание, обдувающее мою шею, плавают мои внутренности. Этот человек мог бы прочитать список продуктов, и я растеклась бы лужицей, просто слушая его.

Покалывание в клиторе сводит меня с ума. Я наклоняю голову и лизу его шею. С его губ срывается низкий рык, и в следующее мгновение его член частично входит в меня. Я задыхаюсь и хватаюсь за его волосы, наслаждаясь тем, как он растягивает мои внутренние стенки. Есть некоторый дискомфорт, но я уже слишком далеко, чтобы это имело значение. Я крепче сжимаю его ноги, желая, чтобы он был еще ближе, еще глубже.

— Скажи мое имя, — прошептал он мне на ухо.

— Драго, — стону я, когда он входит в меня до упора.

— Мне нравится слышать твой голос. — Он приподнимает меня и снова погружается в меня. — Еще раз.

Я не могу произнести ни слова, потому что слишком поглощена тем, как моя киска сжимается вокруг его члена, а все мое тело содрогается. Никогда в жизни я не испытывала ничего подобного. Одно его прикосновение пронизывает все мое тело, поднимая меня ввысь на волнах наслаждения.

— Еще раз, Сиенна! — рычит Драго, вливаясь в меня.

Я закрываю глаза и прижимаюсь щекой к его щеке.

— Драго.

Из горла вырывается глубокий стон. Он гортанный и грубый. На следующем вдохе его зубы царапают кожу на моем плече. Снова шепот сербских слов. Что-то о колдовстве, затем он снова прокликает. Его губы снова прижимаются к моим.

Мой разум больше не кажется моим, потому что я не могу думать. Я могу только чувствовать его, захватывающего меня и ртом, и членом. Я хватаю его за волосы и прикусываю нижнюю губу, пока не чувствую металлический привкус крови. Это наказание за то, что он причинил мне боль своими словами.

— У нее не только когти, но и острые зубы, — говорит он мне в рот и погружается в меня до упора. — Я вижу тебя, mila moja. И мне неприятно, что ты скрываешь от меня свою настоящую сущность.

— Я не скрываю, — задыхаюсь я, дыхание покидает меня короткими очередями, пока он вбивается в меня. Быстрее. Глубже.

Мои волосы растрепались, спутанные пряди прилипли к лицу. Я словно перегрелась и раздулась изнутри, вцепившись в плечи Драго. Крик зарождается в груди, в то время как зрение затуманивается. Словно мой разум решил отключиться от всего, кроме ощущения соединения наших тел. Руки Драго сжимают мои ягодицы, и его следующий толчок отправляет меня в небытие. Белизна взрывается за моими закрытыми веками, и я кричу, подхваченная потрясающей волной и разбиваясь на мельчайшие кусочки.

Тебе следовало бежать, пока у тебя еще был шанс, Сиенна, — шепчет голос в глубине моего сознания. Тебе правда следовало это сделать.

Глава 13

Балконная дверь задернута тяжелой портьерой, не пропуская утренний свет к Сиенне, которая свернулась калачиком в кровати, обнимая руками подушку. Всю ночь она провела, вцепившись в мое предплечье и крепко прижавшись к моему боку. Мне стоило большого труда высвободить руку, чтобы принять душ и собраться на работу.

Я перевожу взгляд с ее спящего лица вниз по телу, пробегая по футболке и пижамным штанам, которые я надел на нее прошлой ночью. Она заснула в машине по дороге из клуба и не проснулась, пока я нес ее в дом и поднимался по лестнице в нашу спальню. Я ожидал, что она проснется, когда я начну снимать с нее пальто и платье, но нет. Она только что-то

пробормотала и голая забралась в постель. Я порылся в ее одежде, но так и не смог решить, что является пижамой, а что нет, поэтому просто одел ее в свою. Сиенна дремала во время всего этого. Эта женщина, наверное, могла бы проспать землетрясение. Ноль инстинктов самосохранения.

Какая-то странная первобытная потребность пробуждается во мне при виде ее в моей одежде, побуждая меня запретить ей надевать что-либо еще, когда она спит. Это глупо. Но я не могу избавиться от этого чувства. И мне это не нравится. Мне не нравятся эти пещерные наклонности, которые я развил в себе, например, желание задушить каждого мужчину, который приблизится к моей жене на расстояние десяти футов. Еще одна вещь, которую мне трудно переварить, — это удовлетворение, которое я испытал, осознав, что я у нее первый. Ни один мужчина не прикасался к ней до меня. И не коснется. Никогда.

Я прислонился спиной к стене и провел большим пальцем по маленькой отметине на нижней губе, где она укусила меня прошлой ночью. Моя неистовая, искрящаяся соблазнительница. С того момента, как я впервые увидел ее, я понял, что в Сиенне есть гораздо больше, чем она позволяет увидеть другим. Она по какой-то причине скрывает свою настоящую сущность, и это с самого начала не дает мне покоя. Мне очень нравится, когда маска сползает с ее лица. Но то, что она все это время лгала мне, приводит меня в ярость. Прошел месяц, а она так и не попыталась мне признаться. Я могу понять ее настороженность вначале, но сейчас ей должно быть ясно, что я никогда не причиню ей вреда. После всего того времени, которое мы провели вместе — конечно, его было не так много, но возможностей было достаточно, — она все еще не призналась, почему согласилась на этот брак.

Я бросил взгляд на тумбочку, где лежат три толстых блокнота в блестящих обложках, сложенных один на другой. Преследуя ее в течение последних недель, я часто заставлял ее записываться в одной из них. Кожаный диван в большой гостиной, похоже, был ее любимым местом, и я долгое время наблюдал за ней из дверного проема. Она писала несколько предложений, потом хихикала про себя, а затем снова принималась за работу. Сначала я подумал, что она ведет дневник, но когда случайно заглянул в одну из ее тетрадей, то понял, что она пишет книгу.

Комната вдруг наполняется светом, льющим через открытую дверь за моей спиной. Я оборачиваюсь и вижу, что на пороге стоит Филипп и болтает неизвестно о чем. Я не обращаю внимания на его слова и бросаюсь на него.

— Никогда, — выплюнул я, хватая его за шиворот и выталкивая в коридор, — никогда, блядь, не заходи в комнату, где спит моя жена.

— Вы не отвечали на сообщения.

— Мне. Все. Равно. — Я пригвождаю его своим убийственным взглядом. "В чем дело?"

— На складе в Сиракузах произошел пожар.

— Когда?

— Час назад. Один из охранников сообщил об этом, но связь прервалась прежде, чем он смог сказать больше.

— Каков ущерб?

— Я не знаю. Адам взял Релью, и они пошли проверить.

Я отпустил его рубашку.

— Позвони Адаму. Скажи ему, что если все плохо и если вызвали пожарных, то он должен немедленно развернуться и уехать обратно.

— Значит, мы просто оставим это?

— Да. Если пожарные будут там, то и полиция тоже. В этом здании было почти полтонны кокаина Аджелло. Если наши люди не смогут локализовать пожар, склад и товар будут потеряны.

— Ты думаешь, это был Богдан? — спрашивает он.

— Или Душку. Он приезжал в "Наос" прошлой ночью. Несомненно, для проверки. Не думаю, что это был Богдан. Кто-нибудь видел его?

— Нет. Я поручил нашим людям искать его с тех пор, как был убит наш водитель. Пока ничего. Большинство его постоянных людей ушли на дно.

— Что ж, для меня этого хватит в качестве доказательства, что он и организовал все это. Пошлите Илью пообщаться с нашими информаторами. Может быть, кто-то что-то слышал о местонахождении Богдана. Мы с Йованом проверим другие склады.

— Хорошо. Я сообщу, когда Адам сообщит последние новости.

— Нет надобности. Я оставил свой телефон в Наосе вчера вечером. Пусть кто-нибудь из людей заберет его и принесет сюда. Я вернусь, как только закончу.

Спускаясь по лестнице, я замечаю, что Кева что-то говорит девушке, которая вытирает пыль с одной из картин в фойе. Я машу ей рукой и киваю в сторону входной двери. Она выходит за мной, и мы отправляемся по дорожке, огибающей дом и ведущей к гаражу, расположенному в стороне.

— Сиенна еще спит. Пусть кто-нибудь из девочек принесет ей завтрак наверх.

— Еду? — Она смотрит на меня расширенными глазами. — В твою комнату?

— Да. И я не хочу, чтобы Сиенна покидала территорию комплекса до моего возвращения".

— Почему? Что-то случилось?

— Похоже, румыны начали буйствовать. Я предупрежу охранников, чтобы они не пропускали ее, если она попытается уйти, но боюсь, что ей удастся их обмануть.

— Никто не посмеет пойти против твоего приказа. Ты же знаешь.

— Когда речь идет о моей жене, я научился ожидать чего угодно. Она уже заставила всю мою команду есть у нее из рук. — Я перешагнул через садовый шланг, протянутый через дорожку. — Включая моих собак.

— Ты преувеличиваешь.

— Разве? — Я останавливаюсь перед гаражом и машу рукой в сторону особняка. — Ты знала, что Мирко взломал сайт какого-то бутика и изменил чей-то заказ туфель, чтобы они были отправлены Сиенне с помощью срочной доставки в тот же день?

— Ну и что? — Кева пожимает плечами, говоря: — Он просто был вежлив.

— Он мой специалист по логистике и наблюдению. А не ее помощник по покупкам, — рывкаю я. — А на днях она заставила Адама поиграть с ней в идиотскую игру в PlayStation. Она сказала, что в кооперативном режиме играть приятнее. Подумал, что это у меня разыгралось воображение, когда увидел на экране телевизора, как мой главный силовик руководит чудовищем, расправляясь с гигантскими цыплятами с помощью розовой искрящейся магии.

Кева ухмыляется.

— Ооо, кажется кто-то ревнует. Тебя беспокоит, что она не пригласила тебя поиграть?

— Я серьезно. — Я бросаю быстрый взгляд поверх ее головы в сторону особняка. — Коза Ностра убила одного из наших людей. Когда я привел сюда Сиенну, все ее ненавидели.

Ну, кроме тебя. А теперь, похоже, все от нее в восторге.

— Она никого не убивала, Драго. И не стоит обвинять ее в том, к чему она не имела никакого отношения. К тому же, никто ее по-настоящему не ненавидел. — Кева нахмурила брови, затем слегка улыбнулась. — Ну, может быть, немного.

— Не знаю, что в ней такого. — Я качаю головой. — Такое впечатление, что как бы люди ни старались не любить ее, они все равно оказываются очарованными ею.

— Говоришь исходя из собственного опыта?

— Да, черт возьми. — Я стискиваю зубы. — Она снабжала информацией Аджелло.

— Ну, это же можно было бы ожидать, если бы одна из наших девушек вышла замуж за члена Коза Ностры. Так уж все устроено.

— Она расспрашивала о наших делах? Выискивала информацию? Вынюхивала что-то?

— Нет. Она в основном болтает со мной и девочками, и обычно это касается книг и одежды. Мы редко упоминаем о бизнесе.

— Дело не только в этом. — Я вздыхаю. — Она понимает по-сербски.

Кева быстро отводит взгляд.

— Ты знала? — Я огрызаюсь. — Ты знала и не сказала мне?

— Я подозревала.

— Господи, твою мать. Почему ты ничего не сказала?

— Ты знал, что твои глаза загораются, когда она входит в комнату? — Она делает шаг вперед. — Годами я наблюдала, как ты погружаешься в работу, становясь все более замкнутым. Я потеряла надежду, что что-то... кто-то сможет вытащить тебя из темной ямы, в которую ты сам себя загнал. Ты был полумертв, занимаясь своими делами, пока Сиенна не переехала в этот дом. А теперь ты словно наконец-то возвращаешься в мир живых.

— Мир безумия был бы более точным. — Я провел рукой по волосам. — Она совершенно не понимает, насколько опасны игры, в которые мы играем. Если бы она оказалась с кем-то другим, и они поймали бы ее на шпионаже...

— Но она этого не сделала. — Кева положила руку мне на предплечье. — Почему ты не рассказал ей о своем слухе, Драго?

— Чтобы она тоже сообщила об этом своему дону?

— Думаешь, она это сделает?

— Без сомнения. — Я киваю и поворачиваюсь, чтобы войти в гараж. — Я должен идти.

Я смотрю на огромную миску, доверху наполненную зелеными стручками.

— Я и не знала, что горох вот так растет.

— А как, по-твоему, он растет? — спрашивает Кева, очищая стручки гороха из своей миски.

— Не знаю. Никогда об этом не задумывалась. — Я беру стручок и раскалываю его, извлекая маленькие зеленые бобовые. — Так сколько нам нужно стручков на обед?

— О, это просто для салата, так что мы можем остановиться, когда наполним чашку или две. Если бы это был гарнир, я бы использовала замороженные, потому что тогда нам понадобилось бы не меньше десяти фунтов.

Мои глаза расширяются.

— Я не знаю, как вы готовите каждый день почти для пятидесяти человек.

— Девочки помогают. — Она наклоняет голову в сторону, выглядя задумчивой. — Я всегда хотела иметь большую семью, но у меня не было возможности. Думаю, это лучший вариант.

— Как вы оказались здесь, с Драго?

— У меня был друг в Нью-Йорке, — говорит она, не отрывая взгляда от своих рук. — Так что я взяла с собой Драго и Тару. Ему было семнадцать. Таре тогда было четыре года.

— А что с их родителями?

— Они были в мафии. В их доме была заложена бомба в отместку за то, что отец Драгс убил нескольких человек. Оба они погибли при взрыве. Драго и Тара выжили. — Ее голос дрожит, она смахивает слезу. — Дина, их сестра, тоже погибла.

У меня сводит желудок, и я закрываю рот рукой, но шокированный вздох все равно вырывается наружу.

— Были родственники, которые могли бы приютить Драго и Тару, но я не могла позволить им остаться в Сербии. Это была кровная месть, и я не хотела рисковать, чтобы убийцы пришли за ними. Я подделала их паспорта, будто они принадлежали мне, и мы приехали сюда.

Я пристально смотрю на нее. Переехать в чужую страну в одиночку с двумя детьми, которые даже не принадлежали ей? Я не знаю никого, кто мог бы пойти на такое.

— Но ведь вы когда-то были замужем за их отцом?

Кева поднимает глаза на меня.

— Иногда любовь не заканчивается с окончанием брака, Сиенна. Или жизни. Мужчина, которого я любила, умер, а его дети — нет. И они были в опасности. Я сделала то, что должна была.

Я опускаю взгляд на чашу в своих руках. Теперь отношения Драго и Кевы имеют гораздо больше смысла.

— Драго принес тебе еще те... стеклянные кристаллы? — спросила она.

Я пожимаю плечами.

— Нет. А что?

— Ты должна попросить у него еще. Мне нравится, что ты с ними сделала.

— Вы не знаете, где Драго? Я не видела его сегодня утром

— Он ушел рано. Что-то по работе. — Она смотрит на меня боковым зрением. — Уже соскучилась по нему?

— Я точно не скучаю по этому лицемерному свинье. — Я беру следующий стручок и разминаю ее между пальцами.

Этот человек назвал наш брак необходимой жертвой, ясно давая понять, что ему на меня наплевать. И что же я сделала? Я позволила ему трахнуть меня у стены, наслаждаясь каждой секундой. И, как будто этого было недостаточно, чтобы показать, насколько я жалка, я проснулась сегодня утром, желая большего, и обнаружила, что он ушел. Я до сих пор не могу понять, злюсь ли я на него за то, что его не было рядом, или на себя за то, что почувствовала разочарование.

— Лицемерной свинье? — Кева потянулась за чашкой кофе, стоящей на столе, и подняла на меня бровь.

— Да. Он обсуждал мою замену с каким-то мужчиной, а потом сказал мне, что собирается послать своего киллера, чтобы тот убил всех, кто может желать мне зла.

Кева разразилась хохотом.

— Похоже, вы двое отлично ладите.

Дверь на кухню открывается, и в нее заходит один из людей Драго, Илья.

— Телефон Драго. Он оставил его в Наосе вчера вечером. — Он кладет мобильник на

стол перед Кевой и уходит. Большая трещина расколола экран по диагонали, мириады мелких линий, как тонкая паутинка, покрывают оставшуюся часть.

— Драго никогда не оставляет свой телефон без присмотра. — Кева вытирает руку о полотенце и тянется за ним. — Особенно когда мы ожидаем прибытия нового груза, а он прибывает сегодня. Водители всегда отправляют ему обновления, так что если возникнут проблемы, мы сможем... — Она уставилась на что-то на экране.

— Есть какие-то проблемы? — спрашиваю я, потому что выражение ее лица очень странное.

— Нет. Вовсе нет. Просто я не знала, что его телефон сломан. — Она кладет телефон на место и делает глоток кофе.

— Драго выбросил его, чтобы иметь возможность взять меня за задницу, — бормочу я. — Я потеряла девственность, прижавшись к стене в его клубе, когда вокруг нас еще толпились люди.

Кева выплевывает кофе, и темно-коричневые капли разлетаются по деревянной столешнице.

— Что? — прохрипела она в приступе кашля.

— Ага. А когда я проснулась сегодня утром, его там не было. — Я опускаю взгляд на миску с горохом, чтобы она не заметила слез в моих глазах. — Я закончила свою партию. Я вам нужна еще для чего-нибудь?

— Я могу заняться этим дальше.

Я встаю и поворачиваюсь, чтобы направиться к двери, и делаю пару шагов, прежде чем Кева окликает меня.

— Сиенна. Ты можешь отнести телефон Драго наверх и оставить его в своей спальне?

— Конечно. — Я беру мобильник из ее протянутой руки и выбегаю из кухни.

Дойдя до спальни, я бросаю телефон на кровать и поворачиваюсь, чтобы уйти, но останавливаюсь на пороге. Не делай этого. Я делаю глубокий вдох и выглядываю в коридор. Четвертый этаж кажется безлюдным, поэтому я закрываю дверь в спальню. Замка, к сожалению, нет.

"Не делай этого," — кричит мне сознание, пока я иду обратно к кровати. "Ты же лучше."

Я забираюсь на кровать и сажусь в центре, скрестив ноги, и смотрю на телефон мужа. Есть ли на нем фотографии его бывших? Как выглядят женщины, которые его привлекают? Высокие, утонченные, одетые в эти ужасные скучные брючные костюмы? Драго не кажется мне человеком, который хранил бы в своем телефоне фотографии своих подружек, но их должно быть как минимум несколько. Нарушать чужую частную жизнь я бы никогда не стала, но эта штука так меня дразнит. Что будет, если я просто посмотрю? Просто зайду в его галерею и пролистаю несколько последних фотографий. Нет. Я не буду этого делать.

Я сопротивляюсь искушению целых пять минут. Затем беру телефон и нажимаю кнопку включения. Экран загорается. И он разблокирован. Я закрываю глаза на мгновение и делаю еще один глубокий вдох.

На фоне — чья-то фотография, но я не могу четко разглядеть изображение. Весь главный экран покрыт значками приложений, но я могу сказать, что это женщина. Лежащая в постели! Мне даже не пришлось заходить в эту чертову галерею. Не могу поверить, что у него до сих пор фоном телефона служит фотография бывшей любовницы! Я маниакально провожу пальцем по экрану, пытаюсь найти окно с меньшим количеством значков, чтобы увидеть, как выглядит эта сучка. Первые три экрана загромождены, но четвертый — без

значков, и фотография видна полностью. Мое сердце замирает на мгновение.

Эта сучка... это я.

На мне моя любимая пижама в полоску зебры, я запуталась в простынях, лежу на боку и прижимаю к груди подушку. Он хранит мою фотографию в своем телефоне.

Я возвращаюсь на главный экран и нажимаю на значок галереи. Еще больше моих фотографий — некоторые из них спящие, но большинство сделаны издалека, без моего ведома. Я стою перед примерочной, примеряя платье. Я делаю селфи возле куста роз за домом. Я приседаю возле конуры, а Зевс лижет мне лицо. Здесь более пятидесяти фотографий и...

— Какого хрена ты делаешь?

Я подпрыгиваю от неожиданности. В дверях стоит мой муж и смотрит на телефон в моих руках.

— Я. . Я. . Я просто проверяла экран, — бормочу я и быстро нажимаю на кнопку питания, чтобы перевести телефон в спящий режим. — Он сломан.

Драго несколькими длинными мощными шагами добирается до кровати и выхватывает телефон у меня из рук.

— Ты читала мои сообщения, чтобы потом доложить их Аджелло? — прорычал он мне в лицо.

— Что? Нет!

— Правда? А почему бы и нет? Насколько я понял, ты неплохо понимаешь по-сербски.

Мое сердце ухает куда-то в глубь желудка. Боже мой, он знает.

— Скажи мне, *mila moya*, ты раньше знали сербский язык? Или ты выучила его специально для этого брака?

Я закрываю глаза и опускаю голову.

— Я его выучила, — шепчу я.

— Смотри на меня, блядь, когда разговариваешь со мной! — кричит он, и я поднимаю голову.

— Дон приказал мне выучить его! — кричу я ему в лицо.

— Значит, это не случайность. Все было спланировано заранее. Сколько времени у тебя ушло на подготовку к шпионской миссии? Шесть месяцев?

Я делаю глубокий вдох, стараясь не дать слезам пролиться.

— Два.

Глаза Драго удивленно вспыхивают.

— Два долбанных месяца. Как, блядь, тебе удалось этого добиться?

— Я люблю изучать языки, — шепчу я. — Вот почему дон выбрал меня.

— Он тебе угрожал? Потому что если да, то я выпотрошу этого ублюдка.

Я зажимаю покрывало между пальцами, сжимая его со всей силы, и закрываю глаза. Аджелло действительно угрожал моему брату, но я никогда не верила, что он когда-нибудь действительно причинит вред Артуро. В общем, я согласилась участвовать в этой схеме по своим собственным причинам.

— Никто мне не угрожал. — Я встретила пронзительный взгляд мужа. — Это было мое решение.

Драго застывает на месте. Его глаза смотрят на меня, в их зеленых глубинах закипает гнев.

— Я хочу знать все, что ты рассказала Аджелло.

— Я. . Я сказала ему, что у вас какие-то проблемы с румынами. Он спросил о какой-то сделке, которую вы заключили, но я сказала, что ничего не знаю.

Он наклонился, заглядывая в мое лицо.

— Что еще?

— Что большинство твоих людей живут здесь, в одном доме.

— Как ты смеешь подвергать опасности мою семью? — Его голос опасно низкий, в нем столько отвращения, что я вздрагиваю. Это гораздо хуже, чем кричать. — Собирай свои вещи и убирайся из моей комнаты.

Я смотрю вслед удаляющемуся Драго, когда он пересекает спальню и захлопывает за собой дверь. Мое тело вздрагивает от этого звука. Спустившись с кровати, я стягиваю одеяло на пол и расстилаю его перед шкафом. Онемевшими конечностями я начинаю бросать на него свою одежду. Один из парней отнес мои чемоданы в кладовую на первом этаже, и я ни за что не пойду туда, ни за что не рискну снова встретиться с Драго.

Собрав на пододеяльнике большую часть одежды, я стягиваю углы и тащу свою ношу к комнате в конце коридора. Повторяю эту процедуру еще дважды, пока не вынесу все из комнаты мужа.

Не могу поверить тому насколько моя жена абсолютно спокойна. Она сидит рядом со мной, болтает о какой-то ерунде с Еленой с широкой улыбкой на лице. Мирко что-то бросает, а она смеется. Ни о чем не беспокоится. Кажется, что она наслаждается своим ужином.

А я, наоборот, весь день корил себя за то, что накричал на нее и выпроводил из нашей спальни. Не то чтобы я не подозревал, что она снабжает информацией своего дона. Конфиденциальные деловые вопросы редко обсуждаются в доме, так что она могла узнать и передать только несущественные вещи, большинство из которых Аджелло мог легко получить другими способами. Однако то, как она рылась в моем телефоне, вывело меня из себя. Одно дело, если бы она передала часть информации, собранной по пути. Совсем другое дело — целенаправленно выведывать подробности. И то, что ее даже не принуждали шпионить за мной, в десятки раз усилило горький вкус предательства. Еще больше меня разозлило то, что она наверняка видела и свои фотографии в моем телефоне. Черт!

Не говоря ни слова, я встаю из-за стола, собираясь выйти на улицу, как вдруг мой взгляд падает на аквариум в углу. Три из четырех оранжевых рыбок плавают в аквариуме, а оставшаяся, кажется, плавает на поверхности. Я преодолеваю расстояние и заглядываю в аквариум. Рыба мертва и плавает вверх ногами.

Сиенна уже однажды потеряла питомца и, наверное, расстроится, когда увидит это. Это же чертовы рыбы! Они постоянно умирают. Она же не ребенок, чтобы всерьез расстраиваться из-за мертвой рыбы! Да, но я не могу вынести мысли о том, что моя жена будет расстраиваться из-за чего-либо, даже самого незначительного. Даже когда я на нее чертовски зол.

Бросив взгляд через плечо, чтобы убедиться, что Сиенна все еще занята разговором с Еленой, я достаю скользкое тельце и, спрятав его в кулаке, выхожу из столовой.

— Сфотографируй это, — говорю я Илье, дежурящему у входной двери, и протягиваю ему мертвую рыбу. — Пошлите кого-нибудь найти такую же и положить ее в аквариум.

Илья берет рыбу за хвост и осматривает ее.

— Не уверен, что зоомагазины еще открыты.

— Мне, блядь, все равно. Убедись, что все сделано, — выплюнул я и вышел на улицу,

чтобы проветрить голову.

Пятнадцатиминутная прогулка, которую я планировал совершить, заканчивается часовой поездкой через весь город к месту, где моя сестра снимает однокомнатную квартиру в шестиэтажном доме. Я слегка поднимаю подбородок в сторону охраны Тары. Ребята следят за ее домом из машины, припаркованной на другой стороне улицы. Я проскальзываю внутрь здания и поднимаюсь по лестнице на последний этаж.

— Если бы я знала, что это ты, я бы сделала вид, что меня нет дома, — огрызается Тара, открывая дверь. — Что тебе нужно?

— Решила, что у тебя было достаточно времени, чтобы остыть, и пришел тебя проведать. — Я вхожу, осматриваясь. Это приятное, современное место, оформленное в белых и темно-коричневых тонах.

Тара закрывает дверь и встает передо мной, положив руки на бедра. Ее голос не изменился с тех пор, как она была ребенком, сохранив высокий тембр. Мне всегда приходится читать по ее губам, когда мы разговариваем.

— Я в порядке, как видишь. А теперь смело возвращайся домой, к своей итальянской женошке.

— Твоя неприязнь к Сиенне необоснованна. Она не имеет никакого отношения к смерти Петара.

— О, ты теперь ее защищаешь?

— Перестань вести себя как ребенок. — Я вздыхаю. — Ты проверила камни?

Глаза Тары блестят, как всегда, когда мы говорим о работе. Ничто никогда не удерживало внимание моей сестры надолго. Она несколько раз переводилась из одного колледжа в другой, не могла определиться с выбором специальности и в конце концов бросила учебу. Четыре года назад, понаблюдав за тем, как она тратит свои дни, я решил, что ей нужно чем-то заняться, и привлек ее к логистике моего бизнеса по продаже драгоценных камней.

— Да, все хорошо, кроме танзанита. Он должен был быть темно-синим, а нам достался только бледный. Абсолютно непрофессионально. — Она качает головой. — А вот изумруды, которые мы получили для арабского принца, слава Богу, в порядке.

Я киваю, обхожу сестру и подхожу к комоду, стоящему у соседней стены. На нем стоит фотография в маленькой серебряной рамке. Это фотография Тары и Дины, держащихся за руки в первый день посещения детского сада. Я беру рамку и провожу кончиком пальца по улыбающемуся лицу Дины.

Тара кладет руку мне на плечо.

— Ты не против, если я заберу ее? Это единственная фотография, которая у нас есть.

— Да, — говорю я.

Все равно на нее слишком больно смотреть. Каждый раз, когда я вижу эту фотографию, я погружаюсь в сомнения в себе и не могу перестать пересматривать ту ночь, задаваясь вопросом, что я сделал не так. Была бы Дина жива сегодня, если бы я попытался разбить окно в их комнате? Или если бы я был быстрее?

Я положил раму обратно на комод.

— Приезжай в особняк и познакомься с моей женой. Обед или ужин. Можешь выбрать день.

— Я и шагу не ступлю в дом, пока там находится эта женщина.

— А я и не спрашивал, Тара. — Я пригвоздил ее взглядом. — Ты придешь. И будешь

вежливой. Конец дискуссии.

Тара скрипит зубами.

— Ладно.

Я поворачиваюсь, чтобы уйти, когда мой взгляд останавливается на книжной полке в углу. Одна из книг была прислонена к задней стенке полки. На обложке женщина в белом винтажном платье обнимает длинноволосого парня без рубашки, который, похоже, страдает от запора. Я почти уверен, что видел именно эту книгу на тумбочке Сиенны, рядом с другой, с полуголым парнем, воющим на луну.

— У меня такое чувство, что вы с моей женой прекрасно поладите, — бросаю я через плечо.

Вернувшись домой, я сразу же направляюсь в свою спальню. Какая-то часть меня надеется, что я все-таки найду там Сиенну, но когда я открываю дверь, моя кровать пуста.

Я быстро принимаю душ и потом почти час лежу без сна, сопротивляясь желанию найти жену и вернуть ее в свою постель. В конце концов, я прекращаю борьбу и выхожу из комнаты, направляясь по коридору в комнату в дальнем конце этажа.

Сиенна спит, свернувшись в клубок и прижимая к груди подушку. Кровать слишком мала для нас обоих, поэтому я просовываю руки под свою очаровательную женушку и несую ее обратно к себе.

Да, единственной причиной ее появления в моем доме было шпионить за мной. Да, она дошла до того, что залезла в мой телефон, чтобы прочитать мои сообщения. И да, я все еще чертовски зол.

Но я ни одной ночи не проведу без нее в своей постели. Ни одной ночи. Я опускаю ее на кровать, затем ложусь позади нее и обхватываю руками ее спящую фигуру. Может, она и подлая, коварная маленькая шпионка, но она — моя шпионка.

Глава 14

Я делаю вид, что погружена в поедание пирога, поданного на ужин, а сама тайком наблюдаю за своим мужем. Он одет в джинсы и белую рубашку. Две верхние пуговицы расстегнуты, рукава закатаны до локтей. Мне до сих пор кажется необычным, что мужчины здесь носят такую повседневную одежду. Повседневная одежда членов Cosa Nostra состоит почти исключительно из костюмов. Единственный раз, когда я видела людей Аджелло в повседневной одежде, был в день свадьбы Аси, и то только потому, что Папа предупредил, что в костюмах туда не пустят. Драго я видела несколько раз одетого в костюм, но обычно он одет в рубашку на пуговицах и джинсы.

Он не сказал мне ни слова с тех пор, как пять дней назад поймал меня с телефоном. В основном он ведет себя так, как будто меня вообще нет. За исключением ночи.

Каждый вечер, через час или около того после того, как я ложусь спать, он приходит в мою спальню в конце коридора и уносит меня к себе. В первый раз я не поняла, что это произошло, пока его руки не обхватили мое тело, прижимая меня к груди. Я притворилась, что все еще сплю, погрузившись в уют его кровати и тепло его тела. Однако на следующее утро я проснулась в своей новой комнате.

Сначала я подумала, что мне все это приснилось, но потом почувствовала на себе его запах. На следующую ночь, когда он пришел, я уже не спала, но делала вид, что сплю. А утром, когда он нес меня обратно, я делала то же самое. Я не уверена, знает ли он, что я притворяюсь спящей, но он не может рассчитывать, что я не замечу, как он носит меня на руках пять ночей подряд. Может быть, он тоже притворяется?

Не знаю, что и думать о его поступках. Но одно я знаю точно: продолжать этот фарс становится невыносимо. Я хочу иметь возможность прикоснуться к нему и свободно прижиматься к его боку. И я так хочу, чтобы мы снова занялись сексом, что мне кажется моя киска плачет от потребности. Я могла бы сказать ему правду. Объяснить причины, по которым я согласилась на этот брак, хотя он, скорее всего, просто посмеется надо мной. Кто в здравом уме выходит замуж за незнакомца из-за страха остаться одной? Нет. Я не могу предстать перед ним в таком виде.

Драго кивает в ответ на слова Филиппа, его взгляд устремлен на рот его второго командира. Не на земле, как мне показалось вначале. Он совершенно не замечает меня, сидящего рядом с ним.

Притворяясь равнодушной, я беру со стола телефон и, поджав губы, делаю селфи. Драго не оборачивается. Как будто ему на меня наплевать. Только вот ему не все равно.

После того как я увидела свои фотографии на его телефоне, я стала более внимательной и заметила то, чего раньше не замечала. Как он часто заходит на кухню, когда я там нахожусь, задает Кеве какой-то бессмысленный вопрос, а потом уходит. Каждый раз, когда это происходит, я чувствую на себе его взгляд и делаю вид, что поглощена тем, чем занимаюсь в тот момент. Или, когда он застаёт меня играющей с Адамом в видеоигры, он рывкает и посылает его с поручением, даже если оно кажется совсем пустяковым. А вчера, когда я играла с собаками на улице, я увидела, что мой муж стоит у гаража и наблюдает за мной. Как только он понял, что я его заметила, он отвернулся и ушел.

Мне надоело, что меня игнорируют.

— Привет, Филипп. — Я подперла подбородок рукой и улыбнулась. — Могу я попросить об одолжении?

И Драго, и его "правая рука" смотрят на меня.

— Конечно, — говорит Филипп, бросая быстрый взгляд на Драго, чьи глаза уже прикованы к моим губам. — Что тебе нужно?

— У тебя есть свободное время завтра? — щебечу я.

— У него нет, — огрызается Драго.

Я наклоняю голову и смотрю на него, сохраняя улыбку на лице.

— Я спрашивал Филиппа.

— И я ответил. Зачем он тебе нужен?

— Я хотела попросить Филиппа научить меня водить машину. Но если он занят, я попрошу кого-нибудь другого. — Я пожала плечами. — А Адам свободен?

— Нет.

— Оу. А как насчёт...

— Он тоже не свободен.

Я приподнимаю бровь.

— Я не сказала, кто.

— Неважно. Никто из моих людей не свободен. Сдержи свой солнечный настрой, ни к чему хорошему он не приведет. — Челюсть Драго сжалась, ноздри раздулись.

— Почему?

Он хватается за спинку моего стула и наклоняется вперед, пока его щека не касается моей.

— Потому что я единственный мужчина, который будет купаться в твоём солнечном свете, Сиенна, — говорит он рядом с моим ухом. — Никто другой.

Он отстраняется и смотрит на меня. Похоже, кто-то ревнует и очень старается этого не показывать.

— А ты свободен завтра? — спрашиваю я.

Он еще сильнее сжимает челюсть.

— Нет.

— Как жаль. Тогда мне придется попытаться найти кого-нибудь другого. — Я беру свою тарелку и встаю из-за стола. — Спокойной ночи.

Я иду на кухню, а затем возвращаюсь и выхожу из столовой, чувствуя на себе тяжелый взгляд Драго. Добравшись до своей спальни, я быстро принимаю душ и направляюсь к горе вещей, которую храню на комод. В этой комнате только один маленький шкаф, и в него не помещается вся моя одежда. Я роюсь в куче вещей в поисках пижамы, когда дверь за моей спиной распаивается.

От неожиданности я вскрикиваю и оборачиваюсь. На пороге стоит Драго, его взгляд прикован к полотенцу, которое я сжимаю в руках. Это довольно маленькое полотенце. Я жду, пока его взгляд переместится на мое лицо, и невинно хлопаю ресницами.

— Ты рано. Я еще не сплю, так что приходи через час.

Он преодолевает расстояние между нами в несколько длинных шагов и кладет руки на комод, заключая меня в клетку. Его дыхание затруднено, мышцы на шее напряжены. Он зол.

Я ослабляю хватку полотенца и позволяю ему упасть на пол, но взгляд Драго остается прикованным к моему лицу. Я протягиваю руку и медленно расстегиваю пуговицу на его рубашке. Потом еще одну. Он ничего не говорит, даже не шевелится, пока я расстегиваю остальные. Затем я опускаю руки, чтобы расстегнуть пуговицу и молнию на его джинсах, затем зацепляю большими пальцами пояс и стягиваю штаны вместе с боксерами вниз, освобождая его твердый член.

С его губ срывается низкий рычащий звук, но он остается неподвижным, даже когда я лижу его обнаженную грудь. Самообладание этого мужчины не знает себе равных. Обхватив его шею руками, я приподнимаюсь на цыпочки.

— Я скучаю по тебе, Драго.

Взмах его руки — и одежда с комода, стоящего позади меня, разлетается в стороны. Драго хватается за бедра, приподнимает и шлепает попойкой на освободившуюся столешницу.

Влага скапливается у меня между ног, когда он обхватывает руками мои колени и рывком дергает меня вперед. Его член входит в меня одним стремительным толчком. Я втягиваю воздух. Как будто я была под водой и только что вынырнула на поверхность, хватая ртом воздух.

Он стоит совершенно неподвижно, не шевелясь, а я наслаждаюсь ощущением его члена, вошедшего в меня. Я крепко обхватываю его руками и ногами и делаю еще один глубокий вдох. Мышцы моей киски сжимаются вокруг его толщины, когда она еще больше набухает.

Я поднимаю глаза и встречаю его взгляд. Он не просто злится. Судя по выражению его глаз, он полон ярости. Наклонившись вперед, я легонько целую край его сжатой челюсти. Затем еще раз, ближе к его губам, плотно сжатым. Кроме нашего дыхания, тиканье часов где-то в комнате — единственный звук, нарушающий тишину.

Я сцепляю ноги за его спиной, но Драго остается неподвижным. Это наказание. Или он так считает. Девять ударов. Десять. Он слегка наклоняет голову в сторону и вдыхает. Мои ноги дрожат. Я сейчас кончу от одного только ощущения его члена внутри меня. Пятнадцать

ударов. Даже его руки не двигаются, они по-прежнему сжимают заднюю часть моих коленей. Это дуэль — его потребность трахнуть меня против его желания наказать меня. Восемнадцать. Девятнадцать.

— Драго, — говорю я ему на ухо.

Он вдыхает. В следующую секунду он выходит и снова входит в меня. И еще раз. Я отпускаю его шею и хватаюсь за край комода, цепляясь за деревянную поверхность, пока он входит в меня. Каждый толчок все сильнее и быстрее.

Свет горит, и я вижу, как на его лице злость сменяется удовлетворением, когда он вколачивается в меня как сумасшедший. Дыхание покидает меня.левой рукой он приподнимает мою ногу, а другой скользит по моему затылку, сжимая волосы. Все мое тело содрогается, и я задыхаюсь, глядя в его полные вожеления глаза. Комод ударяется о стену позади меня при каждом толчке его бедер. В этом доме пятьдесят человек, и я уверена, что каждый из них нас слышит. И мне на это наплевать.

— Скажи мое имя еще раз! — Драго прикусывает, не прекращая своих толчков.

Я наклоняю подбородок, губы плотно сжаты. Его височная вена пульсирует, мышцы напряжены. Хватка на моих волосах усиливается, откидывая мою голову назад.

— Скажи это, блядь, Сиенна.

Он так трахает меня, что, возможно, завтра я не смогу ходить. От равнодушия не осталось и следа. Он полностью теряет контроль. Мне это чертовски нравится.

— Драго! — кричу я, когда мой оргазм вырывается наружу, пока я теряюсь в его глазах.

Они выглядят почти дикими, когда он полностью погружается в себя и взрывается. Он продолжает крепко сжимать мои волосы и удерживать мой взгляд, пока его теплая сперма заполняет меня.

Снова воцаряется тишина, нарушаемая только звуками нашего тяжелого дыхания и тиканьем часов.

Я не сплю уже почти час, смотрю на утреннее небо, виднеющееся за балконной дверью. Крепко обнимаю свою жену. Обычно она спит на боку, уткнувшись лицом в мою грудь, но в какой-то момент ночью она забралась на меня. Теперь Сиенна прижалась к моей груди, ее руки обхватили мой торс, а ноги — мою талию.

Я должен встать и пойти найти Филиппа, чтобы мы могли обсудить, где взять достаточно товара для покрытия убытков, понесенных в результате пожара на складе в Сиракузах, но я не могу заставить себя покинуть эту постель. Как же чертовски хорошо, что мой маленький шпион снова в моих объятиях.

Последние несколько дней были сплошным кошмаром, полным разочарований. Я изо всех сил старался не обращать на нее внимания, но не мог полностью отстраниться. Днем с ней можно было справиться. Я постоянно находил глупые причины, чтобы случайно встретить ее. Это помогало подавить потребность видеть ее рядом, но чаще всего приводило к тому, что я еще больше раздражался, когда обнаруживал ее развлекающейся в комнате отдыха с моими мужчинами. Я чуть не лишился чувств, когда увидел, что она снова играет в видеоигру с Адамом.

Я никогда не был ревнивым человеком. Мысль о том, чтобы выйти из себя только потому, что какой-то парень разговаривает с моей женщиной, казалась мне идиотской.

Казалось. В прошедшем времени.

Вчера вечером, после того как Сиенна попросила Филиппа научить ее водить машину, я разослал всем членам своей команды сообщение о том, что если я застану любого мужчину,

общающегося с моей женой в мое отсутствие, я сверну ему шею.

Сиенна шевелится, ее обнаженная киска скользила по моему твердому члену. Когда я отнес ее в свою спальню прошлой ночью, я повалил ее на кровать и снова трахнул. Этого было недостаточно. Даже близко. Крепче обхватив ее за талию, я переворачиваю нас и прижимаюсь к ней, чтобы не раздавить. Просунув свободную руку между нашими телами, мне требуется меньше минуты, чтобы подразнить ее клитор, чтобы она стала влажной. Она все еще полусонная, когда я вгоняю в нее свой член. Я ожидаю, что она противится от неожиданного вторжения, но она лишь улыбается и раздвигает ноги шире, глядя на меня затуманенными глазами.

Я вхожу в нее, толчки становятся свирепыми и быстрыми, а их жестокость — наказание за ее предательство. Когда Аджелло предложил эту брачную сделку, я подозревал, что в его планах есть нечто большее, чем просто возобновление нашего сотрудничества. Я предполагал, что она станет информатором для своего дона. Как сказала Кева, я бы на месте Аджелло придумал то же самое, поэтому ее шпионаж изначально не был похож на предательство. Тогда я не был в нее влюблен. Но сейчас люблю. Так чертовски люблю, что даже не могу провести ни одной ночи без нее в своей постели.

Скользя ладонью по ее животу, я опускаю поцелуй на ее плечо. Затем прикусываю чувствительную кожу в изгибе между ее шеей и ключицей. Даже ее запах опьяняет. Меня тянет к ней, как далекую холодную планету тянет к солнцу, мне нужно ощутить ее тепло. Мне нужно больше ее тепла. Каждый нелепый наряд, все искры, загорающиеся в ее живых глазах, и каждая дразнящая улыбка все глубже затягивали меня в безумие. Я должен был отправить ее обратно в Коза Ностру, как только понял ее обман, но я этого не сделал. Я уже не могу представить свою жизнь без ее солнечного света.

Я беру ее ногу и кладу себе на плечо, погружаясь в нее еще глубже. Сиенна стонет подо мной и хватается за мои предплечья, ее ногти царапают мою кожу, а ее глаза смотрят в мои.

Ее тело содрогается, когда она кончает, откидывая голову назад в экстазе. Моя маленькая предательница. Я должен был кончить первым, лишить ее оргазма, отомстить за то, что она делает со мной, но я не мог. Только когда она обмякает в постели и я буду уверен, что она кончила, я ослаблю свою сдержанность и найду свою разрядку.

Темно-карие глаза моей жены находят мои, захватывая меня. Они напоминают мне глаза кошки — большие, гипнотические, теплые и до невозможности сладкие. Она поднимает руку, чтобы положить ее мне на лицо, но я отстраняюсь.

— Завтрак подадут через десять минут. — Я выskalзьываю из ее рук и направляюсь к шкафу, чтобы взять сменную одежду. — Будь у гаража через полчаса, если хочешь получить свой урок вождения.

Когда я оборачиваюсь, Сиенна все еще лежит на кровати, моя сперма капает из ее киски.

— Оставь для меня немного горячей воды. — Она улыбается, полностью игнорируя мой враждебный тон.

Я изо всех сил хватаюсь за дверцу шкафа, пытаюсь подавить желание вернуться туда и поцеловать этот лживый рот.

— Воспользуйся душем в своей комнате. — Я захлопываю дверь шкафа и захожу в ванную.

Он уехал.

Я обхватываю себя руками и смотрю на пустое место в гараже, где была припаркована

машина Драго. Сейчас только восемь. Я даже не пошла завтракать. Я только что приняла душ и побежала вниз. Когда пять минут назад, одеваясь, я выглянула в окно, он разговаривал с Филиппом у главных ворот гаража. Я в досаде прикусила нижнюю губу и направилась к дому, на ходу набирая номер "дона". По дороге я получил еще одно сообщение "СИЕННА" набранное крупным шрифтом.

— Прошло десять дней с момента твоего последнего звонка, Сиенна, — заявляет без предисловий он.

— Здесь слишком много людей. Постараюсь впредь быть более оперативной.

— Обстановку. Сейчас же.

— Ну, в пятницу у нас тут произошла ситуация, из-за которой все были на взводе до конца дня.

— Подробности, Сиенна. Что-то в клубе случилось?

— Нет. Холодильник сломался.

Несколько мгновений тишины.

— Холодильник?

— Да. Это было в нерабочее время, и он один из тех больших промышленных типов. Потребовалось несколько часов, чтобы найти...

— Да плевать мне на чертов холодильник Попова!

— Но здесь не происходит ничего, связанного с делами Драго. Холодильник был главным событием всей недели и...

Линия обрывается. Я съеживаюсь. Похоже, он недоволен моим отчетом. Я засовываю телефон в задний карман джинсов и продолжаю идти к особняку.

Люди едят в огромной столовой, их разговоры слышны из фойе. Я улыбаюсь, говорю "доброе утро", проходя мимо длинного стола, и захожу на кухню. Кева и еще четыре девушки суется вокруг, доставая из шкафов тарелки и наполняя чашки кофе на больших круглых подносах. Накормить такое количество людей три раза в день — нелегкий труд.

Кева бежит к одной из шести печей, чтобы достать сырный пирог — традиционное сербское блюдо для завтрака, и одновременно кричит, чтобы Мирко подали только чай, потому что ему нельзя пить кофе. Одна из ее помощниц вбегает на кухню и сообщает, что Бели ноет, что он все еще голоден: его кусок пирога был, видимо, меньше, чем обычно.

— Передайте этому людоеду, что если у него есть проблемы, он может обратиться в отдел жалоб! — кричит Кева, захлопывая дверцу духовки, и поворачивается ко мне. — На прилавке стоят тарелки с добавками. Отнеси несколько штук пожирателям пищи.

Я хватаю две огромные овальные тарелки и несу их в столовую. Когда я возвращаюсь на кухню, мне в руки суют поднос, заставленный кофейными чашками. Их я тоже отношу в столовую, а на обратном пути прихватываю для себя кусочек пирога.

Когда все заканчивают завтрак, в раковине стоит стопка грязной посуды высотой в милю, а все три посудомоечные машины переполнены. Я оборачиваюсь, намереваясь попросить кого-нибудь показать мне, как их включить, но, похоже, все заняты. Я смотрю на ближайшую посудомоечную машину и размышляю, что делать. Я никогда раньше не включала их. Дома уборкой на кухне занималась либо горничная, либо Ася. На дверце посудомоечной машины есть кнопки программ, и я знаю, что нужно выбрать одну из них, но, наверное, сначала нужно добавить средство для мытья посуды. Есть ли для этого специальный отсек? Я его не вижу. Большая бутылка жидкого мыла для посуды стоит рядом с раковиной, переполненной жирными кастрюлями и сковородками. Я отвинчиваю крышку

бутылки и выливаю изрядное количество в ближайшую машину, затем повторяю то же самое с двумя другими. После этого я выбираю для каждой из них цикл интенсивной стирки и включаю их.

— Сиенна! — откуда-то сзади меня звонит Елена. — Пришел заказ на мясо. Ты можешь попросить кого-нибудь из ребят занести все в дом и подписать бумаги для курьера?

— Конечно.

Я бегу в столовую и веду Релью к задней двери кухни, которая используется для перевозки грузов. Пока он выгружает коробки из фургона, я изучаю бланк заказа, который мне вручил курьер. В нем говорится, что в грузе сто пятьдесят килограммов свинины и двести килограммов курицы.

— Значит, это ежемесячные запасы? — спрашиваю я, расписываясь.

— Еженедельные, — пробормотал парень.

Еженедельные? Это же триста пятьдесят фунтов мяса! Я поднимаю глаза от бумаги и вижу, что курьер смотрит на мои блестящие красные сапоги до колена.

— Прямо как Дороти, только еще круче, правда? — Я ухмыляюсь и дважды стучу каблуками.

Он кивает, его брови сходятся на переносице.

— Да.

— Оливер, — кричит Кева, — если Драго застанет тебя пускающим слюни на ноги его жены, тебе придется подумать о смене профессии. Трудно будет водить машину с глазами в кармане, милый.

Парень вскидывает голову. Он выхватывает у меня из рук бланк и, не прощаясь, выбегает за дверь.

Когда Релья уходит, внеся коробки с мясом, на кухне остаемся только мы с Кевой.

— Это безумие, — говорю я и прыгаю на столешницу рядом с плитой, где она поставила чайник для чая.

— Знаю. — Она ухмыляется и смотрит на меня исподлобья. — Но тебе это нравится, я права?

— Да. Мне здесь нравится.

— Нам тоже нравится, что ты здесь.

Я прислоняю голову к холодильнику справа от меня и вздыхаю.

— А Драго — нет.

— Ему тоже. Просто он не хочет этого признавать. — Она поднимает чайник и наливает воду в чашку перед собой. — И ты знаешь, почему.

Я закрываю глаза. Он сказал ей.

— Потому что я передаю информацию о делах Драго Аджелло.

— Думаю, что все немного сложнее, Сиенна.

— Что ты имеешь в виду?

Она пожимает плечами.

— Это не мне говорить, дорогая. Ты должна спросить своего мужа.

— В последнее время он со мной не разговаривает.

— Разве можно его винить? — спросила Кева, глядя на меня поверх ободка своей чашки.

— Нет, наверное, нет. — Я вздыхаю. — Что не так со слухом Драго?

Глаза Кевы расширяются.

— Значит, ты заметила. — Это не вопрос.

— Это заняло у меня некоторое время. Я поняла, что что-то не так, когда я задавала вопрос, и мне казалось, что он меня не слышит. Но я также заметила, что, похоже, у него не было проблем со слухом, когда он разговаривал со своими людьми.

— Драго страдает высокочастотной тугоухостью. Это означает, что в большинстве случаев он не воспринимает высокочастотные звуки, а когда воспринимает, то не может различить сказанное. — Она ставит чашку на стойку и берет меня за руку. — Представьте себе, что вы разговариваете с кем-то по телефону, но связь плохая, и вы слышите только некоторые слова или их части. Вы слышите собеседника, но не можете понять, что он говорит, потому что большая часть разговора потеряна.

— Он читает по губам, чтобы компенсировать это, не так ли?

Она кивает.

— Он действительно хорош.

— Ну, он делает это уже очень давно, Сиенна.

— Как долго?

— Почти двадцать лет, — говорит Кева. — Взрыв бомбы, который разрушил его дом, убил его родителей и сестру, серьезно повредил его барабанные перепонки.

— Тогда же у него появились и шрамы от ожогов?

— Да.

Я делаю глубокий вдох и прикусываю внутреннюю сторону щеки.

— А он меня слышит? Когда я говорю?

Рука Кевы сжимает мою.

— У тебя довольно высокий голос, милая. Он тебя слышит, но для Драго, наверное, все это звучит как бормотание. Ему будет трудно понять большую часть того, что ты говоришь, не читая по губам. Но, скорее всего, он очень хорошо слышит, когда вы произносите его имя, потому что в нем нет высоких гласных.

— Почему он не сказал мне?

— Это не совсем общеизвестно. Ты знаешь, как устроен мир мафии, Сиенна. Люди могут использовать эту информацию против него, особенно во время важных встреч.

— Он думает, что я расскажу дону, — задохнулась я.

— Так и есть.

Я уставилась на нее. Как он мог подумать, что я поделюсь чем-то настолько личным?

— Не говорите Драго, что я знаю. Пожалуйста.

— Почему?

— Просто не надо.

— Когда-нибудь я усажу вас обоих за стол и заставлю, блядь, разговаривать друг с другом. — Она качает головой и тянется за своей чашкой, но вдруг вскрикивает. — *Jebem ti lebac!*

Я проследила за ее взглядом, и мой взгляд падает на посудомоечные машины в другом конце кухни. Из-за дверей вытекает грязная пена. Я спрыгиваю со стойки и бросаюсь за Кевой, которая бежит к этому хаосу. Когда я догоняю ее, она уже останавливает все три машины и открывает ближайшую. Поток белых пузырьков вырывается из аппарата еще до того, как дверца полностью опускается.

— Господи! — кричит она, глядя на беспорядок, который удваивается, когда она открывает вторую посудомоечную машину. — Что здесь произошло? Позови девочек и

принесите тряпки!

— Эм... Кажется, это моя вина, — бормочу я, открывая ящик, чтобы достать кухонные полотенца.

Я паркую машину и захожу на склад, где хранилась последняя партия оружия. Филипп и два охранника стоят у груды ящиков, а третий охранник в нескольких метрах от них держит на мушке человека.

— Это тот самый парень Богдана, которого ты застал за шпионажем? — спрашиваю я.

— Да. — Филипп кивает. — Он возился с замком на задней двери. С ним был еще кто-то, но он убежал. Адам пошел за ним.

Я достаю пистолет и поворачиваюсь к потенциальному диверсанту.

— Планируешь разрушить еще одно мое здание?

Мужчина качает головой и хнычет. Я целюсь ему в левое бедро и нажимаю на курок. Зажав ногу, он падает на бок.

— Давайте попробуем еще раз. Что ты здесь делал? — спрашиваю я.

— Проверял охрану, — причитает он.

— Чтобы остальные могли прийти вечером и поджечь его? Мило. — Я приседаю перед ним. — Я знаю, что на следующей неделе у Богдана будет крупный груз. Мне нужны дата, маршрут и описание машины. И еще мне нужно знать, где находятся два склада, которые он использует для хранения.

— Я ничего этого не знаю.

Я прижимаю ствол пистолета к его правому бедру и стреляю. Мужчина вскрикивает, перекачивается на другой бок, хватаясь за раненую ногу. Я хватаю его за плечо и дергаю, чтобы он снова оказался лицом к лицу со мной.

— Это помогло тебе в твоих знаниях? — спрашиваю я. — Или тебе нужен дополнительный стимул?

Парень бормочет что-то похожее на адрес. Я бросаю взгляд через плечо и вижу, как Филипп набирает номер на своем телефоне.

— Местонахождение?

— Да. — Он кивает.

— Отлично. — Я снова переключаю внимание на румына. — Когда прибывает груз?

— Во вторник, рано утром.

— Хорошо. Теперь о маршруте грузовика.

— Я не знаю. Клянусь!

— А кто знает?

— Богдан и его логист. Мирча.

— Тот коротышка в очках, который всегда ходит за Богданом?

— Да.

— Спасибо. — Я поднимаюсь, стреляю парню в голову и поворачиваюсь к своему второму командиру. — Богдан все еще в розыске?

— Его уже несколько недель никто не видел. Илья говорит, что его информаторы считают, что Богдан вернулся в Румынию.

Я барабаню пальцами по деревянной поверхности ящика. Мы пытались найти этого сукиного сына, но никто не видел его уже давно. Я знаю румынского лидера уже много лет, и он никогда не покинет страну, если к нему едет груз.

— Его нет в Румынии, — говорю я и киваю в сторону тела. — Бросьте его в

холодильник, он мне понадобится на следующей неделе. Пусть Адам проследит за Мирче, но пока не трогайте его. Еще мне нужно, чтобы наши люди проверили места, которые указал нам покойник, но проследи, чтобы их не заметили.

— Хорошо. Что еще?

— Грузовики Богдана придут во вторник утром, у нас есть четыре дня на подготовку. Мы создадим три группы. Одна команда перехватит грузовик. Две другие отправятся к местам хранения в понедельник вечером и будут ждать. Когда мы получим грузовик, они смогут поджечь эти дыры..

— Отомстить Богдану, украв его груз и взорвав его склады, — это одно, но что мы будем делать с дополнительным оружием?

— Я позвоню Белову и узнаю, нужно ли Братве еще оружие. Эти деньги покроют наши потери от Сиракуз.

Филипп наблюдает за мной, проводя рукой по волосам.

— Богдан будет в бешенстве, Драго.

— Так и будет.

— Может, усилить охрану особняка?

— Удвойте ее. Я съеду за Тарой, хочу, чтобы она была в доме, пока все это не закончится.

— Ей это не понравится.

— Мне плевать, — рявкаю я. Телефон в кармане вибрирует. — У нас есть маленькие пистолеты?

— Насколько маленькие?

— Очень маленькие. Достань мне розовый, если можно. — Мой телефон вибрирует от очередного уведомления. — Я собираюсь научить Сиенну стрелять. Просто на всякий случай.

Глаза Филиппа чуть не вылезают из глазниц.

— Это... разумно?

— Не позволяй ее улыбкам и глупым нарядам обмануть тебя, Филипп. С моей женой все гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд. Честно говоря, я бы удивился, если она не умеет стрелять из пистолета.

Я оставляю своего второго командира стоять с растерянным выражением лица и выхожу из склада. Сев за руль, я достаю телефон, чтобы проверить сообщения. Их два, оба от Кевы. Первое — фотография, на которой моя жена, скрючившись в луже белой пены, собирает ее в ведро половником. На ней сверкающие красные сапоги на высоком каблуке с соответствующим бантом на голове. На втором — сообщение о том, что моя жена залила жидкое мыло в посудомоечную машину.

Я снова открываю фотографию и увеличиваю изображение лица Сиенны. Ее глаза огромны и сосредоточены на том, что она делает, и если бы я обращал внимание только на них, то решил бы, что она в панике. Но ее губы растянуты в огромную улыбку. Эта женщина — сплошное противоречие.

Я закрываю изображение и набираю сообщение.

17:10 Драго: Спроси мою жену, умеет ли она стрелять из пистолета.

Ответ приходит менее чем через минуту.

17:11 Кева: Сиенна? Что с тобой? Конечно, не умеет.

17:12 Драго: Спроси у нее.

Телефон вибрирует от нового сообщения.

17:14 Кева: Да. Господи, помоги нам.

Я несколько мгновений смотрю на сообщение, а потом раздражаюсь смехом.

Глава 15

Я прислоняюсь плечом к дверному косяку и смотрю на жену. Она сидит на кухонном острове и что-то осторожно режет размеренными движениями ножа. Несмотря на то, что она занята домашними делами, на ней очередной сумасшедший наряд в сочетании с золотыми тапочками из искусственного меха. Ее выбор одежды совершенно нелеп, но она чертовски красива, даже когда надевает свои нелепые наряды.

Когда я вернулся домой вчера вечером, Сиенна уже спала. Как я и делаю каждую ночь, я отнес ее на свою кровать. Я поедал ее идеальную киску, пока она была еще полусонной, а потом трахнул ее. Сильно. Я держал ее в своих объятиях всю ночь, но утром, перед тем как отправиться на работу, все же отнес ее обратно в ее комнату. Не знаю, почему я продолжаю это делать. Я так чертовски зол, но не могу определить причину своей ярости. Дело в ее лжи или в том, что она лгала мне? Может быть, я злюсь на себя, потому что, даже после всего, не могу заставить себя ненавидеть ее.

И в этом вся чертова проблема. Вот почему я сейчас здесь и смотрю на свою жену, как гребаный мудака.

Пока я смотрю, Сиенна фыркает и вытирает глаз тыльной стороной ладони. Я сразу же настораживаюсь и марширую через кухню.

Дойдя до нее, я обхватываю ее за талию и поднимаю, чтобы усадить на островок рядом с разделочной доской.

— Драго? — Она растерянно смотрит на меня, по ее щекам текут слезы.

Я на секунду закрываю глаза, пытаюсь успокоиться. Тот, кто посмел сказать или сделать что-то, что заставило мою жену плакать, покинет этот дом в течение десяти минут. В чертовом мешке для трупов.

— Что. Случилось? — спросил я сквозь стиснутые зубы.

— Эм... Я помогаю Кеве приготовить луковый соус.

Я смотрю вниз на разделочную доску. Чертов лук.

— Невена! — Я зову девушку, которая возится со специями. — Убери это.

— Что? Почему? — спрашивает Сиенна.

Я ни за что не скажу ей, что чуть не впал в ярость из-за того, что она плакала из-за проклятого лука. Вместо этого я потянулся за спину, достал пистолет, который мне подарила Релья, и положил его на прилавок рядом с Сиенной.

— Глок 42, — говорю я. — Релья не смог найти розовый в кратчайшие сроки.

Она поднимает на меня бровь.

— Зачем мне пистолет?

— Просто мера предосторожности. Мы ожидаем некоторых проблем.

Сиенна берет пистолет и осматривает его, затем извлекает магазин.

— Всего шесть патронов?

— Ты собираешься устроить перестрелку, mila moya?

— Возможно. — Она с размаху вставляет магазин обратно.

Мой член твердеет от того, что она выглядит так невинно, свесив ноги с прилавка, и в то же время обращается с пистолетом как профессионал.

— Это брат научил тебя стрелять? — спрашиваю я.

Она смеется. Жаль, что я не слышу звука.

— Артуро никогда бы не позволил мне прикасаться к оружию. — Она наклоняется вперед и вздергивает брови. — Я сказала ему, что иду на танцевальный кружок. Я даже взяла с собой сумку с танцевальными туфлями и костюмом и показала ему несколько движений, которые выучила по Интернету, чтобы он не задавал вопросов.

— Ты будешь хранить пистолет в своей комнате, но если будешь выходить из дома, даже чтобы поиграть с собаками, бери его с собой.

— В моей комнате? — Она сделала паузу, глаза засияли. — Или в нашей комнате?

Я испытываю искушение. Такое чертово искушение, но я не могу поддаться. Я беру ее за подбородок и наклоняю ее голову вверх.

— В твою комната, Сиенна. Я думал, ты поняла уже это.

— Значит, мы просто приятели, которые случайно оказались женаты?

— Что-то в этом роде.

Она наморщила нос и отмахнулась от моей руки.

— Иди к черту.

Я провожаю ее взглядом, когда она спрыгивает с прилавка и направляется к двери, но останавливается на полпути к порогу. Она стоит там несколько секунд, затем поворачивается.

— С этого момента забудь о приятелях, Драго. С меня хватит, — пролаяла она и подняла пистолет, который я ей дал. — Если я еще раз застаю тебя в своей комнате, ты лично убедишься, как многому я научилась на этих занятиях.

И тут моя сияющая, невинная, лучезарная жена поднимает пистолет, целясь в пустой кувшин из-под молока, стоящий рядом со мной на прилавке. По просторной кухне разносится невероятный выстрел: кувшин отлетает назад и рикошетом ударяется о дверь кладовки. Кто-то кричит. В комнату врываются Филипп и еще трое мужчин с пистолетами наизготовку. Они даже не обращают внимания на Сиенну, которая все еще стоит посреди кухни с пистолетом в руке и выглядит милой, как пуговка, в своем розовом свитере и пушистых тапочках. Все кричат, голова словно сейчас взорвется, но я вижу только свою жену. Она пристально смотрит на меня, на ее лице играет злая ухмылка. Все остальное, как обычно, исчезает, когда она появляется в комнате.

Я подкрадываюсь к ней и хватаю ее за шею. Она прищуривает глаза и наклоняет подбородок. Мой маленький дьявол, который ходит по миру под видом ангела. Я обхватываю ее свободной рукой за талию, притягиваю к своей груди и прижимаюсь к ее рту.

Что-то падает на пол, вероятно, пистолет. Сиенна обхватывает меня за шею и крепко прижимает к себе, возвращая поцелуй. Наши языки сражаются за господство. Но потом она внезапно останавливается и отстраняется.

— Опустить меня.

Я ослабляю хватку, позволяя ей медленно сползти по моему телу.

— Помни — ни ногой в мою комнату, — говорит она, затем нагибается, чтобы забрать с пола пистолет, и стремительно выходит из кухни.

Когда Сиенна исчезает из виду, я поворачиваюсь к своим мужчинам, которые стоят на другом конце кухни и растерянно смотрят мне вслед.

— За работу, — кричу я.

Они убирают пистолеты в кобуры и поспешно выходят, проходя мимо Кевы, которая стоит в дверях, положив руки на бедра.

— Официально, — заявляет она. — Вы созданы друг для друга.

Я положила пистолет в ящик тумбочки и захлопнула его.

— Вот придурок, — бормочу я, забираясь под одеяло и натягивая его на голову.

Руки все еще дрожат, поэтому я сунула их под подушку и сделала глубокий вдох. Я никогда раньше не стреляла из пистолета вне тира. Боже, я могла причинить кому-нибудь вред. Я могла по ошибке выстрелить в своего мужа-идиота. Не то чтобы он этого не заслуживал, но все же от одной мысли о том, что Драго может пострадать, меня начинает тошнить.

Это не я. Я не хожу и не угрожаю людям, не стреляю в вещи, ради всего святого, но этот человек... этот чертов человек выводит меня из себя так, как никто и никогда.

— С меня хватит, — бормочу я в подушку.

Я собираюсь собрать свои вещи и позвонить Артуру, чтобы он приехал за мной. Дон, вероятно, придет в ярость, но мне все равно. Я больше не могу этого выносить.

Отбросив одеяло, я бросаюсь к комоду и начинаю доставать свою одежду, но останавливаюсь, когда дохожу до тренировочного костюма, который купил для меня Драго. Выражение лица мужа, когда я вышла из гардеробной в спортивном костюме, было бесценным. Я падаю на кровать, прижимая к груди тренировочные штаны и толстовку. Я не хочу уходить. Но и оставаться тоже не хочется. Я. . Я больше не знаю, чего я хочу.

Мой взгляд переключается на телефон, стоящий на тумбочке. Я достаю его и набираю номер сестры.

— Как поживает моя любимая сестренка? — щебечу я, когда Ася берет трубку.

— С твоей любимой и единственной сестрой все в порядке. И она знает этот тон. Это значит, что ты что-то натворила.

— Что?! Конечно, нет! Я просто хотела поболтать.

— Мы разговаривали два часа назад. Что ты натворила, Сиенна?

Я легла на кровать и, наклонив голову, уставилась в потолок.

— Я чуть не застрелила своего мужа.

— Застрелила? — вскрикнула она. — О чем ты говоришь? Что случилось?

— Он купил мне пистолет. — Яжимаю плечами, хотя она меня не видит. — Я была зла на него.

— И ты выстрелила в него?

— Нет. Я выстрелила в кувшин с молоком. В пустой. Но если бы я не прицелилась, пуля могла бы попасть ему в почку.

— А почему ты на него злишься?

— Я спросила его, что мы только и делаем, что трахаемся. Он ответил, что да. Он тоже на меня злится. — Я вздохнула. — Я передавала Аджелло информацию о сербской организации. Драго узнал об этом и выгнал меня из нашей спальни. Теперь он меня игнорирует. Ну, когда мы не занимаемся сексом, то есть. Но он все еще злится на меня.

— Ты спишь с ним?

— Конечно, я с ним сплю. Разве ты не спишь со своим мужем?

— Я не шпионю за своим мужем! Как... как вы можете спать вместе, если он знает, чем ты занимаешься?

— Вообще-то, очень даже мило. Секс просто потрясающий, и Драго любит обниматься после него. — Мои губы изгибаются. — Мне нравится, когда он притягивает меня к себе, обхватывает руками и ногами. Я чувствую себя защищенной, как будто ничто не может

коснуться меня, когда он рядом, понимаешь? Но потом, утром, он несет меня обратно в мою новую спальню и продолжает делать вид, что меня не существует в течение дня.

— И это тебя беспокоит.

— Нет. Я просто говорю. — Я снова пожимаю плечами. — У него самые удивительные глаза... Светло-зеленые с карими вкраплениями. Но когда он злится, они становятся темнее. Это чертовски сексуально.

— Значит, он тебе нравится?

— Нет, не особо. Он почти все время ворчит и мало говорит. Мне бы хотелось, чтобы он говорил. Голос у него тоже сексуальный. — Я переворачиваюсь на живот и зарываюсь носом в подушку. На ней витает слабый запах одеколона Драго. Он никогда не ночевал здесь, так что, скорее всего, это от моих волос. Когда мы спим, он обычно укладывает мою голову к себе на шею.

— Значит... он тебе не нравится. — Это не вопрос, но я все равно слышу неуверенность в ее тоне.

— Нет. Мне просто нравится быть рядом с ним?

— Это бессмысленно, — вздыхает Ася.

— Я скучаю по нему, когда его здесь нет. Он мне не нравится, но когда его нет рядом, все кажется... пустым. Однажды он заставил меня пойти с ним на пробежку, и с тех пор мы бегаем вместе три раза в неделю. Он купил мне удивительную лавандов...

— Вы бегайте вместе?

— Да. Ну, пока он не поймал меня за тем, как я роюсь в его телефоне. Он думал, что я читаю его сообщения, чтобы доложить о его делах дону, но я просто хотела посмотреть, нет ли там фотографий его бывших.

— Угу.

— Ой, я забыла тебе сказать. Он взял меня на свадьбу до инцидента с телефоном. Это было в огромном шатре. Там было не меньше четырехсот человек. И оркестр. Я танцевала на столе.

— Ты что...?

— Кажется, это такая фишка на сербских свадьбах. — Я смеюсь. — Жаль, что ты не видела. Даже невеста танцевала. Я сделала селфи с Драго и выложила его в свои социальные сети. Разве ты не видела?

— Эм... не совсем. Твой аккаунт уже несколько недель как стал приватным.

— Что? Я, наверное, что-то по ошибке нажала, сейчас переключу обратно. — Неудивительно, что никто не комментирует и не ставит лайки моим фотографиям.

— Ты все еще доносишь на своего мужа дону, Сиенна?

— Немного. В последний раз, когда мне звонил Аджелло, я сказала ему какой-то бред про сломанный холодильник, а до этого — что Драго покупает еще один грузовик. На следующей неделе мне нужно будет снова позвонить ему, так что я должна придумать еще какую-нибудь ерунду, которую сообщу ему.

— Люди Драго не говорят о делах, когда ты рядом?

— Ещё как говорят. Просто я не сообщаю Аджелло никакой конфиденциальной информации.

— А твой муж знает об этом?

— Нет.

— Ты должна сказать ему, Сиенна.

— Зачем мне это делать? Мне плевать, что он обо мне думает.

Проходит несколько секунд, прежде чем Ася наконец отвечает:

— Потому что ты любишь своего мужа.

— Что? — Я раздражаюсь хохотом. — Я не влюблена в него. Не смей меня.

— Я знаю тебя, Сиенна. И я знаю, как работает твой разум. Ты влюблена в Драго, но предпочитаешь лгать себе, чем признать это.

Мое тело напряглось. Чувство страха нахлынуло на меня, зародившись в желудке и распространяясь по всему организму, пока я не испугалась, что оно поглотит меня целиком.

— Нет, — задыхаюсь я.

— Он не умрет, Сиенна.

Я зарылась лицом в подушку, чтобы подавить хныканье. Она не понимает.

— То, что случилось с нашими родителями, не было твоей виной. Как и то, что случилось со мной. Тебе нужно перестать верить в то, что все близкие тебе люди в конце концов умрут или пострадают, милая.

— Мне нужно идти, — пробормотала я в подушку. — Я позвоню тебе завтра.

— Сиенна, пожалуйста...

Я завершаю разговор, включаю беззвучный режим и засовываю телефон под подушку.

Уже почти наступило время ужина, но не думаю, что смогу сейчас справиться с едой. Или с людьми. Поднявшись с кровати, я беру пижаму и нижнее белье и направляюсь в маленькую пристроенную ванную комнату. Я стою под душем до тех пор, пока вода не переходит из горячей в холодную. Затем снова забираюсь в постель, но вместо того, чтобы спать, я смотрю на глухую стену.

Я смотрела на нее, наверное, уже час, когда услышала, как открывается дверь. Я зажмуриваю глаза и прислушиваюсь. Проходит несколько секунд в полной тишине, прежде чем до моего слуха доносится щелчок закрываемой двери. Он не вошел. Почему мне хочется плакать?

Матрас прогибается подо мной, и все дыхание, которое осталось во мне, застревает в груди. Я в плену, как и мое внезапно остановившееся сердце. Одеяло медленно, сантиметр за сантиметром, сползает с моего тела, пока не исчезает совсем. Прикосновение ложится на бедро, как раз там, где задрался верх. Оно такое легкое, не больше кончика пальца. Я едва ощущаю, как оно перемещается по коже моего живота, прочерчивая линию чуть выше пояса пижамных трусов.

— Ты никогда не спрашивала меня, откуда я знаю, что ты понимаешь сербский, — глубокий голос Драго заполняет тишину в комнате.

Я напрягаюсь, но держу рот и глаза закрытыми. Отвечать бессмысленно, так как свет выключен. Другая его рука ложится на мою талию, пальцы цепляются за пояс, и он медленно спускает пижамные штаны с моих ног.

— Ты очень хорошо умеешь притворяться, *mila moja*. Но недавно во время ужина ты оступилась.

Его пальцы поглаживают кожу на моих бедрах, пока он стягивает трусики. У меня вырывается слабый стон, и я быстро прикусываю нижнюю губу, пытаюсь подавить следующий. Я в курсе, что он знает, что я не сплю, но тем не менее продолжаю притворяться.

— Я должен отдать должное Аджелло, выбор тебя для этой работы был лучшим решением. Если бы это был кто-то другой, я бы раскусил обман гораздо раньше. Но я был

ослеплен невинной, солнечной девушкой с широкими улыбками и нелепыми нарядами, которая врывается в любую комнату или ситуацию в вихре цвета и радости. — Трусики сняты, и Драго прокладывает дорожку по моим ногам, все выше и выше, пока не добирается до моей киски. — Это было из обязательств перед Коза Нострой? Или ты просто хотела испортить мне жизнь, просто ради острых ощущений?

Его палец начинает скользить внутри меня, а большой палец надавливает на мой клитор, обводя его.

— Думаю, это уже не имеет значения. Но знай одну вещь, мой прекрасный, сверкающий шпион. Выбор, который ты делаешь, имеет свои последствия. Не стесняйся и дальше стрелять в меня. А я буду продолжать злиться на тебя за то, что ты мне лжешь. Но это ничего не меняет.

Я вдыхаю, когда он добавляет еще один палец, растягивая меня. Мои глаза все еще закрыты, но я чувствую его присутствие над собой, а затем его дыхание между моих ног. Я хватаюсь за изголовье кровати, когда по моему телу пробегает дрожь. Легкая дрожь от его первых прикосновений превратилась в дрожь до костей, словно я стораю в лихорадке.

— Теперь ты моя, Сиенна. Назад дороги нет! — рычит он и зарывается лицом мне между ног, присасываясь к моему клитору так сильно, что я выкрикиваю его имя во всю мощь своих легких.

Я отпускаю изголовье кровати и запускаю пальцы в волосы Драго, пока он продолжает поглощать меня. Я не могу больше терпеть ни секунды его натиска, но в то же время я умру, если он остановится. Я теряюсь, готовая взорваться, когда его пальцы выскользывают из меня. Он медленно, долго лижет мою щель, а затем его рот исчезает. Мои глаза распахиваются.

Освещение в комнате скудное, только лунный свет, проникающий через маленькое окно, падает на фигуру Драго. Он стоит у изножья кровати и расстегивает рубашку, глядя на меня. Я люблю наблюдать за своим мужем, когда он надевает одежду, потому что он делает это медленно и методично, каждое движение просчитано. Но гораздо, гораздо больше мне нравится наблюдать за тем, как он снимает одежду.

Драго сбрасывает рубашку на пол и начинает расстегивать молнию на джинсах. Я смотрю на его широкие плечи и рельефную грудь, и моя мокрая киска пульсирует от желания. В тот момент, когда я вижу его огромный член, мой разум теряет сознание. Тишину заполняет странный рычащий звук, и только через мгновение я понимаю, что он исходит от меня. Я вскакиваю с кровати и несусь прямо на мужа.

Его большие руки обхватывают меня под бедрами, крепко сжимают, и в следующую секунду я прижимаюсь спиной к стене у окна. Лицо Драго нависает над моим, его глаза буравят меня. Его дыхание медленное. Глубокое. Я обхватываю его за шею и запутываюсь пальцами в его волосах. А потом дергаю. Ноздри Драго раздуваются, дыхание учащается.

— А ты также рассказываешь своему дону подробности того, как я трахаю тебя?

Я улыбаюсь.

— Возможно.

Драго скрежещет зубами. Даже при слабом освещении я вижу, как дергаются мышцы его челюсти. Я скольжу одной рукой к его шее, а другой провожу кончиком пальца по линии его подбородка, пока не добираюсь до уголка рта. Мне хочется, чтобы он поцеловал меня прямо сейчас. Это отличается от секса. Секс с Драго Поповым — это опыт, превосходящий все, с чем я когда-либо сталкивалась. Он грубый, злой и неапологетичный. Но когда меня

целует мой муж, я чувствую, как его губы на моих губах неустанно соблазняют мой разум и заставляют его тлеть. И это пугает меня до смерти.

— Иногда мне хочется убить тебя, Сиенна.

Он прижимается своим ртом к моему, вгоняя в меня свой член. И моя киска, и мой мозг сгорают.

Глава 16

Дом Артуро ДеВилля расположен в элитном районе. Достаточно близко от всего важного, но в то же время вдали от сумасшествия субботнего вечера. По крайней мере, настолько, насколько это позволяет жизнь в Нью-Йорке. Я останавливаю мотоцикл перед железными воротами и поднимаю защитный козырек. Глядя прямо в камеру, я нажимаю кнопку вызова. Через несколько мгновений ворота отъезжают в сторону.

Я паркую мотоцикл и направляюсь к входной двери, где стоит брат Сиенны и смотрит на меня.

— Какого хрена ты здесь делаешь? — спрашивает он сквозь зубы.

— Мы что, собираемся обсуждать дела на твоём крыльце?

Артуро оценивающе оглядывает меня, затем поворачивается и направляется в дом. Я следую за ним через просторную гостиную. Несмотря на свои размеры, комната кажется неожиданно уютной, как дом. Большая книжная полка, удобный кожаный диван, пианино в углу. На стенах висят фотографии, на большинстве из которых изображены Сиенна и её сестра.

Артуро обходит барную стойку, разделяющую пространство, и входит в кухню, направляясь к плите.

— Что ты хочешь? — спрашивает он, добавляя немного приправы к тому, что готовится на гриле.

Я перемещаюсь к барной стойке и сажусь на самый дальний справа барный стул, располагаясь так, чтобы его лицо было в поле моего зрения. У босса глубокий голос, который я слышу без проблем, но я не рискую, когда речь идет о бизнесе.

— Один из наших складов загорелся, — говорю я. — Мне нужно больше товара.

— Сколько?

— Полтонны, как минимум.

— Шесть недель, — говорит он, переворачивая стейки.

— Мне это не подходит. Мне нужно, чтобы она была здесь через десять дней.

Артуро подцепляет вилкой кусочек сыра с тарелки с антипасто и кладет его в рот, наблюдая за мной, пока он жуёт. Игры во власть — итальянцы их просто обожают.

— Я могу доставить их в ближайшие выходные, — говорит он с ухмылкой, — но к обычной цене мне придется добавить 30-процентный взнос за срочность.

— Это очень дорого. Все члены твоей семьи получают такую цену, или я особенный?

Артуро бросает вилку в раковину и пересекает кухню с яростным выражением лица.

— Ты не моя гребаная семья.

— Я женился на твоей сестре. Там, откуда я родом, это считается "семьей". — Я наклоняю голову в сторону, удерживая его взгляд. — Но опять же, там, откуда я родом, никто не смог бы заставить меня отдать свою сестру незнакомому человеку. Скажи мне, Артуро, ты тоже позволяешь своему дону указывать тебе, когда тебе можно помочиться, или ты можешь принять это решение сам?

Я не замечаю ножа, пока он не оказывается на полпути к моему лицу. Я блокирую его

руку, отводя прямой удар в глаз, но в итоге получаю длинный порез по щеке. Схватив запястье Артуро одной рукой, я хватаю его за волосы на затылке другой и прижимаю его лицо к деревянной барной стойке между нами. Он рычит и снова направляет нож к моей голове. Я отпускаю его волосы, хватаю его руку с ножом и выкручиваю. Я не слышу звука щелчка, но, судя по вою Артуро, я сломал ему запястье.

Мощный удар в подбородок заставляет меня откинуть голову в сторону. Делаю шаг назад и трясую головой, пытаясь избавиться от звона в ушах. Я думал, этот сукин сын — правша.

Артуро огибает барную стойку и бросается на меня. Я уклоняюсь от левого хука, направленного мне в лицо, и упираюсь локтем ему в грудь, но тут же задыхаюсь, когда он бьет меня коленом в живот. Выпрямившись, я хватаю его за рубашку и бью его о ближайшую стену. Затылком он ударяется об одну из больших картинных рам, которая падает и разбивается вдребезги.

— Этот разговор должен был состояться до подписания свидетельства о браке, знаешь ли. — Я сплевываю кровь в сторону, а затем наношу удар ему в живот. — Но твоя сестра теперь моя. И ты ничего не можешь с этим поделать.

— Если бы я знал, какой ты больной урод, я бы никогда не позволил Сиенне выйти за тебя замуж.

— Я не хуже других мужчин в нашем мире. Взгляни на своего дона. Рассылает части тела по почте в качестве предупреждения.

— Ага. А ты просто прибиваешь людей к стенам и вырезаешь кресты на их груди. — Артуро наклоняется вперед, его взгляд прожигает меня насквозь. — Сиенна плакала неделями после смерти своей собаки. Представь, что будет, когда моя сестра узнает твой маленький секрет. Мне даже не нужно ничего делать, кроме как рассказать ей эту маленькую деталь, и она прибежит обратно домой.

— Может, она и убежит. Но я приду за ней и верну ее обратно.

— Ты не вернешь ее, Драго. Аджелло может быть безжалостным, но он никогда не заставит женщину вернуться к мужчине, которого она боится.

Я обхватываю свободной рукой горло Артуро и сжимаю его.

— Тогда мне придется позаботиться о том, чтобы ты ничего не смог рассказать Сиенне. Левая рука Артуро взлетает вверх, в ответ хватая меня за горло.

— Ты можешь попытаться.

Стук распахивающаяся двери о стену и топот бегущих ног разносятся по дому. Пара рук обхватывает меня за талию, оттаскивая в сторону. Я пытаюсь ударить держащего меня человека локтем, но другой человек перехватывает мои конечности. Артуро отталкивается от стены и бросается на меня, но двое других парней хватают его и удерживают.

Входит дон Коза Ностры и встает посреди комнаты.

— Семейные разборки? — спрашивает он, глядя на меня, затем переводит взгляд на своего подчиненного.

— Да. Никак не можем договориться, где проведем следующее Рождество. У Артуро или у меня, — говорю я.

— Действительно. — Дон кивает своим людям. — Проводите господина Попова. Они могут закончить свои праздничные планы в другое время. А мне нужно поговорить с Артуро. Я стряхиваю с себя держащих меня людей и делаю шаг к дону.

— Я знаю о твоей маленькой шпионской схеме. Это дерьмо прекращается прямо сейчас,

Аджелло, или, клянусь Богом, ничем хорошим это не кончится.

Не дожидаясь его ответа, я поворачиваюсь и направляюсь к входной двери. Дойдя до порога, я оглядываюсь через плечо и встречаю взгляд Аджелло.

— И если твой подчиненный ещё раз посмеет вмешиваться в мою личную жизнь, мне придется его убить.

— Сиенна любит Артуро. Его убийство не пойдет на пользу твоему браку, — говорит он. — И Артуро не будет вмешиваться.

Я киваю и выхожу на улицу.

Чернила от сломанной ручки на одной из моих любимых футболок. Прекрасно. Я спешу через фойе, чтобы найти Кеву и попросить у нее пятновыводитель, когда слышу рев мотоцикла. Я выглядываю в окно, выходящее на подъездную дорожку, и вижу, как черный мотоцикл отъезжает в сторону. Заглушив двигатель, водитель выходит и снимает шлем. Это Драго. Я и не знала, что мой муж ездит на мотоцикле.

Драго оставляет шлем на ручке и подходит к входной двери. Я задыхаюсь, глядя на левую сторону его лица. Она вся в крови. Я бросаюсь к входу и успеваю добежать до него как раз в тот момент, когда он заходит внутрь.

— О Боже! — Я закрываю рот рукой, глядя на длинный порез на левой щеке. Из него все еще сочится кровь.

— Кева! — кричу я и делаю шаг вперед, протягивая руку к его подбородку, но он отдергивает голову.

— Тебе что, пять лет? — Я огрызаюсь и пытаюсь снова. — Дай посмотреть.

На этот раз он не двигается, и я беру его подбородок между пальцами, поворачивая его лицо в сторону.

— Господи, Драго. — Я фыркаю, глядя на его щеку. Порез длиной четыре дюйма.

— Что происходит... О Боже! — Кева подбегает ко мне сзади. — Отнеси его на кухню, Сиенна. Сейчас же.

Драго делает шаг, и моя рука падает с его лица. Я смотрю на его спину, пока он идет через фойе, а затем рысью бегу за ним.

— Сотри кровь с его лица. — Кева сует мне в руки кухонное полотенце и миску с теплой водой. — Я пойду принесу аптечку.

Я смотрю на миску в своих руках, потом на мужа, который садится на стул за кухонным столом.

— Дай-ка мне это, — говорит он, расстегивая пиджак. Белая рубашка под ним покрыта пятнами крови.

Я ставлю миску на стол и окунаю кухонное полотенце в воду. Драго тянется взять тряпку у меня из рук, но я отдергиваю ее.

— Не двигайся, — бормочу я и делаю шаг к его ногам. Осторожно я начинаю стирать кровь с его лица.

Начинаю с шеи, затем перехожу к подбородку. Моя рука дрожит, и дрожь усиливается по мере того, как я приближаюсь к порезу. Единственный раз, когда я видела столько крови, — это когда Артуро порезал ладонь, когда чистил рыбу десять лет назад. Я закричала и потеряла сознание.

Пальцы Драго обхватывают мое запястье, отводя мою руку от его лица.

— Похоже, ты не очень хорошо переносишь вид крови.

Я смотрю в его глаза.

— Я в порядке.

— У тебя такое бледное лицо, что оно становится зеленым. Дайте мне полотенце.

Я стиснула зубы.

— Нет.

Другая его рука ложится на мою спину и притягивает меня еще ближе, пока мои губы не оказываются в дюйме от его губ.

— Дай мне это гребаное полотенце, Сиенна.

— Нет. Ты сделаешь себе больно.

— Почему тебя это волнует?

— Мне все равно, — говорю я, касаясь его губ.

В кухню врывается Кева с коробкой, полной медицинских принадлежностей.

— И как же это случилось? — Она швыряет контейнер на стол.

Драго отпускает мое запястье.

— Ножом. У тебя там есть прививка от столбняка?

— По-твоему, я похожа на скорую помощь? — Кева огрызается и наклоняется, чтобы осмотреть его щеку. — Нужно наложить швы. Что случилось?

— Я побеседовал со своим шурином.

— Это сделал Артуро? — Я удивленно смотрю на него. — Но почему?

— Деловые разногласия.

— Идиоты, — говорит Кева, брызгая чем-то на его щеку. — Сиенна, там где-то есть швейный набор. Найди его.

— Может, ему лучше в больницу? — Я поворачиваюсь и начинаю рыться в припасах, остро ощущая руку Драго, которая все еще лежит на моей спине, прижимая меня к себе.

— Этот человек скорее умрет от потери крови, чем снова попадет в больницу.

Я передаю швейный набор Кеве, которая с помощью марли протирает порез Драго, и перевожу взгляд на шрам от ожога, виднеющийся над воротником его рубашки. Когда я снова поднимаю глаза, Кева двумя пальцами сжимает края раны, просовывая изогнутую иглу сквозь кожу, и зашивает ее прямо у меня на глазах. Я кладу дрожащую руку на другую щеку Драго и задерживаю дыхание.

Кева говорит, но ее слова звучат приглушенно, как будто кто-то закрыл мне уши. Быстрым движением она завязывает нить и обрезает ее.

— Еще одна.

В затылке раздается странный стук. Как будто мое сердце каким-то образом переместилось туда и теперь бьется в два раза чаще, чем обычно.

Это больно? Должно быть, больно, даже с обезболивающим спреем. Это сделал мой брат? "Я убью его на хрен", — шепчу я и провожу тыльной стороной ладони по другой щеке Драго.

Игла снова пронзает кожу моего мужа. Я хочу отвернуться, но не могу поднять глаза. Кева тянет за нитку, и Драго вздрагивает. Это мизерное движение челюсти, но я чувствую, как под моей ладонью все дрожит. Все перед глазами растворяется.

— Сиенна?

Я слышу голос Драго, но он далеко, слишком далеко.

— Сиенна! Посмотри на меня, детка. — Он кричит, но его крики еще никогда не были такими далекими.

Все, что я вижу, — это белая дымка передо мной, но вскоре она сменяется чернотой.

Сиенна закатывает глаза, и я ловлю ее, когда ее тело обмякает и прижимается к моему.

— Сиенна! — Я нежно обнимаю ее, слегка встряхивая, чтобы привести в чувство. —

Пожалуйста, детка.

Кева шлепает меня по предплечью.

— Перестань трясти бедную девочку. Она только что упала в обморок.

— Что! Почему? — Я смотрю на бледное лицо жены, и в моей груди разгорается паника. — Я вызову врача.

— Не говори глупостей. Она придет в себя через минуту. Садись, я наложу повязку на твою рану.

— Я отнесу ее наверх, — говорю я и выхожу из кухни. Кева кричит мне вслед, что-то про инфекцию, но я не обращаю на нее внимания.

Я несу Сиенну в нашу спальню, но не могу заставить себя отпустить ее. Вместо того чтобы положить ее на кровать, я сажусь на край и продолжаю держать ее на руках. Ее голова прижимается к моей груди, а к щекам уже возвращается цвет. Глаза Сиенны открываются, но взгляд остается расфокусированным.

— Детка? — Я крепче прижимаю ее к себе. Слышит ли она стук моего сердца?

Она бормочет что-то, что я не могу расшифровать.

— Ты потеряла сознание, — говорю я и опускаю голову, приближаясь к ее лицу. — Не смей больше так делать.

Сиенна моргает, потом говорит что-то еще и прищуривает на меня глаза. Я не обращал внимания на ее губы, но, кажется, я услышал "Артуро", так что я предполагаю, что она спросила о своем брате.

— Он в немного худшем состоянии, чем я, но жить будет, — говорю я и опускаю глаза к ее рту.

— Кто?

Черт. Я неправильно понял.

— Что ты только что сказала?

— Я сказала, что ты не можешь приказать мне не падать в обморок.

Приказать. Артуро. Слишком похоже звучит. (Имеется в виду, что Order и Arturo — звучат почти одинаково) Черт.

— Могу. И я говорил о твоём брате.

Сиенна кладет ладонь на мою неповрежденную щеку.

— Что ты сделал с моим братом, Драго?

— Я сломал ему запястье. И, возможно, несколько ребер.

— Что? — Она выпрямляется, чтобы сидеть прямо у меня на коленях. — Из-за какого-то деловой ерунды?

— Это он начал.

Она приподнимает брови, касается пальцем моей нижней губы и начинает проводить по линии моего рта.

— Артуро никогда ни на кого не нападет просто так, если его не спровоцировать. Ты спровоцировал его?

— Может быть, немного. — Я зажимаю ее палец между зубами и покусываю его.

— Ой. — Она отдергивает руку. — За что?

— За то, что напугала меня. — Я падаю обратно на кровать, притягивая ее к себе. — Больше никаких обмороков.

Сиенна криво улыбается, прижимаясь ко мне.

— Я буду стараться изо всех сил.

— Хорошо. Снимай. Блузку. Медленно.

Она начинает расстегивать пуговицы на шелковистой вещи. Лаймово-зеленая с золотыми звездами. Предполагалось, что это предмет одежды, но вместо этого он напоминает мне подарочную упаковочную бумагу. Я кладу руки ей на талию, затем скольжу ими вверх по ее грудной клетке к зеленому кружевному лифчику.

— Где ты находишь такие вещи, Сиенна?

— В магазинах. — Она бросает блузку на пол и расстегивает бюстгальтер, обнажая свои упругие, аппетитные груди.

Я сжимаю их в ладонях и смотрю, как она втягивает воздух.

— На тебе подходящие трусики?

— Я не уверена. Почему бы тебе не проверить?

Я провожу ладонями по ее груди и животу и хватаюсь за эластичный пояс юбки. Она линиялая, как балетная пачка, но золотистого цвета, под цвет звезд на ее рубашке. С той осторожностью, с какой позволяют мои большие руки, я стягиваю ее вверх и через голову.

— Зеленый. — Я улыбаюсь и щипаю резинку на задней части ее трусиков. А затем, тяну вверх.

Сиенна выгибает спину, ее рот полуоткрыт в беззвучном стоне. Свободной рукой я отодвигаю кружевную полоску и заправляю ее между ее складочек. Придерживая большим пальцем ткань, чтобы она не соскользнула, я еще раз затягиваю пояс.

Сиенна опускает голову и наклоняется вперед. Ее учащенное дыхание обдаёт мое лицо, когда я ослабляю хватку ее трусиков, чтобы в следующий момент натянуть их еще сильнее.

— Так что, мы снова разговариваем? — Она натягивает брюки, хватается за обе стороны моей рубашки и дергает, отрывая несколько пуговиц. — Или мы все еще только трахаемся?

Отпустив ее трусики, я обхватываю ее рукой за талию и переворачиваю нас так, что я оказываюсь сверху.

— Я еще не решил.

Я снимаю с себя испорченную рубашку и остальную одежду, и взгляд Сиенны устремляется на меня, когда она просовывает руку себе между ног. Нет более сексуального зрелища, чем моя жена в одних зеленых трусиках и золотых туфлях на каблуках, играющая со своей киской.

Я наклоняюсь, чтобы схватить ее трусики, которые закрывают мне обзор, и стягиваю их с ее ног.

— Раздвинь ноги пошире, — требую я и перемещаюсь в кресло у кровати, поглощенный ее нежными пальчиками, которые дразнят и массируют ее клитор. — Быстрее, Сиенна.

— Ты будешь просто смотреть?

— Да.

Она прикусывает губу и ускоряет свои движения. Ее дыхание учащается, а глаза снова ищут мои. Она добавляет свою вторую руку — кружит, щиплет. Мой и без того напряженный член твердеет, как камень, но я не делаю ни малейшего движения, чтобы прикоснуться к нему, наблюдая за ней.

Был ли я когда-нибудь в жизни так очарован чем-либо, кем-либо? Я должен знать ответ на этот вопрос, но все рациональные мысли улетучились, когда я сосредоточился на своей

сверкающей жене. Мне следовало бы беспокоиться об этом, но опять же... умственные способности отсутствуют. Кажется, это странное маленькое существо уничтожило все мои мозговые клетки. Каждая улыбка, каждая нелепая пара туфель и блестящее платье, каждый раз, когда она произносила мое имя, предрешали мою судьбу.

Сиенна выгибает спину, ее тело дрожит, когда она кончает. Я встаю с кресла и перелезаю через нее, располагаясь между ее ног. Она все еще дрожит, когда я раздвигаю ее руки и ввожу свой член в ее жар. С ее губ срывается звук. Он доносится до меня вместе с ее дыханием. Стон. Я слышу его, но этого недостаточно. Я хочу услышать, как она выкрикивает мое имя. Хочу впитать каждый звук, который издает моя жена, когда я трахаю ее.

Скользя ладонью вверх, я обхватываю пальцами ее нежную шею и слегка сжимаю ее. Не сильно, чтобы не причинить ей вреда, просто слегка надавливаю, чтобы почувствовать вибрацию ее голосовых связок.

— Скажи мое имя, — приказываю я, отступая и снова входя в нее.

— Драго, — шепчет она. Большая часть звука теряется для меня. Я не чувствую никаких вибраций.

— Не шепчи. — Я запускаю вторую руку в ее волосы, наклоняю ее голову и ввожу в нее. Она мокрая, но такая тугая, что каждый толчок грозит вывести меня за грань. — Еще раз.

Сухожилия на ее шее напрягаются под моей ладонью, она откидывает голову назад и стонет, в то время как ее киска сжимается вокруг моего члена.

— Драго.

На этот раз не шепот, и я слышу его совершенно отчетливо. Я прижимаюсь ртом к ее рту, требуя этого звука. Заявляю права на нее своим ртом и своим семенем, извергающимся внутри нее. Она моя, и любого, кто посмеет забрать ее у меня, включая ее брата, ждет быстрая и мучительная смерть.

Глава 17

Я просыпаюсь в блаженном тепле и на мгновение задумываюсь, не накрыли ли меня дополнительными одеялами. Затем понимаю, что тепло исходит от большого тела, обнимающего меня. Я поднимаю веки, чувствуя легкость, несмотря на отсутствие непрерывного отдыха.

Он позволил мне остаться.

Я не решаюсь пошевелиться, рискуя разбудить Драго. Может, он заснул и забыл отвести меня в комнату? Я не собираюсь упускать такой шанс и буду наслаждаться тем, что нахожусь в его объятиях как можно дольше.

Драго притягивает меня ближе к себе и крепче обнимает за талию.

— Знаешь, я с самого начала задавался этим вопросом, — раздается голос Драго над моей головой. — Почему бы тебе не покрасить свои волосы в какой-нибудь безумный цвет?

Я улыбаюсь и поворачиваюсь к нему лицом. Это нелегко, учитывая, что он практически держит меня приклеенной к своей спине. Так или иначе, я оказываюсь прижатой лицом к его груди. Освободив одну из своих ног от его ног, я перекидываю ее через его талию и забираюсь на него сверху. Я скрещиваю руки на его груди и опираюсь подбородком на руки.

— Коричневый цвет лучше всего подходит к моему гардеробу, — говорю я, глядя ему в глаза. — Не могу одновременно иметь розовые волосы и носить оранжевое. Что скажут люди?

— Если они достаточно умны, они будут держать язык за зубами.

— Оу? А если нет?

Он берет одну прядь моих волос и накручивает ее на палец.

— Тогда я... пошлю своего личного убийцу, чтобы он заткнул им рот. На неопределенный срок.

— Зачем тебе беспокоиться? Это всего лишь я. Сомневаюсь, что то, что говорят люди, стоит стольких проблем.

— То, о чем говорят люди, всегда имеет последствия. Многие были распяты или умерли из-за своих развязанных языков.

— Они были виновными или нет?

— Смерть не делает различий. А я делаю.

Я легонько провела кончиками пальцев по его щеке в районе пореза.

— А меня тоже прибьют к стене?

Драго отпускает мои волосы и проводит костяшками пальцев по моей челюсти.

— Ты точно будешь прижата к стенке. Множество раз, *mila moya*.

— Но без гвоздей? — Я ухмыляюсь.

Он наклоняется вперед и целует меня в губы.

— Без гвоздей.

— Прости, Драго, — шепчу я ему в губы, а потом вспоминаю, что он этого не слышит. Наклонившись, я убедилась, что он видит мои губы, и повторила. — Прости меня за то, что я солгала тебе. Я не делилась с доном ничем важным, клянусь.

— Почему?

Я пожимаю плечами.

— Просто это было неправильно.

— Потому что?

— Потому что мне здесь нравится. Мне нравится Кева, девочки, твои мужчины...

Челюсть Драго сжимается. Он хватает меня за шею и сжимает.

— Тебе не разрешается любить моих мужчин, Сиенна, — прорычал он. — Как и ни одного другого мужчину. Только меня.

— Это приказ?

— Да.

— Ты совсем не романтичен, Драго, — говорю я и поджимаю губы, пытаюсь подавить желание рассмеяться. Мрачное выражение его лица просто уморительно. — Я имею в виду, что ты мог бы мне понравиться, если бы ты перестал постоянно хмуриться. Или перестать будить меня в шесть тридцать ради утренней пробежки с тобой.

Он сужает глаза, но ничего не говорит, и я продолжаю:

— Может быть, ты попробуешь баловать меня подарками. Но не оружием! Подумай о туфлях, или, может, о красивой куртке неоновой цвета. Или побольше этих красивых хрустальных камешков. Зеленые отлично подойдут в качестве камней в моем аквариуме.

Он ослабляет хватку на моей шее, и его рука медленно скользит по моей спине, по моей попке, до самой киски. Я ахаю, когда его палец касается моего входа.

— Цветы тоже не помешают. А ещё... — Я задыхаюсь, когда его палец проникает внутрь.

— Пожалуйста, продолжай, я записываю.

— Записываешь? — Я стону и прижимаюсь лицом к его груди. Дыхание прерывается.

— Да. Об ухаживании за моей женой, — говорит он, вводя еще один палец. — Но, может быть, мне стоит попробовать что-нибудь другое, раз уж поблизости нет ни туфель, ни

куртки?

Неожиданно его палец выходит из киски. Драго хватает меня за талию и тянет вверх, пока я не приседаю прямо над его головой, моя киска плачет над его порочным ртом. Один долгий, неторопливый облизывание, и я вцепляюсь в изголовье кровати и упираюсь лбом в ладони. Его язык гладит меня — медленно, методично. Каждое движение обдуманно, но с большим нажимом, отчего пульсация в моем сердце становится все более интенсивной. Я едва сдерживаюсь, когда он сжимает мои ягодицы и сосет мой клитор.

Я вскрикиваю. Дрожь сотрясает мое тело, заставляя конечности трястись, а он сосет все сильнее и сильнее. Мои глаза закатываются, и, издав еще один громкий крик, я кончаю ему на лицо.

Да, это определенно лучше, чем цветы.

* * *

— Где пистолет, который я тебе дал?

Я медленно поднимаю усталые веки и смотрю на Драго, как он застегивает рубашку и тянется к кобуре, лежащей в кресле. Он выглядит аппетитно в черном костюме.

— В ящике тумбочки, — говорю я, когда его взгляд переключается на меня. — В моей комнате.

— Нет никакой "твоей комнаты", Сиенна.

— О? Ну, может, я и сплю здесь, но все мои вещи там. Ты меня выпроводил, если вдруг забыл.

Драго скрежещет зубами и заключает меня в свои объятия.

— Я выпроводил три тонны твоей одежды, — говорит он хрипловатым голосом.

— Да, точно. — Я смеюсь и запускаю руку в его волосы. — Скажи, что тебе жаль, и мы квиты.

Он крепче прижимает меня к себе, но молчит и смотрит на меня.

— Хорошо, я помогу тебе. Повторяй за мной. Сиенна, мне жаль, что я выгнал тебя. И твою красивую одежду.

— Мне не жаль, что я вынес твою одежду, — бормочет он.

— А меня?

Прищуренные глаза смотрят на меня, и он прижимается своим ртом к моему.

— Мне жаль, — бормочет он мне в губы.

— Видишь. Это было не так уж сложно.

— И твоя одежда здесь.

— Что? — Я извиваюсь, пока он не опускает меня на пол, и бросаюсь к шкафу. Когда я открываю его, то вижу, что все мои вещи лежат в аккуратном порядке на полках и вешалках. Вещи Драго разложены по полкам и вешалкам и занимают всего два ящика и несколько мест на вешалках.

— Я попросил Елену и еще пару девушек принести их сюда, пока ты спала. Мне потребовался час, чтобы все это разместить, — говорит он и обхватывает меня за талию. — Я завидую таким людям, как ты.

Я наклоняю голову, чтобы он мог видеть, что я говорю, и поднимаю бровь.

— Таким, как я?

— Тем, кто может проспать землетрясение и ядерную катастрофу вместе взятые. И вторжение инопланетян, вероятно, тоже.

— Надеюсь, такого не будет. Если на дом нападут, когда я буду спать, — я смеюсь, — я

умру раньше, чем пойму, что происходит.

Драго разворачивает меня лицом к себе, его зеленые глаза пристально смотрят на мои.

— Если на дом нападут, можешь спать дальше, *mila moya*, — прорычал он, — потому что я позабочусь о том, чтобы эти ублюдки были мертвы еще до того, как им придет в голову приблизиться к тебе.

Я прикусила нижнюю губу, не сводя с него взгляда. Он действительно это имеет в виду.

— Хорошо.

— Но я все равно хочу, чтобы ты носила пистолет, когда выходишь из дома. Завтра вечером у нас будет какая-то хрень, и я должен знать, что ты в безопасности.

— Если тебе от этого станет легче, я так и сделаю, но толку от этого не будет.

— Почему? Судя по тому, что я видел, ты отличный стрелок.

Я улыбаюсь.

— Если целиться в кувшины и мишени на полигоне, то да. Но я никогда не смогу выстрелить в человека, Драго.

— Сможешь, если от этого будет зависеть твоя жизнь.

Я беру его подбородок между пальцами и наклоняю его голову в сторону. Его щека все еще опухшая и в синяках, но сегодня она выглядит в разы лучше чем вчера.

— Я никогда не убивала даже пауков. Я просто позволяю им жить. — Поднявшись на носочки, я поцеловала его в подбородок. — Ты никогда не увидишь, как я направляю пистолет и стреляю в человека.

Драго крепко держит меня за талию, и мои ноги отрываются от земли. Он медленно поднимает меня, пока наши лица не выравниваются.

— Если дело дойдет до того, что тебе нужно выбирать между собой и им, Сиенна, ты выстрелишь в него, — говорит он сквозь стиснутые зубы. — В голову или в сердце. И столько раз, сколько потребуется. Пообещай.

— Драго...

— Обещай мне, Сиенна!

Я вздыхаю и киваю, хотя знаю, что никогда не смогу убить человека. Даже если это будет означать мою смерть.

Я наклоняю голову и смотрю на то, что лежит на полке передо мной. Оно похоже на уродливые сапоги или сандалии на высоких каблуках. Не могу поверить, что такое существует, не говоря уже о том, что оно фиолетового цвета и сделано из материала, похожего на кожу. Мой телефон вибрирует от пришедшего сообщения, пока я пытаюсь понять, где кто-то может носить такую обувь.

11:08 Илья: У нас логист Богдана. Я привезу его в Наос.

Я быстро набираю ответ, приказывая Илье отвести румына в подвал, и тянусь за фиолетовой вещцей.

— И это тоже, — говорю я продавцу, стоящему в нескольких шагах позади меня и держащему в руках еще две пары уродливой обуви.

Выйдя из магазина, я быстро отправляю сообщение Кеве, чтобы узнать, чем занимается моя жена. Мне не нравится идея оставлять ее в доме, если меня там нет, но я же не могу взять ее с собой на пытку. Придется сделать все по-быстрому.

Приходит ответ от Кевы, и я останавливаюсь на полпути, глядя на экран. Это фотография моей жены, сидящей на траве перед Зевсом. Она повязывает ему на шею большой красный бант. Две другие собаки сидят по обе стороны от Зевса, одетые в такие же

наряды.

11:16 Драго: Скажи ей, чтобы она убрала это дерьмо с моих собак. Прямо сейчас.

11:18 Кева: Почему? Они милые.

11:18 Драго: Эти собаки натренированы для гребаный боев. Они не пудели.

11:20 Кева: Похоже, они не возражают. Но если ты будешь возражать, не стесняйся, скажи ей об этом сам.

11:21 Драго: Я говорю тебе сделать это.

11:23 Кева: Потому что ты не можешь сказать "нет" своей жене?

Я ругаюсь под нос и кладу телефон обратно в карман.

* * *

Мирча, румынский логист, сидит на полу за винными ящиками в подвале. Илья стоит на страже рядом, его пистолет направлен на голову мужчины.

— Развяжите ему руки и приведите сюда. — Я киваю в сторону стола в углу. На нем разложена карта.

Румын бьется, пока Илья тащит его через всю комнату. Когда они доходят до стола, Илья толкает его на стул и разрезает стяжку, связывающую его запястья.

— Правша или левша? — спрашиваю я.

Парень тупо смотрит на меня, потом оглядывается по сторонам, видимо, в поисках возможного пути отступления.

— Что ж, похоже, придется гадать. — Я беру нож, который протягивает Илья.

Хватаю его за левое запястье, бью ладонью по столу и вонзаю лезвие в тыльную сторону руки, привязывая его к деревянной поверхности. Он кричит, глядя на кровь, запекающуюся вокруг ножа. Не обращая внимания на его вопли, я кладу перед ним на стол перманентный маркер.

— Мне нужно, чтобы ты указал точный маршрут грузовика, конечный пункт назначения и места запланированных остановок до прибытия груза. И время тоже.

Когда он не отвечает, я дергаю его за волосы и вцепляюсь в лицо.

— Ты начнешь терять по пальцу за каждую секунду молчания. Я занятой человек, Мирча. Все, что я могу выделить, это пять для тебя. Не думаю, что ты хочешь узнать, что произойдет, когда время истечет, но могу гарантировать, что ты будешь держать эту ручку своим поганым ртом, а я все равно получу от тебя то, что мне нужно.

Румын кивает, берет маркер дрожащими пальцами и рисует на карте два крестика.

— Что это? — спрашиваю я, указывая на первую отметку.

— Место обменивания до того, как они попадают на станцию взвешивания.

Я достаю свой телефон и проверяю место на карте. Это большая стоянка для грузовиков с заправкой и рестораном. Слишком оживленно для нападения.

— Что это за место? — Я указываю на место назначения. Это не одно из двух мест, указанных парнем, которого мы поймали на нашем складе.

— Зброшенная бумажная фабрика, — выдохнул он.

— Охрана?

— Четыре человека. Вооружены. Еще двое у ворот.

— Свои люди или наемники?

— Наемники.

Я киваю и смотрю на Илью.

— Позвони Филиппу и скажи, что планы изменились. Мы подождем, пока грузовик

доберется до места назначения, и ударим по ним там.

— Сколько тебе нужно людей?

— Я собираюсь поехать и осмотреть здание. Дам тебе знать, когда у меня будет более точное представление. Пусть кто-нибудь возьмет тело, которое мы спрятали в холодильнике, и принесет его туда завтра.

Когда Илья достает телефон, чтобы позвонить, я оборачиваюсь к Мирче, который смотрит на свою окровавленную руку расширенными глазами.

— Где прячется твой босс? — спрашиваю я.

— Не знаю. Клянусь, я не знаю. — Он хнычет.

— Очень жаль. — Я достаю свой пистолет. — Голова или сердце?

Глаза мужчины вспыхивают, едва не вырываясь из глазниц, и несколько секунд он просто смотрит на меня. Затем он вскакивает со стула и начинает вытаскивать из руки застрявший нож.

— Голова. — Я вскидываю пистолет, приставляю его к виску и нажимаю на курок. Мирча дергается, а затем его тело падает вперед.

— Это за нашего водителя.

Глава 18

Происходит что-то странное.

Мой взгляд блуждает по людям, сидящим за обеденным столом. Все молчат, сосредоточившись только на своем обеде. Нет ни разговоров, ни смеха. Такого никогда не было. Во время приема пищи всегда шумно, что даже невозможно было расслышать свои собственные мысли за всем этим шумом. Сейчас, наверное, можно услышать, как падает булавка. Если не считать периодического позвякивания посуды, единственные звуки, нарушающие удушающую тишину в комнате, — это голоса охранников, доносящиеся через двустороннюю рацию, которую Мирко положил на стол перед собой. Эту штуку он носит с собой с самого утра.

— Ворота — все чисто.

— Южная крыло — все чисто.

— КПП А — все чисто.

— Наос — все чисто.

Кева подходит к Мирко и ставит перед ним тарелку с едой. Он начинает есть, не проронив ни слова. Определенно, это не нормально. Мирко постоянно ноет по поводу низкохолестериновой диеты, на которой его держит Кева, но сейчас он ни слова не говорит о том, что ему подают курицу-гриль, вместо свиных отбивных, как всем нам.

Я смотрю на пустой стул слева от меня. Вчера Драго отсутствовал почти весь день и вернулся домой далеко за полночь. Я ждала несколько часов, не в силах уснуть. Образы этого упрямого кабана — раненого или того хуже — заполнили мой разум. У меня дрожали руки. Сначала это была мелкая дрожь в пальцах, но со временем она усилилась. Когда дверь спальни наконец открылась, и он вошел внутрь, мне захотелось побежать и броситься к нему в объятия, обнять его изо всех сил, тем самым убедить себя, что с ним все в порядке. Но я не сделала этого, потому что это означало бы, что мне не все равно. Это означало бы, что я поддалась тем опасным чувствам, которые зарождались во мне уже давно. Поэтому я осталась в постели и притворилась спящей. А те чувства, которые грозили вырваться из моей груди? Я загнала их вниз. Загнала их глубоко-глубоко, похоронив, чтобы они не смогли вырваться наружу.

Гневный женский крик раздаётся в фойе, вырывая меня из размышлений. Все головы поворачиваются в ту сторону, но никто не двигается с места. Я смотрю на Елену, которая держит вилку в воздухе, на полпути ко рту.

— Драго пошел за Тарой, — бормочет она. — Видимо, она недовольна.

Крики продолжаются. Я встаю и бросаюсь через столовую. Когда добираюсь до фойе, замечаю Драго, направляющего к лестнице, неся на плече кричащую женщину с черными волосами. Она бьет его кулаками по спине, но он, кажется, этого не замечает. Он опускает ее у подножия лестницы и кричит что-то, чего я не улавливаю.

— Мне плевать, — огрызается она по-сербски и буравит меня взглядом. — Я ни минуты не проведу с ней в одном доме.

Драго смотрит на меня через плечо.

— Итальянская сучка, — прошипела Тара по-английски.

Я съеживаюсь. Даже зная, что она имеет полное право ненавидеть меня, мне больно. Заставляю себя улыбнуться, сохраняя зрительный контакт.

— Привет.

Драго прищуривается, фокусируясь на моих губах. Нижняя губа слегка подрагивает, и я зажимаю ее между зубами.

— Что ты сказала моей жене, Тара? — спрашивает он спокойным тоном, но я вижу, как пульсирует жилка на его шее.

Я делаю шаг вперед и кладу руку на его предплечье, отчего моя улыбка становится еще шире.

— Она ничего не сказала.

— Мы уже выяснили, что твое притворство на меня не действует, Сиенна. — Он обхватывает меня за талию и притягивает к себе. — Она сказала что-то, что причинило тебе боль. Никому не позволено этого делать. Даже моей сестре.

Тара фыркает, на ее лице написано раздражение. Она прислоняется к перилам и скрещивает руки, а ее ледяной взгляд возвращается к брату.

— Ничего страшного, Драго. — Я слегка сжимаю его руку. — Клянусь.

Он смотрит мне в глаза и сжимает челюсть.

— Иди в свою комнату. Не хочу видеть тебя, пока ты не извинишься перед моей женой. Сейчас же, Тара.

Тара разворачивается и бежит вверх по лестнице.

— Ты слишком остро реагируешь, — бормочу я.

— Таре нужно научиться проявлять уважение. Ты не обязательно должна ей нравиться, но она должна помнить, что ты — моя жена. Особенно пока она находится под нашей крышей.

У меня перехватило дыхание. Он сказал "под нашей". Не "моим". Я протягиваю руку и провожу пальцами по его челюсти.

— Что происходит, Драго? Дополнительная охрана. Привез сюда свою сестру. Я видела, как парни несли ящики с боеприпасами в кладовую.

— Мы собираемся сегодня перехватить партию оружия румын и взорвать два их склада.

— Что? — Я ущипнула его за подбородок и опустила голову ниже. — Ты что, совсем с ума сошел?

— Этого не избежать, Сиенна. Но не волнуйся, ты будешь в безопасности.

Я устала на него. Этот дом — гребаная крепость. Конечно, я буду в безопасности.

Но как же он? Он будет там, играть в эти чертовы военные игры со второй по величине преступной организацией в Нью-Йорке! Он может пострадать.

— Сиенна? — Он держит меня за талию, крепко обнимая, но я падаю в бездонную пустоту и не могу вернуться к реальности.

Мне вдруг становится холодно. Руки затекли, и на меня охватывает оцепенение, потому что я знаю, что сейчас произойдет.

Кто-то войдет в мою комнату посреди ночи. Они скажут, что случилось что-то плохое и что я должна быть сильной. Точно так же, как поступил Артуро, когда были убиты наши родители. Как тогда поступил Нино, пришел сказать мне, что они нашли вещи Аси в снегу, пока мой брат искал ее в городе. Я не могу сделать это снова. Не могу.

— Сиенна. — Драго обнимает меня за плечи. — Детка, ты в порядке?

Я прижимаю ладони к его груди и толкаю его. Мгновенно его руки отпускают меня, я разворачиваюсь и бегу вверх по лестнице. Я слышу, как он зовет меня, но я просто продолжаю бежать, пока не добегаю до четвертого этажа и не останавливаюсь на площадке. Мое дыхание поверхностное и учащенное, а руки дрожат. Я не могу войти в нашу спальню. Там слишком сильно ощущается его присутствие, даже когда его физически нет в комнате. Я поворачиваюсь в противоположную сторону и бегу к третьей двери справа. Это одна из незанятых комнат. Однако когда я захожу внутрь и прислоняюсь к обратной стороне двери, то обнаруживаю сестру Драго, лежащую на кровати.

— Какого черта ты делаешь в моей комнате? — огрызнулась она. — Убирайся к чертовой матери.

— Сиенна! — доносится до меня голос Драго откуда-то из коридора.

Я отталкиваюсь от двери, бегу к кровати и быстро заползаю под нее. Звук тяжелых шагов разносится по полу. Двери открываются, затем снова закрываются. Торопливые шаги все ближе. Через несколько мгновений дверь Тары широко распахивается. Я наклоняю голову в сторону и сквозь щель под бахромой покрывала вижу ноги Драго.

— Сиенна здесь? — Комнату наполняет голос моего мужа.

Я закрываю глаза. Черт. Я думала, он не будет искать меня здесь. Тара может настучать на меня в любую секунду...

— Что твоей жене может делать в моей комнате?

Я распахиваю глаза. Раздается поток сербских ругательств, и дверь захлопывается.

Минуты тянутся в тишине, прежде чем Тара заговорит.

— Как долго ты собираешься оставаться под моей кроватью?

— Я не уверена.

Надо мной скрипит каркас кровати. Рука хватается за подол покрывала, тянет его вверх, и перед моим лицом материализуется лицо Тары.

— Я спрашивала Кеву о тебе, — говорит она, разглядывая меня с ног до головы. — Она назвала тебя вулканом счастья. Всегда веселая и улыбающаяся. А мне ты не кажешься очень жизнерадостной.

— Пошла ты, Тара.

Она морщит нос, на ее лице появляется легкая усмешка.

— Она также сказала, что ты очень милая. Думаю, она и в этом ошиблась.

— Я не собираюсь быть милой с человеком, который назвал меня сучкой.

— Справедливо. — Она пожимает плечами, ее волосы колышутся от этого движения.

— Так что же сделал мой брат? Он тоже угрожал запереть тебя в твоей комнате?

— Нет, — говорю я, глядя на деревянную раму над моей головой. — Он просто озабочен тем, чтобы его убили.

— А почему тебя это волнует? Ты вышла за него замуж только потому, что тебе приказал твой дон.

— Не волнует.

— Да? Тогда почему ты плачешь?

— Это пыль, — бормочу я и пытаюсь поднять руку, чтобы вытереть глаза, но место не позволяет.

— Конечно.

Звук шагов и Драго, называющий меня по имени, все еще разносится по коридору, но уже затихает. Вероятно, он перешел на этаж ниже.

— Думаю, он ушел. Можешь выходить.

— Спасибо, мне и здесь хорошо, — говорю я.

Тара смотрит на меня расширенными глазами и фыркает.

— Подвинься.

Я в замешательстве смотрю, как она спускается на пол и забирается под кровать рядом со мной.

— Прости, что назвала тебя сукой, — бормочет Тара.

— Мне жаль, что Cosa Nostra убили твоего парня.

На мгновение мы замолкаем. Тара делает глубокий вдох.

— Он мне изменял. Мы расстались за неделю до его смерти, но Драго не в курсе.

Я наклоняю голову в сторону, чтобы посмотреть на нее.

— Почему?

— Потому что не хотела, чтобы он знал, что я тоже потерпела неудачу.

— Потерпела неудачу? Этот парень изменил тебе.

— Я тоже ему изменяла. — Она пожимает плечами. — Как будто я ничего не могу сделать правильно. Драго спас не ту сестру.

— Что ты имеешь в виду?

Тара закрывает глаза.

— Когда в нашем доме взорвалась бомба, Драго был внизу. Мы с моей сестрой-близняшкой спали в нашей спальне, которая находилась на втором этаже.

Я затаила дыхание. Близняшка?

— Драго был ранен во время взрыва, но все же смог добраться до нас, даже когда вокруг бушевал огонь, — продолжает Тара, ее голос дрожит. — Но он не смог нести нас обоих одновременно. Я помню, что кричала, и, наверное, поэтому он сначала вытащил меня. Потом он вернулся в дом за Диной.

— Что случилось? — спрашиваю я, пытаюсь подавить слезы, но мне это не удается.

— У нас на улице стоял большой баллон с пропаном, который использовался для газовой плиты. Когда огонь от первого взрыва распространился, он взорвался. Драго выжил. Чудом. Дина — нет. Она вдохнула слишком много дыма. Они не смогли ее спасти. — Она делает паузу. — Драго до сих пор винит себя. Он чуть не сгорел заживо, пытаясь прикрыть Дину своим телом, пока пожарные не добрались до них, но он все еще считает, что это его вина.

Боже мой. Я даже не могу представить, каково было им обоим.

— Раньше он ворчал из-за того, что ему приходится жить с двумя младшими

сестренками, но на самом деле он был самым лучшим старшим братом, о котором только можно мечтать, — продолжает она, и голос ее дрожит. — Он называл нас "Сахарок и Перчинка" (с англ. Sugar and Spice), потому что Дина была такой сладкой, а я... не очень.

Я немного отклоняю свою руку в сторону и обхватываю пальцами руку Тары, сжимая ее.
— Мне так жаль.

Она смотрит вниз на наши соединенные руки.

— Мне плевать, что ты из Cosa Nostra, ты знаешь. Я просто боялась, что ты каким-то образом украдешь у меня брата.

— Тара, я бы...

— Я знаю, — перебивает она меня и улыбается. — Ты действительно надела шелковые бантики на собак Драго?

— Да. — усмехаюсь я.

Тара моргает и смеется.

— Думаю, я все-таки смогу переехать обратно в особняк.

— Мне бы этого хотелось.

— А теперь рассказывай. — Она сжимает мою руку. — Почему ты прячешься от Драго под моей кроватью?

— Просто так. — Я поднимаю взгляд на деревянные доски кровати надо мной.

Крики Драго и топот множества ног все еще слышны откуда-то изнутри дома. Я понимаю, что веду себя по-детски, но не могу заставить себя выйти и встретиться с ним взглядом. Боюсь, что сломаюсь и буду умолять его не уходить.

— Сиенна?

— Что? — Я задыхаюсь.

— Ты опять плачешь. У тебя аллергия на пыль?

Я закрываю глаза и бормочу.

— Да.

Я захлопываю последнюю дверь на втором этаже и смотрю в коридор. Где, черт возьми, эта женщина? Я проверил все комнаты в доме, а она как будто исчезла с лица земли. Я достаю телефон и звоню Релье.

— Приведи мне Зевса, — прорычал я в трубку.

Только я дошел до лестничной площадки четвертого этажа, как дверь в комнату Тары открылась, и оттуда выскользнула моя жена. При виде меня на ее лице появляется странное выражение, но оно быстро сменяется улыбкой.

— Ой, Драго, ты искал меня? — щебечет она, приближаясь. — Мне показалось, что я слышала, как ты звал меня по имени.

Я ловлю ее взгляд и делаю шаг вперед.

Сиенна делает шаг назад, все еще улыбаясь.

— Драго?

Я делаю еще один шаг, и еще один, пока не прижимаю ее к стене. Ее маска на месте, но глаза красные. Кажется, я не знаю никого, кто приложил бы столько усилий, чтобы скрыть свои настоящие чувства. Уперев ладони по обе стороны от ее головы, я наклоняюсь к ней, пока наши носы не соприкасаются.

— Прекрати.

Она поднимает бровь.

— Что прекратить?

— Притворяйтесь. Это может сработать с другими людьми, *mila*, но не со мной. — Я беру ее за подбородок. — Я вижу тебя, Сиенна.

Фальшивая улыбка исчезает. Она моргает, и одна слезинка скатывается по ее щеке. Где-то позади меня раздается низкое рычание.

Я оглядываюсь через плечо и вижу, что мой пес стоит в нескольких футах позади меня, оскалив зубы и не сводя глаз с моей руки.

— Серьезно, Зевс?

Он снова рычит.

Сиенна использует ситуацию в своих интересах, уворачивается от моей руки и мчится по коридору. Остановившись перед нашей спальней, она бросает на меня быстрый взгляд и подмигивает.

— Повеселитесь сегодня!

Дверь захлопывается за ней. Зевс подбегает к ней и садится, преграждая вход. Охраняя ее.

— Предатель. — Я качаю головой и поворачиваюсь к Релье, глаза которой скачут между мной и собакой. — Проследи, чтобы никто не пытался проникнуть в мою спальню, иначе они останутся без конечностей.

Он кивает.

* * *

— Все готово? — спрашиваю я, надевая кобуру.

— Да, — отвечает Филип. — Адам расставил группы возле обоих складов Богдана. Они будут ждать нашего сигнала.

— Парень из холодильника?

— В багажнике Ильи.

— Хорошо. Поехали.

Мы выходим из дома и направляемся к внедорожнику, припаркованному на подъездной дорожке. Илья и еще двое мужчин ждут у второй машины. Я открываю водительскую дверь, но прежде чем залезть внутрь, смотрю на окно своей спальни. Его легко заметить, так как оно единственное освещенное на четвертом этаже в данный момент. Сиенна стоит за занавеской и смотрит на меня сверху вниз. Она не выходила из спальни с полудня. Я попытался войти внутрь двадцать минут назад, но собака чуть не откусила мне руку, когда я потянулся к ручке.

— Что же мне делать с тобой, *mila* *moa*? — бормочу я про себя и сажусь за руль.

* * *

До бумажной фабрики два часа езды, поэтому мы добираемся туда только далеко за полночь. Я паркуюсь у забора рядом с небольшим служебным зданием, Илья подъезжает следом. Ворота, ведущие во двор фабрики, находятся в трехстах метрах от нас, за углом. Я выхожу из внедорожника и смотрю на свой телефон. На экране пять мигающих красных точек, обозначающих местоположение каждой из наших машин. Две из них движутся — машины Йована и Рели, следующая за грузовиком Богдана. Они находятся примерно в двенадцати минутах езды.

— Воспользуемся моментом, когда ворота откроются, чтобы пропустить грузовик, — говорю я собравшимся вокруг меня людям. — Мы с Филиппом разберемся с охраной на проходной. Илья, ты и Мило позаботитесь о водителе и развернете грузовик. Затем отправляйтесь на северный склад, но избегайте главных дорог. Не хочу, чтобы вас заметили

дорожные камеры. Ваня, следуй за ними на моем внедорожнике. Завтра я узнаю, заинтересованы ли русские в том, чтобы забрать груз из наших рук.

— А что с охранниками на заводе? — спрашивает Филипп.

— И у Йована, и у Рельи есть команда из трех человек, они смогут справиться с наемниками. Как только Илья развернет грузовик, ребята заедут внутрь и подъедут прямо к входу на фабрику. Дальше все будет зависеть от силы и мощи огня. Адам будет наблюдать за дорогой, но при необходимости он может подстраховать. — Я достаю свой пистолет и взвожу его. — Мы не можем скрыть наше приближение. На проходной есть камеры, так что они увидят наше приближение. Следите за тем, чтобы бы вас не подстрелили.

Первая часть плана проходит без проблем. Как только ворота отъезжают в сторону, мы с Филиппом, используя грузовик как прикрытие, подходим к двери с обратной стороны проходной. Каждый из нас расправляется с охранником. Когда мы возвращаемся к грузовику, один из моих людей уже утаскивает тело водителя грузовика. Илья запрыгивает в кабину и дает задний ход. Как только ворота освобождаются, две машины проносятся мимо нас к зданию завода. Большая металлическая погрузочная дверь в передней части здания начинает сдвигаться в сторону. Пули осыпают машины Йована и Рельи еще до того, как дверь завода наполовину открывается, и становится очевидным, что внутри находится больше людей, чем мы предполагали.

— Черт! — Я бегу в сторону перестрелки, держась у края дороги и подальше от линии огня, а Филипп следует за мной по пятам.

Охрана Богдана, похоже, сосредоточилась на команде Йована. Ребята ведут ответный огонь из-за машин, которыми они прикрываются на другой стороне двора. Когда я оказываюсь достаточно близко и под хорошим углом вижу нескольких бандитов, я останавливаюсь и стреляю. Филипп приседает рядом со мной и стреляет в сукиного сына, который держит наших ребят на прицеле из окна второго этажа фабрики. Над грохотом и треском летящих пуль все ближе слышится рев двигателя, подъезжающего к нам сзади. Через несколько мгновений мимо нас проносится Адам на своем мотоцикле, направляясь к дверям фабрики. Мы прекращаем стрельбу, пока он делает резкий поворот и бросает дымовую шашку через вход. Белый туман заполняет дверной проем и проникает внутрь.

В дыму трудно разглядеть цели, поэтому я жду, пока он рассеется, и стреляю, как только становится видна фигура человека. Йован и остальные ребята тоже продвинулись вперед и возобновили стрельбу. Проходит несколько минут, прежде чем дым полностью рассеивается, и когда это происходит, семь тел лежат на земле в луже крови.

— Кто-нибудь, возьмите машину Ильи, — рявкаю я и поворачиваюсь к Адаму, который осматривает одного из убитых. — Склады?

— Уже горят. Я отдал приказ, как только мы закончили с грузовиком.

— Отлично. Давай оставим сообщение для Богдана.

Через десять минут мы садимся в машины и едем домой, оставив обнаженное тело парня с холодильника привязанным к большим железным воротам. На его груди вырезан знак креста.

Тридцатью минутами ранее

— Знаешь, он купил мне туфли. — Я плотнее закутываюсь в свитер. — Я нашла пакеты сегодня днем. Все три. Он спрятал их в глубине шкафа, под стопкой своих джинсов.

Зевс качает головой в сторону и смотрит на меня.

— Конечно, они для меня. Две пары обуви на каблуках, усыпанных стразами, а третья

— фиолетовая с серебристыми шелковистыми завязками. Я просто пошутила, когда сказала, что ему нужно покупать мне подарки, и он это прекрасно знает. Но он все равно их купил.

Я смотрю вниз, на подъездную дорожку, виднеющуюся из окна. Два человека Драго стоят у гаража и курят. У обоих на спине автоматы, с ними Перун и Юпитер. Чуть дальше, вокруг дома, стоит еще одна группа из трех человек, и еще несколько человек делают обход вдоль стены, опоясывающей участок. Судя по тому, что я видела, когда выводила Зевса на прогулку, внутри периметра не менее двадцати человек несут караульную службу. Снаружи их, скорее всего, больше.

— Надо было взять с собой побольше людей, — продолжаю я свой односторонний диалог с собакой. — Когда я спросила Кеву, почему он оставил здесь столько людей, а не взял их с собой, она ответила, что Драго не хотел рисковать, оставляя дом без охраны. Но вокруг дома двенадцатифутовые бетонные стены, черт возьми!

Покачав головой, я отвернулась от окна.

— Он всегда был таким безрассудным?

Зевс расправляет уши.

— Да, так и есть.

Мой взгляд падает на телефон в моей руке. Я вцепилась в него смертельной хваткой с того момента, как Драго ушел со своими людьми. Прошло несколько часов. Края этой чертовой штуки впечатались в мою ладонь от того, что я так сильно сжимала его, ожидая, что Драго ответит мне. Но он не отвечает. И мне остается мучиться и переживать, все ли с ним в порядке.

Зачем ему, если только вчера я сказала ему, что он мне даже не нравится? Поэтому я написала ему. Восемь раз. Ответов не было. Тогда я решила позвонить ему. Хотя это было бы бессмысленно, так как он не мог бы меня услышать, но звук его голоса, знак того, что он жив, успокоил бы меня. В конце концов, я решила не звонить, потому что не хотела отвлекать его от... от того, чем они занимаются.

— Я так больше не могу, — шепчу я и выбегаю из комнаты.

В доме жутко тихо. Стук моих ног и шелканье когтей Зевса — единственные звуки, которые эхом разносятся по коридорам, пока я мчусь вниз по трем лестничным пролетам. Спустившись на первый этаж, я поворачиваю налево и направляюсь в восточное крыло, останавливаясь у последней двери. Это комната, где Мирко проводит большую часть времени. У меня дрожит рука, когда я берусь за ручку и вхожу внутрь.

Мирко сидит за столом, уставленным различным электронным оборудованием: клавиатуры, провода и кабели питания тянутся во все стороны. На стене перед ним — шесть больших мониторов, на которые выводится изображение с камер, расположенных по всей территории. Его двусторонняя рация была втиснута в то небольшое пространство на рабочем столе. Разговоры людей доносятся громко и четко.

— Сиенна? — раздается голос Кевы справа от меня.

Я поворачиваюсь и вижу, что она сидит на диване, придвинутом к стене. Она держит в руках большую кружку, над ободком которой поднимается пар. Тара уютно устроилась рядом с Кевой, поджав под себя ноги.

— Ребята, у вас что, вечеринка, о которой я не знаю? — Я заставляю себя улыбнуться.

Кева склоняет головой в сторону, бросая на меня пристальный взгляд. Ее взгляд падает на мои бедра, и я отпускаю подол свитера, и прячу обе руки за спину, чтобы она не заметила, как я дрожу.

— С ним все будет хорошо, Сиенна, — говорит она спокойным голосом.

— О, я знаю. — Я пожимаю плечами и кладу руку на шею Зевса.

— Если хочешь, можешь присоединиться к нам.

Из одной из раций доносятся звуки выстрелов. Я замираю.

— И слушать, как люди убивают друг друга? — Я смеюсь. — Нет, спасибо. Пойду-ка я прилягу. Недостаток сна вреден для здоровья кожи. Увидимся завтра.

Я поворачиваюсь на пятках и выхожу из комнаты, захлопывая за собой дверь. Несмотря на преграду, громко и отчетливо слышно грохот перестрелки, и каждый удар отдается у меня в груди. Я бегу по коридору и через фойе к входной двери, а Зевс бежит за мной. Когда я выбегаю наружу, охранник, дежуривший у входа в дом, удивленно смотрит на меня.

— Вывела Зевса пописать, — говорю я и направляюсь к территории слева.

Я бегу по восточному крылу особняка, пока не добегаю до последнего окна с этой стороны дома, затем протискиваюсь за растущие под ним кусты. Сквозь открытую створку льется свет, и раздаются звуки. Крики. Выстрелы. Я слышу, как все это доносится из радиоприемника в кабинете Мирко. Прислонившись спиной к холодной наружной стене, я закрываю глаза.

В голове крутится лавина мыслей о Драго, залитом кровью. Переполненная впечатлениями, я сутулюсь и раскачиваюсь вперед-назад, мои внутренности завязываются в узлы. Я не понимаю, что отгрызла ногти, пока от них ничего не осталось. Я чуть не уничтожила их ранее, когда ждала, когда Драго ответит на мои сообщения. Знаю некрасиво, но это помогает подавить желание закричать.

Вдруг Мирко начинает кричать. Я слишком растеряна, чтобы понять все, что он говорит, но я улавливаю имя Адама и что-то о том, что количество охранников больше, чем ожидалось. Из радиоприемника доносятся звуки стрельбы — не просто несколько одиночных выстрелов, как раньше, а полноценная перестрелка. Ужас, зарождавшийся в животе, нарастает, распространяясь по всему телу. Я не могу дышать. Такое ощущение, что на меня напал дикий зверь. Он бьет лапами по моей груди, каждый гулкой удар — это рассечение плоти злобными когтями.

Я зарываю лицо между коленями и изо всех сил зажимаю ладонями уши. Я должна была что-то сделать. Что угодно. Может быть, если бы я сказала Драго, что боюсь, что с ним случится что-то плохое, он бы остался здесь, но я не могла заставить слова слететь с губ. Я слишком боялась признаться в том, что чертовски волнуюсь за него.

Что-то мокрое коснулось тыльной стороны моей ладони. Я поднимаю голову и вижу, что передо мной стоит Зевс.

— Он ведь не умрет, правда? — задыхаюсь я.

Пес наклоняется вперед, его большие темные глаза смотрят на меня с вопросом. Он как будто спрашивает меня: "Почему тебя это волнует?"

— Мне все равно, — бормочу я и срываю ярко-красные листья с горящего куста рядом со мной, лишая ветку ее прекрасных красок. А потом еще одну. И еще одну. Яркие красные листья, которые всегда приносили мне радость, когда я играла на улице с собаками, теперь насмеваются надо мной. Напоминая мне о моих кошмарных мыслях.

Драго.

Кровь.

Смерть.

Я не могу остановиться. Я продолжаю срывать листья с такой силой, с какой хотел бы

заглушить выстрелы, доносящиеся из открытого окна Мирко. Пальцы сводит судорогой, ладони ободраны от того, что я дергаю за ветки кустарника, но я не останавливаюсь, пока на расстоянии вытянутой руки не остается ни одного красного листочка. Низко свисающие ветви кустарника ободраны, многие сломаны. Но все эти разрушения — лишь тщетный результат моей бессильной ярости.

Я хотела бы вырвать чувства к мужу так же легко, как листья. Просто вырвать их и выбросить.

Люди говорят, что любить кого-то — это самое прекрасное чувство на свете. Это не так. Это самое ужасное. Чем больше ты любишь, тем больше будет, когда его не станет.

Оглушительные звуки перестрелки внезапно стихают. Я поднимаю голову и вижу, как Кева закрывает окно над моей головой, отключая радиопередачу. Становится как-то легче, когда больше не слышишь, что происходит.

Зевс делает неуверенный шаг ко мне и тыкается носом в мое плечо. Он все это время наблюдал за тем, как я выхожу из себя, и не вмешивался. Я обхватываю его за шею и смотрю на разрушения, лежащие у моих ног.

* * *

Из задумчивости меня выводит гул приближающегося транспорта. Несколько машин и отчетливый рев мотоцикла заполняют тишину ночи. Люди вернулись. Я должен бежать и проверить, все ли в порядке с Драго, но не могу заставить себя двигаться. Глупая мысль, что если я буду прятаться, то плохие новости не смогут меня найти. Неужели я превратилась в наивного ребенка, закрывающего лицо руками и верящего, что страшилище не придет и не найдет меня?

— Три часа назад? — доносится до меня голос Драго. — Если ее не найдут в ближайшие пять минут, я выпотрошу кого-нибудь! Сиенна!

Я делаю глубокий вдох. Он в порядке. Злой как черт, судя по крикам, но в порядке.

Выбравшись из-под ветвей кустарника, я покидаю свое укрытие и мчусь через лужайку к дому. Мои руки и штаны испачканы землей и растительностью, и я уверена, что в моих волосах тоже есть веточки и листья.

Драго стоит посреди подъездной дорожки, держит охранника, мимо которого я прошла, за рубашку и кричит ему в лицо. Он замечает меня, когда я подхожу ближе, и отталкивает мужчину. Рассеянный свет падает на его лицо, обнажая каждую линию. Челюсть сжата, ноздри раздуваются, он смотрит на меня сузившимися глазами. Кажется, он готов меня задушить. Я застываю на месте, наблюдая за его приближением. Его длинные, но медленные шаги поглощают землю, пока его грудь не упирается мне в лицо.

— Какого черта ты делаешь на улице посреди ночи? — Его голос низкий и подозрительно ровный. Затишье перед бурей.

Я поднимаю руки и прижимаю их к его груди, затем медленно скольжу ладонями вниз по его твердому прессу. Когда я заканчиваю с передней частью его торса, я провожу пальцами вверх по его рукам до плеч и снова вниз с другой стороны, проверяя каждую его часть. Никаких повреждений. Теперь спина. Я прижимаюсь лбом к его груди и просовываю руки под куртку. В области поясицы ничего нет. Я скольжу ладонями вверх по его лопаткам, стараясь не пропустить ни одного места. Настолько высоко, насколько я могу дотянуться. Думаю, футболка была бы мокрой, если бы его подстрелили, но мне все равно нужно убедиться самой.

Я отступаю назад, берусь за переднюю часть его куртки и начинаю снимать его.

— Сиенна. — Его голос тихий. Мягкий.

— Ш-ш-ш. — Я бросаю куртку на землю и обхожу его с другой стороны.

На его футболке нет пятен крови, но я поднимаюсь на носочки и провожу ладонями по верхушкам плеч и верхней части спины — на всякий случай. Закончив, я обхватываю его за талию и прижимаюсь щекой к его спине.

— Убедилась? — спрашивает он, поворачиваясь ко мне лицом.

Я киваю и крепче прижимаюсь к нему.

— У тебя в волосах листья, Сиенна. Не хочешь объяснить?

Я качаю головой. Он может думать все, что хочет. Может, он решит, что я сошла с ума.

Поднявшись на цыпочки, я притягиваю его к себе для поцелуя, а затем прыгаю в его объятия. Губы Драго пируют на моих, посасывая и покусывая, пока он несет меня в дом и поднимается по трем лестничным пролетам. Только когда мы достигаем нашей спальни, он освобождает меня от своих объятий, и то лишь на мгновение, пока мы срываем друг с друга одежду. А потом я снова оказываюсь в его объятиях. Провожу дорожку поцелуев вдоль его подбородка, прежде чем осыпать ими все его лицо. Он жив. С ним все в порядке.

Глава 19

Я провожу рукой по мягкой коже спины Сиенны и запускаю пальцы в ее волосы. Она слегка вздрагивает и прижимается лицом к моей шее. Прошлой ночью мы занимались сексом три раза, но ее обнаженное тело, прижатое к моему, заставляет мой член постоянно оставаться полутвердым. Любое легкое прикосновение ее аппетитных изгибов к моему паху — и я мгновенно готов к действию. На секунду я задумываюсь о том, чтобы разбудить ее для еще одного раунда, но потом передумываю и продолжаю массировать ей голову. Ей нужно отдохнуть. Вместо этого я беру свободной рукой телефон с тумбочки.

Вчера вечером моя жена прислала мне кучу сообщений, но вокруг было слишком много дерьма, поэтому я прочитал только первые три и не успел ответить. В тот момент они показались мне банальными, но сейчас, когда я просматриваю поток сообщений, я понимаю, что это было совсем не так.

22:23 Сиенна: Мне завтра нужно купить косметику.

23:39 Сиенна: Тебе следует отвести Зевса к ветеринару. Мне кажется, у него ушная инфекция.

23:48 Сиенна: Нашла туфли, которые ты мне подарил. Тебе нужно укрытие получше.

23:57 Сиенна: Думаю, я бы хотела снова сходить в твой клуб.

00:06 Сиенна: [Селфи с Зевсом. Оба раскинулись на кровати].

00:09 Сиенна: А как же мои уроки вождения? Ты же обещал!!!

00:12 Сиенна: Как думаешь, мы сможем попасть на еще одну свадьбу? Я могла бы снова станцевать для тебя на столе.

00:16 Сиенна: [Еще одно селфи с Зевсом на кровати.]

Просматривая содержимое, я замечаю одну особенность. Первые несколько сообщений — это заявления, не требующие ответа. Но она, вероятно, ожидала, что я отвечу. А когда я этого не сделал, она прислала фотографию с ней и Зевсом. А Сиенна прекрасно знает, что я не пускаю своих собак в спальню. Если бы я увидел эту фотографию вчера вечером, я бы потребовал, чтобы она убрала Зевса с кровати и вывела его из комнаты. Она специально прислала именно эту фотографию, но когда я по-прежнему не ответил, то перешла к расспросам.

Требования, потом фото, затем вопросы. Пытается добиться от меня реакции?

Она беспокоилась обо мне, но не хотела этого показывать.

Я опускаю голову, пока мой рот не оказывается рядом с ее ухом.

— Ты словно чертов кубик Рубик, Сиенна. Я могу потратить несколько дней, пробуя разные комбинации, чтобы найти правильную схему.

Она что-то бормочет и еще теснее прижимается к моему телу. Распутывая пальцы с ее волос, я беру ее за подбородок и наклоняю ее голову вверх.

— Скажи мне, мой сверкающий шпион, кому-нибудь удавалось решить эту головоломку?

Она сонно моргает и морщит нос.

— Что за чушь ты несешь?

— Я говорю о твоих сообщениях. О твоей сумасшедшей одежде и нелепом выборе обуви. О твоих улыбках.

Она поднимает бровь.

— Что не так с моими улыбками?

— Чем они шире, тем грустнее становятся твои глаза.

Ее тело напрягается, но это длится всего секунду. На следующем вдохе ее губы изгибаются в еще одну фальшивую ухмылку.

— Ты пытаешься подвергнуть меня психоанализу, Драго? — Она вздергивает подбородок. — Я прошла столько сеансов у психиатра, что мне хватит на всю жизнь, так что, пожалуйста, любезно отвалите.

Сеансов психоанализа? Я обхватываю ее руками, прижимая к себе.

— Почему?

— Это личное, — огрызается она и толкает меня в грудь. — Отпусти меня.

— Почему, Сиенна?

— Я пыталась покончить с собой! — кричит она мне в лицо. — Вот. Доволен? Теперь отпусти меня!

Ужас взрывается в моей груди, затем распространяется, поглощая все мое тело. Я не могу пошевелиться, смотрю на свою жену, а она бьет кулаками по моей грудной клетке, пытаюсь заставить меня разжать руки. Я должен отпустить ее. Она явно хочет побыть одна, но я не могу. От одной мысли о том, что ее нет, мне хочется поджечь весь этот чертов мир. Без нее мир не существует. Не для меня.

— Сиенна. — Я убираю прядь волос, упавшую ей на лицо.

Сиенна пытается отмахнуться от моих пальцев, но когда ей это не удастся, она впивается зубами в мою руку.

— Теперь тебе лучше? — спрашиваю я.

Она смотрит на меня сквозь спутанные пряди и бормочет что-то, что я не могу расшифровать. Сомневаюсь, что кто-то смог бы, когда ее рот занят так, как сейчас.

— Укуси сильнее, если это поможет.

По ее щеке скатывается слеза. Она отпускает меня, оставляя на моей плоти значительную вмятину. Я обхватываю ее лицо ладонями и вытираю слезы большими пальцами.

— Что заставило тебя сделать это, детка? — Она знает, что я спрашиваю не об укусе.

— Когда похитили мою сестру, это была моя вина.

— Как это?

— Мы с Луной планировали пойти куда-нибудь в тот вечер, но в последний момент она

отменила встречу. Ася никогда не любила тусоваться в барах, но я уговорила ее пойти со мной, так как Луна не смогла. Она не хотела идти, но я продолжала настаивать, пока она не уступила. Мы улизнули. — Она закрывает глаза и продолжает. — Там мы познакомились с парнем. Он был забавным и заставлял нас много смеяться. Когда я сказала Асе, что нам пора домой, она сказала, что хотела бы остаться еще ненадолго.

Сиенна открывает глаза, и по ее щекам текут слезы. Я смахиваю их, но они продолжают литься.

— На следующее утро у меня были занятия по пилатесу, поэтому я оставила сестру наедине с незнакомым мужчиной и пошла домой. Я забралась в свою кровать, под теплое одеяло, и уснула, пока мою сестру насиловали на холодном снегу возле того бара. Она страдала, пока я спала. Я даже не пошла на этот чертов урок.

У нее дрожит нижняя губа, когда она говорит, и трясутся руки. Я хочу сказать ей, что она может остановиться, что она не должна больше ничего говорить, если это причиняет ей такую боль. Видеть, как моя солнечная, искрящаяся жена распадается на части у меня в глазах, — словно удар ножом в грудь. Но я молчу, понимая, что ей необходимо все выплеснуть.

— Несколько месяцев мы не знали, жива Ася или мертва. Артуро не мог ее найти. Вся Cosa Nostra искала ее, но безрезультатно. Я неделями сидела на крыльце, надеясь, что она чудесным образом войдет в ворота, пока однажды не поняла, что, скорее всего, она никогда этого не сделает.

Сиенна глубоко вздохнула.

— Я поднялась в ее комнату, выпила снотворное, которое мне прописал врач, и забралась в кровать Аси. Я просто хотела спать.

— Господи, детка. — Я наклоняюсь вперед и целую ее в лоб. Меня переполняет желание прижать ее к себе и обнять со всей силы, но я не смогу видеть, как она говорит. — Сколько ты приняла?

— Все, что оставалось в бутылке. Артуро нашел меня и отвез в скорую помощь.

Я обхватываю Сиенну руками и прижимаю ее к своей груди, крепко обнимая. Мне кажется, этого недостаточно. Я провожу рукой по ее волосам и прижимаю ее лицом к изгибу своей шеи.

— Пообещай мне, — выдыхаю я.

Сиенна что-то бормочет мне в шею, скорее всего, "что".

— Обещай, что больше никогда не сделаешь ничего подобного.

Ее ладонь проходит по моей груди и шее и останавливается у моей челюсти. Она садится мне на живот и, наклонившись вперед, берет пальцами мой подбородок.

— Я обещаю. Но я хочу получить кое-что взамен.

— Хорошо.

— Ты не дашь убить себя, Драго. — Она сжимает мой подбородок. — Пожалуйста.

Я убираю прядь волос с ее лица и кончиком пальца обвожу форму ее губ. И тут меня осеняет, что она специально смотрит на меня так, чтобы ее рот находился на одной линии с моими глазами.

— Почему? Совсем недавно ты сказала, что я тебе не нравлюсь.

Ее губы растягиваются в улыбке под моим прикосновением.

— У тебя отличный вкус в женской обуви.

— Ты когда-нибудь прекратишь этот фарс, Сиенна? Ты можешь просто сказать мне

правду. Это не будет концом света.

— Какую правду? — Она смеется.

— Что ты влюблена в меня.

Улыбка исчезает с ее лица, а тело становится неподвижным.

— Ты бредишь.

— Нет, я так не думаю.

Она отпускает мое лицо и откидывается в сторону, готовясь бежать.

Этого не происходи. Я останавливаю ее рукой и переворачиваю нас, прижимая ее к кровати своим телом.

— Отпусти меня! — огрызается она.

Я провожу рукой по ее бедру, между ног и нажимаю пальцами на ее киску. Глаза Сиенны вспыхивают.

— Недавно я кое-что понял, — говорю я, медленно обводя ее клитор, с каждым движением все сильнее надавливая на него. — Меня очень заводит, когда ты злишься.

Она смотрит на меня убийственным взглядом. Я провожу пальцем между ее складочками и ввожу его внутрь ее жара.

— Хочешь знать, почему? — спрашиваю я, добавляя еще один палец. — Потому что тогда я знаю, что это настоящая ты, *mila moia*.

У Сиенны сбивается дыхание. Я слегка растягиваю ее, затем загибаю пальцы вверх, нащупывая ее потайное место, и нажимаю чуть сильнее. Она закрывает глаза и стонет, ее тело содрогается.

Нет ничего прекраснее, чем видеть ее такой. Без маски. Без притворства. Моей. Она может лгать словами, но ее тело всегда говорит мне правду. Я убираю пальцы и становлюсь у ее входа, просовывая внутрь только кончик члена. Глаза Сиенны распахиваются, впиваясь в мои. Ее ногти, покрытые зеленым лаком, впиваются в кожу моих рук.

— Все хорошо, детка. — Я опускаю голову, пока наши лбы не соприкасаются, и медленно вхожу в нее. — Я тоже влюблен в тебя.

Сдавленный вздох срывается с ее губ, когда она вбирает меня всего. Ее глаза смотрят на меня из-под темных полуопущенных ресниц и рассыпавшихся по лицу волос. Она как будто все еще пытается спрятаться от меня. Я протягиваю руку и убираю шелковистые пряди с ее лица, затем кончиками пальцев ласкаю атласную кожу ее щеки.

— Больше не прячься от меня, — говорю я, выходя из нее и тут же снова в нее погружаясь. — Мы договорились?

На мгновение на лице Сиенны появляется паника. Я зарываюсь пальцами в ее волосы и пригвождаю своим пристальным взглядом.

— Я люблю каждую частичку тебя, *mila moia*. Я люблю тебя, когда ты смеешься, но я также люблю тебя, когда ты грустишь. Я люблю тебя злой, раздраженной и решительной. — Опустив голову еще ниже, я рычу: "Я даже чертовски обожаю, когда ты угрожаешь пристрелить меня.

— Ты сумасшедший. — Она смеется, а по ее щеке скатывается одна слезинка.

— Поверь мне, нет ничего более сексуального, чем моя жена, направляющая на меня пистолет, одетая в золотую балетную пачку и меховые тапочки.

Мой следующий толчок заставляет ее задыхаться. Я ускоряю темп, вбиваясь в нее и заставляя изголовье кровати ударяться о стену вместе с моими движениями.

— Пообещай мне, что ты постарайся.

— Обещаю.

Тяжелый, быстрый стук нарушает тишину ночи. Я открываю глаза и сажусь в постели. Комната полностью погружена в темноту, даже лунный свет не пробивается сквозь мрак. Дверь со скрипом открывается — звук гораздо громче, чем должен быть. В дверном проеме стоит фигура мужчины. Я не могу разглядеть его черты, только очертания в свете, льющемся из коридора.

— Сиенна, — говорит мужчина. Голос моего брата.

— Артуро? Что ты здесь делаешь?

Он открывает дверь шире, и полоска желтого света падает на кровать Драго. Она пуста.

— Я должен тебе кое-что сказать, Сиенна.

Моя нижняя губа дрожит. Нет.

— Убирайся! — кричу я и вскакиваю с кровати, намереваясь подбежать и закрыть дверь, но мои шаги вялы, словно я ступаю по воде. Все происходит как в замедленной съемке.

— Мне нужно, чтобы ты была сильной, — продолжает голос Артуро. Он как-то искажен, словно доносится из глубокой темной ямы. Я по-прежнему не вижу его лица.

— Заткнись! Заткнись! Заткнись! — кричу я, протискиваясь к двери. Еще несколько футов, и я дойду до нее.

— Мне очень жаль, Сиенна.

Я замираю с протянутой рукой. Мои колени подкосились, и я падаю на пол.

— Твой муж мертв.

Звон заполняет мои уши, усиливаясь до тех пор, пока я не могу больше его выносить. Я зажимаю уши руками и кричу.

— Сиенна! Проснись!

Я моргаю. Драго лежит на мне, зажав мое лицо ладонями.

— Мне приснился кошмар, — задыхаюсь я.

— Я вижу. Что это было?

В его глазах столько беспокойства. Я протягиваю руку, чтобы провести по его нахмуренным бровям и провести кончиком пальца по его носу до плотно сжатого рта. Моя рука дрожит, а сердце бьется со сверхзвуковой скоростью. Я знаю, что это был всего лишь сон, но не могу избавиться от ужаса.

— Мне приснилось, что вся моя одежда и обувь стали белыми. — Я наклоняю подбородок и целую его в губы. — Это было ужасно.

Драго сужает глаза и смотрит укоризненно на меня. Видно, что он мне не верит. Я запускаю пальцы в его волосы и прижимаюсь лицом к его груди, вдыхая его запах.

— Сиенна.

Покачив головой, я крепче прижимаюсь к нему. Я не хочу говорить об этом. С ним все в порядке. Это все, что мне нужно.

Он переворачивает нас, пока наши позиции не меняются, и теперь я лежу на нем. Он гладит кожу на моем затылке, чуть ниже линии роста волос, и прижимает мое лицо к своей шее.

— Это был сон о твоей сестре? — негромко спрашивает он, пока его пальцы продолжают свои успокаивающие движения. — Мне больше не так часто снится моя сестра. Моя... другая сестренка. Не знаю хорошо ли это или плохо. Иногда мне кажется, что я предаю ее, потому что не думаю о ней так часто, как раньше.

Его голос такой напряженный. Как будто он заставляет себя произнести эти слова вслух. Нежелание говорить о некоторых вещах — очень знакомое мне понятие, и мне до боли понятно, что он делает это ради меня.

Я поднимаю голову и смотрю мужу прямо в глаза.

— Ты ни в чем не виноват, — шепчу я. — Тара рассказала мне, что произошло. Ты сделал все, что мог.

— Разве? Мой мозг говорит, что да. Но мое сердце не позволяет мне принять эту правду. И никогда не позволит. — Он проводит ладонью по моей щеке. — Неважно, что все говорят. Неважно, что это сделал кто-то другой. Сердце всегда будет брать вину на себя, потому что оно не может понять, что любви, которую оно испытывает, было недостаточно, чтобы уберечь любимого человека от беды. И это нормально, пока мозг это понимает.

Слеза вытекает из моего глаза и скатывается по щеке, когда его слова находят отклик глубоко внутри меня. Он понимает. Не уверена, что кто-то еще может это понять.

— Мой мозг понимает, — пробормотала я, но затем осознаю, что его глаза по-прежнему прикованы к моим.

Немного наклонив голову, я жду, пока его взгляд опустится ниже, и повторяю свой ответ.

В уголках глаз Драго появляются крошечные морщинки, и он улыбается. Он вытирает большим пальцем слезу и проводит по контуру моих губ.

— Кто тебе сказал?

— Я поняла это несколько недель назад. — Я скольжу пальцами по его волосам. — Почему ты не носишь слуховые аппараты?

— Я носил. Они помогали, когда не было посторонних шумов. Но когда вокруг раздавались звуки или несколько человек говорили одновременно, все усиливалось. Мне казалось, что моя голова сейчас взорвется. То же самое происходит и сейчас, когда меня окружают очень громкие звуки.

— Но ты же управляешь клубом. Там громче не бывает. — Я смотрю на него, совершенно ошарашенный осознанием того, что он испытывает каждый день. — А здешние обеды, когда все говорят одновременно? Как тебе это удастся?

— Наверное, у меня очень толстая голова. — Он ухмыляется.

Господи, уровень концентрации и сосредоточенности, который ему приходится поддерживать каждый день, просто непостижим. Я прикусываю нижнюю губу.

— Ты... слышишь меня?

Глаза Драго переходят на мои, наши взгляды сталкиваются. Судя по тому, что сказала мне Кева, он, скорее всего, не может, но я все еще надеюсь.

— Только когда ты рядом. Но на расстоянии, даже в несколько футов, — нет, — говорит он, и его улыбка исчезает. — Мне жаль, детка.

— Все в порядке. — Я наклоняюсь, чтобы поцеловать его, как раз в тот момент, когда раздается громкий стук в дверь.

— Это, наверное, Филипп. Мне нужно идти. — Драго покусывает мою нижнюю губу, затем лезет в ящик тумбочки и достает бархатный мешочек. — Для твоего аквариума.

Я развязываю тонкий шнурок и высыпаю содержимое на кровать. На белую простыню высыпается куча кристаллов зеленого цвета, самых разных форм и размеров. Они сверкают при ярком свете, отражаясь от блестящей поверхности стеклянных камней.

— Боже мой! Они такие красивые! Как маленькие зеленые бриллианты. — Я визжу от

восторга и беру одну из них в ладонь. — Ты купил их в том магазине кристаллов в Бруклине?

— Не совсем.

— А цвет не потускнеет, если я положу их в аквариум?

Глубокий раскатистый звук смеха Драго заполняет комнату.

— Уверяю тебя, что нет.

Глава 20

— Я думаю, нам нужно отвезти Леденец к ветеринару, — бормочу я, следя глазами за оранжевой рыбкой, которая металась то в одну, то в другую сторону между водными растениями.

— Леденец? — Тара поднимает бровь.

— Мне нравятся названия конфет, — говорю я и показываю пальцем на рыбу, о которой идет речь. — Видишь ту полоску у нее на правом боку? Раньше ее там не было. Может быть, у нее развилось заболевание кожи.

Тара наклоняется вперед, прижимаясь носом к стеклу.

— По-моему, это нормально. Просто часть узора на чешуе.

— Нет, я уверена, что раньше этого не было.

— Тогда, наверное, это дерматит. Или мне лучше сказать "чешуетит"? — хихикает она. — А вот и Адам, у него ведь когда-то был аквариум. Эй, Адам! Иди сюда.

Главный силовик Драго входит в столовую, как-то сжимая пространство своим огромным присутствием. Он скрещивает руки на груди, отчего его бицепсы вздуваются, а рисунок на татуировке во весь рукав становится заметным.

— Что такое?

— Сиенна думает, что одна из ее рыбок заболела. Та, что с полосой на боку.

Адам приседает рядом с Тарой, наклонив голову, чтобы понаблюдать за своей "пациенткой".

— Не вижу в нем ничего плохого.

— Раньше у него не было такой метки. — Я показываю на рыбку. — Видишь?

— Нет, это просто пятно... — Он захлопывает рот. — А, ну конечно, такое иногда случается с этим конкретным видом. Они постоянно меняют свою окраску. Не стоит беспокоиться.

— Правда? — Я снова посмотрела на рыбку. Продавец зоомагазина никогда не упоминал об этом.

— Конечно. Не волнуйтесь, если это повторится, — быстро добавляет Адам.

— А что с ее плавником?

Он нервно оглядывает аквариум.

— А что с ним?

— Его левый плавник был с разрезом. А теперь он снова целый.

— Да, у них удивительные способности к исцелению, они могут отращивать плавники и хвосты.

Я сузила глаза.

— Это ведь не та рыба, которую я купила?

— Не совсем. — Адам поднимает руку и почесывает затылок, на его лице чувство вины. — Предыдущая вроде как... умерла. Босс попросил Илью прислать нам всем его фотографию с приказом найти похожий и поменять его.

Тара раздражается приступом смеха.

Я оглядываюсь на аквариум и представляю, как Драго поручает своим людям прочесать город в поисках конкретной рыбы для меня. Меня охватывает теплое покалывающее чувство, как это бывает каждый раз, когда я думаю о своем муже. Оно угрожает утопить меня.

Я закрываю глаза и мысленно переношусь на две ночи назад, когда Драго прижал меня к себе, утверждая, что я в него влюблена. В животе вспыхивает паника. Это неправда. Он мне нравится. Когда его нет целый день из-за работы, как сегодня, я чувствую себя опустошенной. Но я не влюблена в него. И он точно не влюблен в меня, что бы он ни говорил. Наш брак — это просто деловое соглашение, которое хорошо сработало. Ничего больше. И ничего меньше.

— Сиенна... Ты можешь притвориться, что не знаешь о рыбе? — спросил Адам, вырывая меня из размышлений.

— Конечно. — Я киваю и заставляю себя улыбнуться.

— Слава Богу! — Адам облегченно вздыхает.

Когда он уходит, я развязываю шнурок на мешочке с моими новыми стеклянными камешками и беру горсть камней. Моя рука парит над водой, когда я позволяю кристаллам упасть. Я наблюдаю за тем, как они опускаются на дно аквариума, когда рядом со мной раздается крик Тары.

— Сиенна! Ты с ума сошла?

Я смотрю на нее в замешательстве.

— Что?

— Где ты их взяла?

— Камни? Это цветное стекло, которое Драго подарил мне. Разве они не красивые?

Тара открывает рот, затем закрывает его, но снова открывает, словно не в силах вымолвить ни слова.

— Он... он знает, что их будут использовать для аквариума? — Ее голос звучит как-то напряженно.

— Да. Он даже спросил, каких цветов я хочу. А что?

— Эм... потому что это не стекло. — Она берет один из кристаллов с моей ладони и рассматривает его. — Это, моя дорогая, изумруд в десять карат, стоимостью не менее пятнадцати тысяч.

Я растерянно моргаю и смотрю на аквариум, где в песчаных глубинах красуется не менее двадцати таких же камней.

— Но он сказал мне... Он сказал мне, что это просто стекло. Зачем ему это делать? — Я окинула взглядом свои "украшения".

— Да, интересно, зачем. — Тара хихикает. — Принц Саид будет недоволен.

— Кто такой принц Саид?

— Миллиардер, который заказал их несколько месяцев назад.

Я снова смотрю на изумруды в своей ладони, и знакомое чувство паники снова нахлынуло на меня. Оставшиеся зеленые камни падают в аквариум, и я наблюдаю, как они слегка всплескивают, а затем оседают рядом с остальными.

— Кажется, у меня начинает болеть голова, — говорю я, не глядя на Тару. — Пойду наверх, чтобы немного отдохнуть.

— Не расстраивайся из-за рыбы. Такое случается.

— Я знаю.

Дойдя до нашей спальни, я сразу же иду к комоду, беру вазу со "стеклянными

кристаллами", которую мне подарил Драго, и присаживаюсь на край кровати. Десятки разноцветных камней рассыпаются по покрывалу, когда я наклоняю вазу. Я отодвигаю ручки в сторону и беру ближайший камень. Он огненно-красный, имеет форму овала с множеством граней, отражающих свет, льющийся через окно. Скорее всего, это рубин.

Среди других камней есть еще несколько красных, разных оттенков. Я не очень разбираюсь в драгоценных камнях, но, судя по цветам, здесь есть и сапфиры, и аметисты, и многие другие, которые я не узнаю.

— Вот глупый, — задыхаюсь я, собирая камни в вазу.

Вернув "держатель для ручек" на комод, я подхожу к шкафу, достаю блокнот из тайника между свитерами и беру ручку из ящичка тумбочки.

У Джорджины был секрет, — пишу я, и рука моя слегка дрожит. Огромный, ужасный секрет. Он был настолько плох, что она скорее умерла бы, чем призналась в нем кому-либо. Особенно самой себе. Она влюбилась в своего ворчливого человека-волка.

Дверь в мой кабинет открывается, и внутрь входит невысокий, почти исхудавший человек в темно-сером костюме-тройке. Его белые волосы зачесаны назад, контрастируя с густыми черными бровями, виднеющимися над черной оправой очков.

— Мистер Дюбуа. — Я указываю на стул, стоящий по другую сторону моего стола.

Когда француз садится, я достаю из ящичка большую бархатную коробочку и ставлю ее перед ним.

Большинство ювелиров приобретают драгоценные камни исключительно у проверенных людей, поскольку хотят быть уверенными в подлинности камней, поставляя своим клиентам сертифицированную продукцию. Однако некоторых покупателей не интересует бумажная волокита. Им нужны только лучшие камни. Мистер Дюбуа работает именно с такой клиентурой. Арабские принцы. Бизнес-магнаты. Олигархи со всего мира. Им наплевать на сертификаты, лишь бы их жены или любовницы могли носить самое дорогое украшение в комнате.

— Это не то, о чем мы договаривались, мистер Попов, — говорит Дюбуа.

— Я знаю.

Он снимает очки и указывает ими на шкатулку.

— Принц Саид очень четко сформулировал свою просьбу. Изумруды, а не сапфиры.

— Боюсь, что изумруды больше не доступны. Сапфиры, которые я предлагаю, стоят на 20 процентов дороже, — говорю я и достаю ящик. — И у меня есть подарок, в качестве извинения.

— Его Высочество специально попросил изумруды. Это абсолютно неприемлемо для... — Он замолкает на полуслове и смотрит на драгоценный камень на моей ладони. — Это...

— Да. Круглый бриллиант G SI1 весом пять каратов. — Я кладу бриллиант на его протянутую руку и откидываюсь назад. — Позвоните принцу. Спросите, достаточно ли моего подарка, чтобы компенсировать его разочарование от того, что он получил сапфиры вместо изумрудов.

Ювелир достает из кармана маленькую лупу и осматривает камень со всех сторон. Закончив, он достает телефон и звонит. Я предполагаю, что он говорит по-французски, так как не могу разобрать его губ и с трудом понимаю, что он говорит. Но, судя по взволнованному тону Дюбуа, он, видимо, разговаривает с принцем Саидом.

— Деньги будут переведены в течение пяти минут, — говорит Дюбуа после окончания

разговора. Он осторожно возвращает мне бриллиант. — Его Высочество попросил меня передать его благодарность за подарок, и он подтвердил, что сапфиры являются адекватной заменой.

Я киваю и кладу бриллиант в шкатулку.

— Как только я получу подтверждение о получении денег, наше дело будет завершено.

Дюбуа закрывает шкатулку, но не выпускает ее из рук, словно опасаясь, что вещь может исчезнуть.

— Позвольте узнать, что случилось с изумрудами?

— Они понадобились моей жене.

— А? Она хотела бы, чтобы из них сделали красивый браслет? У меня есть новый замечательный дизайнер в Париже, я уверен, что мы сможем создать великолепное изделие на заказ...

— Они не для ее украшений. Они нужны ей для аквариума.

Мой телефон вибрирует от входящего сообщения. Я опускаю взгляд на экран и вижу уведомление от моего банка о том, что платеж прошел.

— Что, простите?

— Стеклянная штука с водой и рыбками внутри, — уточняю я и протягиваю ему руку. — Спасибо за сотрудничество, мистер Дюбуа. Передайте принцу мои наилучшие пожелания.

Француз медленно поднимается и пожимает мне руку, глядя на меня из-за очков в толстой оправе. Держа коробку под правой рукой, он направляется к двери, но на пороге останавливается.

— Почему вы не оставили бриллиант своей жене? — спрашивает он через плечо.

Уголок моих губ приподнимаются.

— Он бесцветный.

Филипп заходит в мой кабинет как раз в тот момент, когда ювелир уходит.

— Есть какие-нибудь новости? — спрашиваю я.

— Нет. Никто не заметил людей Богдана ни на одном из наших объектов.

— Хорошо. Им нужно время, чтобы организовать, прежде чем наносить ответный удар. Роман Петров подтвердил встречу?

— Да. Он будет здесь через полчаса, — говорит Филипп и сцепляет руки перед собой. — Только что звонила Тара.

— Что она хотела?

— Чтобы сообщить мне, что она и ваша жена уже едут сюда. Они должны прибыть с минуты на минуту.

— Что? — Я вскочил со стула. — Я отдал четкий приказ, чтобы ни одной из них не разрешалось покидать территорию.

— Похоже, миссис Попова была очень убедительна с охранниками у ворот. — Он достает из кармана телефон, подносит его к уху и слушает человека на линии. — Они только что подъехали к черному входу.

Я ударяю ладонью по столу и бросаюсь через весь офис в узкий коридор. Маловероятно, что румыны сегодня предпримут ответные действия, но я не хочу, чтобы моя жена или сестра находились в клубе, где наиболее вероятная мишень. Распахнув заднюю дверь, я выхожу на улицу как раз вовремя, чтобы увидеть выходящую из машины Сиенну в зеленом платье с перьями по всему лифу.

Я марширую через парковку, пока не оказываюсь прямо перед женой, и приковываю ее к себе жестким взглядом.

— Какого черта, Сиенна?

— Драго. — Она улыбается. — Мы с Тарой решили нанести тебе визит.

Я стискиваю зубы и смотрю поверх голов женщин на Релью и Илию, которые посмели привести их сюда вопреки моему приказу. Они ссутулились по другую сторону машины и суетятся.

— Объясните! — рычу я.

Оба мужчины вздрагивают и делают шаг назад.

— Драго. — Сиенна обхватывает пальцами мое запястье. — Это моя вина. Я настояла.

— Почему?

— Я просто хотела тебя увидеть. — Она пожимает плечами. — И я ношу пистолет, который ты мне подарил.

Часть моей ярости рассеивается. Я протягиваю руку и глажу ее подбородок тыльной стороной ладони, затем смотрю на сестру.

— Я хотела подбодрить Сиенну, — говорит Тара, но затем произносит следующую фразу. — Она знает, что ее рыбка умерла.

Остатки моего гнева исчезают. Я быстро целую Сиенну в макушку и смотрю на Илью.

— Я хочу, чтобы двадцать мужчин разместились вокруг клуба, пока женщины будут здесь.

Илья кивает и достает свой телефон. Я снова бросаю взгляд на короткое платье жены.

— И, Илья, проследи, чтобы всем гостям мужского пола при входе было сделано то же предупреждение, что и в прошлый раз.

* * *

Русский пахан прищуривает глаза, глядя на меня, затем смотрит на пожилого мужчину, сидящего рядом с ним, и говорит что-то по-русски. Я кладу ладонь на колено Сиенны. На ее губах появляется небольшая ухмылка, когда я медленно поглаживаю ее кожу, то время как она продолжает возиться со своим телефоном.

— Я заберу весь груз боеприпасов румын, — говорит пахан, — но хочу получить дополнительную пятипроцентную скидку за то, что избавлюсь от грузовика ради тебя.

— Я уже продаю тебе товар ниже рыночной стоимости, Роман.

— Таково мое предложение. Либо принимай его либо откажись.

Я бросаю на него пристальный взгляд и киваю. Эта сделка скорее из принципа. Хочу, чтобы избавиться от дерьма Богдана.

— Говорят, что у тебя есть и другой вид товара, — добавляет он. — Я бы хотел выбрать что-нибудь для своей жены.

— На это ты не получишь никакой скидки.

— Меня не волнует цена, когда я покупаю вещи для своей жены, — рывкает он, заметно обидевшись.

— Тогда пойдите в мой кабинет. — Я целую плечо Сиенны. — Я вернусь через десять минут.

— Пойду проверю, не нужна ли Таре помощь. — Она поворачивается к другой стороне клуба, где моя сестра стоит с двумя парнями, оба, похоже, пытаются затащить ее на танцпол.

— Хорошо.

Я провожаю Сиенну взглядом, когда она выходит из кабинки и направляется к группе.

Мужчины, стоящие с Тарой, замечают приближение Сиенны, и через мгновение их головы поворачиваются в мою сторону. Я даю им понять, что произойдет, если кто-то из них все еще будет там, когда моя жена доберется до них. Оба мужчины что-то бормочут и поспешно уходят. Отлично.

— Атмосфера здесь сегодня очень странная, — бормочу я.

Тара небрежно делает глоток своей сангрии.

— Как это?

— Твои друзья убежали, как только увидели, что я приближаюсь. — Я смотрю на официанта, разносящего напитки, и его голова поворачивается в сторону, как только он бросает на меня взгляд. Кажется, люди изо всех сил стараются не встречаться со мной взглядом. Вообще, все как будто специально избегают смотреть на меня. По крайней мере, мужчины. — Неужели мое платье настолько ужасно?

Тара оценивающе оглядывает меня, ее взгляд на несколько мгновений останавливается на лифе с перьями.

— Это самый вызывающий предмет одежды, который я когда-либо видела. Но нет, дело не в платье.

— Тогда почему?

— Они получили предупреждение Драго на входе.

— Предупреждение? Боже мой, он что, сказал людям, что я принесла пистолет? Он даже не заряжен! Я взяла его только потому, что Драго настоял. Я бы никогда ни в кого не стала стрелять, ну, кроме твоего брата.

Тара поперхнулась своим напитком, ее глаза выпучились.

— Ты стреляла в Драго?

— Долгая история. — Я махнула рукой. — Надо было оставить пистолет вышибалам, как все остальные.

— Пистолет — это не проблема. Их пугает ложка.

— Ложка?

Она улыбается в свой бокал.

— Ага. Они очень беспокоятся из-за этой ложки.

— Ты пьяна?

Тара не успевает ответить, потому что блондин лет двадцати пяти обхватывает ее сзади за талию.

— Я знал, что это ты, Тара, дорогая, — промурлыкал он. — Сколько времени прошло? Три года?

Она закатывает глаза и убирает его руку со своей талии.

— Уходи, Гэри. Ты же знаешь, что я не связываюсь с деловыми партнерами своего брата.

— Ты всегда обломщицей вечеринок. — Парень смеется и переводит взгляд на меня. — Может, у твоего друга более позитивный настрой.

Прежде чем я успеваю что-то ответить, Тара хватает парня за переднюю часть его белой рубашки.

— Это жена Драго, идиот! Уходи!

— Не скажешь. Может быть, дама хочет попробовать что-то другое. — Он протягивает ко мне руку, уставившись на мою грудь.

— Она не хочет. — Я делаю шаг назад, но ему все равно удается провести пальцами по

моей руке.

— Гэри, пожалуйста. Драго придет в любой момент, — нервно шепчет Тара и смотрит куда-то мне за спину. — Вот черт.

Я оборачиваюсь и вижу, что мой муж стоит в проходе, ведущем в его кабинет, и убийственным взглядом смотрит на друга Тары.

— Тогда я пойду. — раздается за моей спиной несколько взволнованный голос Гэри.

Драго смотрит, как парень удаляется в свою кабинку, а затем направляется через танцпол к бару.

— Черт, Сиенна, он пошел за ложкой, — визжит Тара, хватая меня за руку. — Ты должна пойти туда и отвлечь его, пока я позову кого-нибудь из охраны, чтобы вышвырнуть Гэри отсюда.

— Почему?

— Потому что Гэри — наш инвестиционный банкир, и Драго планирует выколоть ему глаза.

— Ага, конечно. — Я смеюсь.

— Я не шучу, Сиенна! — Она трясет меня за руку. — Мужчины избегают смотреть на тебя, потому что их всех предупредили, что если они это сделают, то потеряют глаза. Иди туда и останови его!

Я смотрю на Тару, как она бросается к одному из вышибал у выхода, затем бросаю взгляд на бар, где Драго берет ложку из шкафчика. Это просто смешно. Он же не собирается выколоть человеку глаза за то, что тот пялился на мои сиськи.

За барной стойкой Драго поднимает ложку перед лицом, нащупывая большим пальцем ее край, и направляется к кабинке, где сидит Гэри. Его челюсть стиснута, а рот сжат в жесткую линию. Он смотрит на банкира с убийством в глазах. Черт.

Я бросаюсь через танцпол, задевая по пути локтями нескольких человек. Когда я добираюсь до Драго, я прыгаю в его объятия, прижимаюсь к его шее и обхватываю ногами его талию.

— Приветик! — Я ухмыляюсь и целую его плотно сжатые губы.

Рука Драго проникает под мое бедро, чтобы поддержать меня, но его взгляд по-прежнему сосредоточен поверх моего плеча.

— Привет. — Я беру его подбородок между пальцами и наклоняю его голову, чтобы он посмотрел на меня. — Есть ли шанс, что ты сможешь достать мне еще этих красивых кристаллов?

— Какого цвета? — спросил он сквозь стиснутые зубы.

— Красного. Они будут хорошо смотреться в цветочных горшках на кухонном окне. Как думаешь, в том магазине они есть?

— Есть.

Я улыбаюсь, поглаживая его по щеке, а в груди разливается теплое чувство.

— Значит, ты считаешь рубины подходящими для украшения цветочных горшков?

Его рука сжимает мое бедро.

— Я думал о красном берилле, но это могут быть и рубины, если ты предпочитаешь их. Это Тара проболталась?

— Да. Она очень расстроилась, когда увидела, как я бросаю горсть изумрудов в аквариум. — Я улыбаюсь. — Почему, Драго?

— Ты любишь блестящие вещи, как и я.

— Так зачем же дарить их мне?

— Потому что самая сверкающая уже находится в моем владении, и ее сияние не сравнится ни с одним камнем.

Мне не должно быть так приятно слышать, как он называет меня своей собственностью. Я не должна от этого становиться такой влажной. Но это так. Мне до боли хочется почувствовать его внутри себя, чтобы он закрепил это утверждение действием.

Я запускаю пальцы в его волосы.

— Да, я люблю, когда моя одежда блестит.

Мимо нас проходит официант, неся поднос с напитками. Драго бросает ложку, которую держал все это время, и она со звоном ударяется о поверхность, задевая один из бокалов.

— Я не говорю о твоей нелепой одежде, Сиенна.

Он смотрит на меня, проницательно и серьезно, с какой-то первобытной силой. Иногда мне кажется, что он может поглотить меня одним только взглядом.

Краем глаза я вижу, как люди бросают на нас любопытные взгляды. Мое платье задралось до самых бедер, открывая всем полный обзор моих ног и, возможно, половины моей задницы, но мне на это наплевать. Все мое существо настроено на Драго, на то, чтобы быть в его объятиях. Он — все, что я вижу. Все, что я чувствую. Даже несмотря на все запахи, наполняющие воздух вокруг нас, я чувствую только его утонченный мятный аромат. Я никогда не была так заморожена человеком.

— Ты действительно собирался выколоть этому парню глаза? — шепчу я, когда взгляд Драго переходит на мои губы.

Его челюсть сжимается, и он разворачивается, увлекая меня к своей личной кабинке:

— Тара слишком много болтает.

Я бросаю взгляд через плечо Драго на выход, где двое охранников выталкивают банкира на улицу, а Тара наблюдает за их действиями. Она смотрит вверх и, подмигнув, поднимает большой палец.

Когда мы доходим до большого кожаного дивана, мои ноги вытягиваются из-за спины Драго, но вместо того, чтобы опустить меня, он усаживает меня к себе на колени. Я отпускаю его волосы и провожу пальцами по подбородку к губам. Он раздвигает губы, и его зубы прикусывают кончик моего указательного пальца.

— Что это было? — спрашиваю я.

— Наказание за то, что отвлекла меня от моей миссии.

— У тебя часто возникает желание вырвать людям глазные яблоки? — спрашиваю я, хотя все еще ожидаю, что он скажет, что Тара просто прикалывалась надо мной.

На его лице появляется небольшая ухмылка.

— Нет. Это довольно новое явление.

Я провожу большим пальцем по изгибу его губ, затем провожу ладонью по его челюсти. Музыка, звучащая из колонок, сменяется медленной мелодией — "The Sound of Silence". Эта песня играла, когда мы познакомились, и я помню, как подействовало на меня его присутствие в тот момент.

Удивление и мгновенное притяжение, и я почувствовала странную тягу к нему, даже не зная, кто он такой. Но одновременно с этим возникло и другое ощущение, которое я не могла определить, слишком потрясенная им.

Сейчас я вспоминаю его. Тонкие нити страха, первобытный инстинкт, как будто мое подсознание пыталось предупредить меня, что передо мной стоит очень опасный человек. Я

проигнорировала его.

— Нет никакого личного убийцы, не так ли? Когда я слышала, как Адам говорил о священнике (Игра слов: Pop — Поп, священник. Поп сокращенно от фамилии Попов), он говорил о тебе.

Взгляд Драго отрывается от моих губ, перемещаясь вверх, чтобы встретиться с моими. Он больше не улыбается, и его ответ ясно отражается в его глазах. Мне кажется, что в глубине души я всегда знала правду.

— "Поп" — это старое прозвище, оставшееся с тех времен, когда мы были молодыми панками, еще в Сербии. Адам — единственный, кто до сих пор иногда меня так называет.

Его грубый голос проникает в мое существо, прямо в сердце, каждое слово падает, как валун, на мою душу. Я родилась в Cosa Nostra, и пути мафии мне небезызвестны. Каждый из моих знакомых хотя бы раз лишал жизни человека, но, кроме нашего дона, никто так жестоко не вершит свое правосудие. Я жду, что мое сознание взбунтуется, что чувство страха поднимется и задушит меня. Но этого не происходит.

Глядя на мрачное лицо мужа, я понимаю, что уже давно не испытываю этого. Впервые в жизни мне кажется, что я стою на твердой земле, в объятиях человека, который прибывает тела своих врагов к стенам.

— Скажи что-нибудь, Сиенна. — Глаза Драго прикованы к моим губам, ожидая моей реакции. Его зубы крепко стиснуты, рот сжался в тонкую линию.

— Почему крест? — спрашиваю я едва слышно.

— Это подпись. Взял от своего старого прозвища. Способ послать сообщение тем, у кого может возникнуть идея напасть на меня или на моих людей.

— И что же это за послание?

— Что я отпущу им их грехи. Лично. И в крови. Так же, как я поступил с теми, кто убил мою семью.

— Ты нашел их?

— Всех до единого. Никто не тронет мою семью и останется жив. — Его рука движется вдоль моей челюсти к подбородку, а затем возвращается, чтобы сжать мой затылок. — И никому не позволено пялиться на мою сверкающую жену. Если кто посмеет, я позабочусь о том, чтобы это было последнее, что они увидит.

Я вдыхаю и слегка наклоняюсь вперед. Когда мое платье сползает с бедер, твердый член Драго упирается прямо в мою киску. Он наклоняет голову в сторону и тянется к небольшому пульту, лежащему на подлокотнике дивана. Через мгновение две лампы по обеим сторонам кабинки гаснут, окутывая наше пространство полумраком. Вокруг нас по-прежнему горят лампы над танцполом, в других кабинках и в баре, но мы остаемся в тени, в основном скрытые от посторонних глаз.

Руки Драго опускаются на мои бедра и медленно поднимают ткань платья выше. Я не слышу его неровного дыхания из-за музыки, звучащей над головой, но чувствую его теплые выдохи на своем лице.

— Помнишь свадьбу, на которую я тебя водил? Где ты танцевала для меня? — спрашивает он и прикивает к моим губам. Его руки добрались до резинки моих трусиков, его пальцы запутались в кружевных бретельках на моих бедрах.

Кивнув, я хватаю в кулак его рубашку и прикусываю нижнюю губу, в то время как мое тело гудит от напряжения. Как бы близко мы ни находились друг к другу, этого никогда не бывает достаточно. Я чувствую, как на левой стороне моих трусиков появляется трещина, а

затем разрыв.

— Я хотел стащить тебя со стола и трахнуть на глазах у всех присутствующих. Заявить, что ты моя. Чтобы все об этом знали.

Правая сторона трусиков тоже порвана, и тогда он скользит ладонью между нашими телами, обводит пальцем мой клитор, в то время как другой рукой расстегивает молнию на своих брюках. В тот момент, когда его член высвобождается, он хватает меня под задницу, располагая меня над своей твердой длиной.

— Тебе есть в чем признаться, Сиенна?

Слишком темно, чтобы разглядеть выражение его лица, но время от времени вспышки света над танцполом отражаются в его светло-зеленых глазах. Глаза, которые пристально смотрят в мои. Вихрь чувств закручивается в моем животе, требуя выхода. Я зарываюсь руками в его волосы и, вглядываясь в его глубину, медленно скольжу по его члену.

У меня перехватывает дыхание, когда он заполняет меня, погружаясь в глубину. Я сжимаю его темные пряди между пальцами и покачиваю бедрами, вбирая в себя еще больше. Мой взгляд держит его в плену, пока я скачу на нем верхом, но с моих губ не слетает ни слова.

Я знаю, о чем он просит. Он хочет, чтобы я сказала ему, что люблю его. Но я не могу. Я слишком боюсь сказать правду, произнести вслух то, что мы оба уже знаем. Каждый раз, когда я даже думаю об этом, внутри меня поднимается паника, сжимает меня в своих когтях. Я понимаю, что мой страх иррационален. Нельзя решить судьбу человека тремя простыми словами. И все же я не могу заставить себя сделать это, слишком боюсь потерять его.

Давление в сердцевине нарастает, я вращаю бедрами, желая почувствовать его еще больше. Рука Драго сжимает мою попку, затем перемещается по бедру к киске и сжимает клитор. Я задыхаюсь, дыхание становится учащенным и неглубоким. Блестящие пронзительные глаза мужа все еще прикованы к моим, когда он наклоняется вперед и касается своим лбом моего.

— Все в порядке, *mila moia*, — шепчет он, прижимая большой палец к моему клитору. — Тебе не обязательно это говорить. Скажешь, когда будешь готова.

Его губы захватывают мои, кусая, требуя. Я зажмуриваю глаза и целую его в ответ, а затем достаю пульт дистанционного управления, который он оставил на подушке рядом с нами. Легкое нажатие кнопки, и элегантные лампы-колонны по обе стороны дивана оживают, освещая нас бледно-голубым сиянием и восстанавливая окружающее пространство. Сегодня в клубе более ста человек, и каждый из них теперь отчетливо видит меня, сидящую на члене своего мужа.

Глаза Драго удивленно расширяются, а уголки его губ приподнимаются.

— Зачем? — спрашивает он.

Отбросив пульт в сторону, я прижимаю ладони к лицу мужа и пожираю его глазами, продолжая медленно скакать на нем. Я вдыхаю его запах, впитываю всего его и принимаю ту самую тьму, которой я когда-то боялась, когда мы встретились в первый раз. Этот мужчина. Единственный, кто когда-либо понимал меня. Человек, без которого я уже не могу представить свою жизнь.

— Потому что я тоже хочу, чтобы все знали, — говорю я.

— Знали что?

— Что ты мой. — Я наклоняюсь вперед, чтобы он мог почувствовать мое учащенное сердцебиение. — И что я твоя.

Глава 21

Тыквенно-оранжевый. Ну конечно.

Я опираюсь локтем на дверную раму ванной комнаты и продолжаю сушить волосы полотенцем, наблюдая за своей женой. Сидя на краю кровати, положив правую ногу на стоящее рядом кресло, она красит ногти на ногах. Кисточка в ее руке держится только кончиками двух пальцев, остальные три вытянуты наружу, что наводит меня на мысль, что лак на ее ногтях еще не высох. Сегодня она одета в блестящие бирюзовые леггинсы в паре с оранжевым свитером. На брюках узор в виде рыбьей чешуи, что делает их похожими на хвост русалки. Я улыбаюсь и отталкиваюсь от косяка, направляясь в другой конец комнаты.

— Эй, что ты делаешь? — говорит она, когда я обхватываю рукой ее лодыжку и подтягиваю ее ногу вверх, чтобы я мог сесть в кресло.

Я кладу ее ногу на свое колено и забираю кисточку для лака из ее рук. Замешательство на лице Сиенны сменяется удивлением, когда я окунаю аппликатор во флакон, стоящий на тумбочке, и продолжаю начатую ею работу.

Она протягивает руку и кладет палец мне под подбородок, приподнимая мою голову вверх.

— Что бы сказали твои люди, если бы увидели, что ты красишь мне ногти на ногах? Это не очень-то по-мужски, знаешь ли.

Я приподнимаю бровь.

— Может, мне пойти и надрать кому-нибудь задницу после того, как я закончу? Это поможет сохранить мой статус альфа-самца?

— Не думаю, что в этом есть необходимость. — Она смеется. — Но я бы с удовольствием посмотрела на их лица.

— Никто никогда не сделает замечание по этому поводу, потому что если бы и сделали, то это означало бы, что они смотрели на твои ноги. И для них это добром не кончится, — говорю я и продолжаю выполнять задание. — Перестань шевелить пальцами ног.

— Прости. — Она фыркает. — Не забудь глиттер.

— Должен ли я знать, что это такое?

— Глиттер. Вот. — Она кладет мне в руку маленькую круглую баночку. Он наполнен каким-то мерцающим порошком. — Просто возьми маленькую щепотку и посыпь на ногти. Только быстро, а то лак высохнет и блестки не приклеятся.

Я внимательно рассматриваю крошечную штучку на своей ладони. Она меньше моего большого пальца, так что я никак не могу "отщипнуть" что-либо изнутри. С нескольких попыток мне удается его открыть. Я высыпаю немного блесток на ладонь, беру немного между пальцами и осторожно опускаю их на ногти Сиенны.

— Достаточно? — спрашиваю я и поднимаю голову, чтобы увидеть, что моя жена смотрит на меня, ее глаза блестят.

— Этого никогда не будет достаточно, Драго.

Я не слышу ни звука, так что она, должно быть, прошептала это.

— Блеска? — спрашиваю я.

Костяшки пальцев Сиенны нежно касаются моей щеки, ее губы растягиваются в улыбку.

— Тебя.

Улыбка настоящая, и от нее все ее лицо сияет. Ее взгляд падает на мою ладонь, где я все еще держу остатки этой чертовой блестящей пудры, и улыбка превращается в озорную ухмылку.

Я хмурюсь.

— Не смей...

Ее теплое дыхание обдувает мою руку, рассыпая по ней облако золотых частиц. Миллион мерцающих крупинок парят в воздухе, как крошечные драгоценные камни, а моя жена смеется, наблюдая, как они приземляются на мою голову, лицо и даже прилипают к груди.

Было время, когда я считал этот трюк незрелым. Глупым. Но от моей жены — самой дорогой драгоценности, которую я когда-либо держал в руках? Я с трудом скрываю ухмылку, которая грозит расползтись по моему лицу. Все красивые камни, на которых я построил свою империю, используются для того, чтобы человек сиял внешне. Моя Сиенна освещает каждый уголок моей души.

— Помнишь, что я делаю с теми, кто мне перечит, *mila moya*?

— Тебе идет золото, Драго. — Еще один приступ хихиканья. — Что-то там со стеной, не так ли?

— Именно. — Я вскакиваю с кресла, обхватываю ее за талию и несую через всю комнату.

* * *

— Я вернусь через несколько часов, — говорю я Релье, который дежурит у входной двери, и надеваю куртку. — Если кто-нибудь позволит моей жене ступить за стены комплекса, я сверну ему шею.

— Конечно, босс. — Он кивает, сфокусировав взгляд на моей голове.

— Если кто-нибудь сообщит о чем-либо хотя бы отдаленно подозрительном, немедленно свяжитесь со мной.

— Обязательно.

Я поворачиваюсь, чтобы уйти, когда чувствую прикосновение к своему плечу и оглядываюсь.

— Что?

— У тебя что-то на голове, — пробормотал он.

Я запускаю пальцы в волосы. В руке оказывается несколько крупинок сверкающей золотой пыли. Я сжимаю переносицу и ругаюсь.

Иду на встречу с бостонской группировкой *Cosa Nostra*. С гребаными блестками в волосах. Я направляюсь к гаражу, ухмыляясь абсурдности всего этого.

Мы договорились встретиться через час за городом. Я бы предпочел, чтобы это произошло в моем клубе, но Нера Леоне хотела остаться вне поля зрения Аджелло.

Я останавливаю свою машину рядом с черным седаном с затемненными стеклами, глушу двигатель, и Филипп паркуется рядом со мной. На стоянке у закусочной стоит еще одна дорогая машина с тонированными стеклами. Похоже, жена Дона Леоне решила приехать сюда на машине, а не лететь самолетом, потому что на арендованные они не похожи.

На двери закусочной висит табличка "Закрывается", но свет горит, и, несмотря на то, что нигде нет официантов, за крайним столиком справа сидит женщина. За ее спиной стоят двое мужчин в черных костюмах, руки сцеплены за спиной.

— Всего два телохранителя, — говорю я, выходя из машины.

Филипп прослеживает мой взгляд и пожимает плечами.

— Может быть, она хочет прояснить, что это мирная встреча.

— Или, может быть, она хочет, чтобы мы знали, что она нас не боится. — Я открываю

дверь и направляюсь к женщине, которая руководила бостонской Коза Нострой, пока ее муж был болен.

Я никогда не встречался с Нерой Леоне лично, но знаю, что она гораздо моложе своего мужа, которому уже за шестьдесят. Я ожидал увидеть женщину лет сорока, наверное, а не около двадцати. Если это так. С ее темно-русыми волосами, ниспадающими на длинное красное пальто, я бы никогда не принял ее за хитрого противника, о котором много слышал.

Может, я и не веду дела в Бостоне, но я слежу за тем, что там происходит. Знать всех крупных игроков в этой сфере и раскрывать секреты, которые они пытаются скрыть, — обязательное условие моей работы. Не всем известно, что дон Леоне уже давно нездоров и что его жена на время неофициально возглавила бостонскую семью Cosa Nostra. Раз здесь находится она, а не ее муж, значит, ему не лучше.

— Мне жаль, что дон Леоне все еще болен, — говорю я, садясь напротив нее, а Филипп встает позади меня.

Нера кивает в знак приветствия.

— Он поправляется.

— Итак, чем я могу вам помочь, миссис Леоне? — спрашиваю я и откидываюсь назад, опираясь правой рукой на спинку соседнего стула. — Я был весьма удивлен, получив ваше сообщение.

— Одна маленькая птичка нашептала мне, что вы недавно занялись новым бизнесом. У меня есть для вас предложение — взаимовыгодное сотрудничество.

Одна моя бровь взлетает вверх. Слухи быстро распространяются в наших кругах, но все же вызывает беспокойство тот факт, что она так скоро узнала эту информацию.

— Я думал, вы уже получаете оружие от Эндри Душку?

— Да. Но я хочу заключить новые союзы. — Ее кроваво-красные губы растягиваются в улыбке.

— У нас с Эндри есть взаимопонимание. Мы не наступаем друг другу на пятки. Я подумаю над вашим предложением и сообщу о своем решении.

Нера Леоне встает со своего места.

— Спасибо. Приятно было познакомиться с вами, мистер Попов.

Я провожаю ее взглядом, когда она выходит из закуской, двое ее мужчин следуют за ней. Они садятся в машины и выезжают на дорогу, поднимая облако пыли из рыхлого гравия вокруг выбоин на дороге.

— Бостонская группировка работает с Душку уже много лет, — говорит Филипп. — Почему так внезапно изменилось мнение?

— Понятия не имею.

Движение в заброшенном мотеле на другой стороне улицы привлекает мое внимание. Из самой дальней комнаты на первом этаже выходит мужчина в черном пальто. Он встречает мой взгляд и задерживает его на мгновение. Когда я лезу за пистолетом в наплечной кобуре, мужчина разрывает наш зрительный контакт и поворачивается, направляясь в сторону здания. Его шаги уверенны и ровны, поэтому я хорошо вижу его длинные иссиня-черные волосы, заплетенные в толстую косу, и черный прямоугольный кейс, висящий через левое плечо.

— Это то, о чем я думаю? — спрашивает Филипп.

— Да. Этот парень непринужденно прогуливается, неся на спине снайперскую винтовку. И я почти уверен, что он держал нас под прицелом все время, пока мы беседовали.

Та комната, из которой он только что вышел, находится прямо напротив закуской; из окна хорошо виден столик, за которым я сидел.

— Ты думаешь, он один из головорезов Неры?

Из-за мотеля выезжает черная спортивная машина и направляется в ту же сторону, куда ранее уехали итальянцы.

— Не уверен, — говорю я. — Но у меня такое чувство, что если бы мы проявили хоть малейший намек на причинение вреда этой женщине, мы бы оба лежали на земле. С дырками в головах.

Мы с Филипом садимся в свои машины и поворачиваем в направлении, противоположном бригаде Леоне.

Мы уже в получасе езды от дома, когда на приборной панели зазвонил мой телефон. Я бросаю взгляд на экран, где высвечивается имя Рельи. Телефон звонит дважды, затем останавливается. Сигнал для меня — в клубе что-то не так.

Черт. Я нажимаю на педаль газа. Взглянув в зеркало заднего вида, убеждаюсь, что Филипп тоже ускоряется, прижав телефон к уху и, вероятно, узнавая все подробности от одного из наших людей.

Через пятнадцать минут мой телефон снова начинает звонить и вибрировать, и на этот раз он продолжает звонить, вызывая приступ паники в моей голове.

Дом атакуют.

Свет гаснет.

Может, перегорел предохранитель? Я убираю ноутбук и слезаю с кровати, нащупывая путь к балконной двери.

Наружное освещение тоже выключено, и ни в одном из других окон нет света. Территория вокруг дома погружена в абсолютную темноту, за исключением двух пятен света за деревьями у главных ворот. Что за хрень?

Дверь спальни распаивается, заставляя меня подпрыгнуть и обернуться.

— Отойди от окна. — раздается голос Адама с порога.

Слабый желтый отблеск аварийного освещения от небольших встраиваемых светильников, расположенных низко на стенах, едва освещает пространство за ним, падая на пол коридора.

— Адам? Что происходит?

— На нас напали. — Он вводит Тару в мою комнату. Я даже не заметила, как она встала у него за спиной. — Запритесь в ванной. Когда все закончится, кто-нибудь придет за вами.

Снаружи раздается громкий металлический стук. В следующее мгновение рация в руке Адама трещит, а затем комнату заполняет голос Рельи.

— Они прорвались через ворота.

— Нет времени, — кричит Адам и снимает с пояса фонарик, а затем вкладывает его в руку Тары. — В ванную. Сейчас же. Вы оба.

— Тара? Где Драго? — Я задыхаюсь, когда она подталкивает меня к ванной комнате, ведя за собой с маленьким фонариком.

— Он все еще не вернулся со встречи. Пойдем.

Рев двигателей нескольких приближающихся машин проникает сквозь стены. Кроме предыдущего звука, который, как я предполагаю, был вызван тем, что автомобиль протаранил ворота, других звуков нет. Никакой стрельбы. Никто не кричит. В доме тишина. Если особняк атакуют, то разве не будет криков и суеты людей, которые сейчас находятся

внутри? Почему же так жутко тихо?

— Я ничего не слышу, — говорю я, когда мы, спотыкаясь, входим в ванную. — Что, черт возьми, происходит, Тара?

— Румыны решили нанести нам визит. — Она тянется за спину и достает пистолет. Зажав конец фонарика в зубах, она вынимает магазин, чтобы проверить его, затем защелкивает обратно. — Один из парней, стоящих на страже у дороги, сообщил, что к комплексу направляются несколько машин. Они только что прорвались через ворота, так что мы ждем, пока они доберутся сюда.

— Они отключили электричество? — спрашиваю я, не сводя глаз с пистолета в ее руке.

— Нет, — бормочет она, глядя на фонарик. — Мы отключили.

— Что? Зачем?

— Стандартный протокол. — Она бросает мне свой телефон. — Можешь посмотреть, если хочешь.

— У вас есть протокол нападения? — Покачав головой, я сажусь на закрытую крышку унитаза и смотрю на экран, где проигрывается темное, нечеткое видео. Это, конечно, запись с камеры наблюдения, но я не могу понять, с какой именно. Через секунду на экране появляется свет фар, который быстро приближается, освещая подъездную дорожку.

— Они не могут ездить в темноте без света. — Тара фыркает. — Теперь они легкая добыча. Мы их видим, а они нас нет.

— Почему никто не попытался их остановить? — Я задыхаюсь, наблюдая, как четыре черных фургона останавливаются на гравии на некотором расстоянии от дома.

— Стрелять по движущимся машинам — та еще скука. — Она отпихивает меня в сторону, занимая половину сиденья унитаза. — Сейчас.

У меня нет времени спросить ее, что она имеет в виду, потому что внезапная вспышка заполняет экран, освещая передний двор, как будто сейчас полдень. Люди в черной одежде, которые всего несколько мгновений назад высыпали из фургонов, теперь шарахаются в разные стороны, ослепленные направленными на них мощными прожекторами. Тридцать с лишним боевиков, каждый из которых вооружен автоматом, на мгновение превращаются в бездумную орду убийц.

В ночи раздаются выстрелы.

Около десятка человек оказываются распростертыми на земле, а остальные разбегаются по лужайке, стреляя по дому.

— Драго будет в ярости, — пробормотала Тара, услышав звуки выстрелов снаружи.

— Из-за нападения?

— Потому что его здесь нет. — Она хмыкает. — Я прослежу, чтобы... Черт!

Она прерывает разговор, глядя на телефон, когда еще две машины подъезжают к внешней границе света, заливающего подъездную дорожку.

— Твою мать. Блядь! — воскликнула Тара и взяла пистолет с туалетного столика. — Оставайся здесь. Я спускаюсь вниз.

— Что? — Я хватаю ее за предплечье.

— Здесь всего восемнадцать человек. Релья отправил остальных в качестве подкрепления в Наос, когда Миша позвонил полчаса назад. Видимо, нападение там было отвлекающим маневром. У нас слишком мало сил, даже с учетом того, что мы укреплены внутри.

— Я пойду с тобой, — говорю я.

— Нет.

— Но...

— Ты говорила мне, что никогда не сможешь выстрелить в кого-нибудь, Сиенна. — Она смотрит на меня непоколебимым взглядом. — Ты не сможешь помочь. Оставайся на месте.

С этими словами Тара выбегает, закрывая за собой дверь ванной.

Я вглядываюсь в мрачный интерьер вокруг, единственный источник света — отблеск маленького фонарика. Какофония снаружи все еще бушует, но теперь она кажется более контролируемой, чем раньше. Выстрелы не похожи на пулеметную очередь, они раздаются по отдельности, с промежутками. Точные.

Я хватаюсь за край туалетного столика так сильно, что костяшки пальцев заболели. Эхо от выстрелов может быть таким же, как на стрельбище, но совсем другое дело знать, что многие пули попадают в плоть, а не в картонные мишени. Раня, может быть, даже убивая людей Драго. Его семью. Но они уже не кажутся мне просто семьей моего мужа. Они стали моей семьей. Они отбиваются от людей, которые напали на их дом. Мой дом, прямо сейчас. А я прячусь в гребаном туалете.

Я беру со стойки фонарик и бросаюсь в спальню. Балконная дверь приоткрыта, шум снаружи оглушительный. Я еще стою на пороге ванной комнаты, когда шальная пуля ударяет в перила балкона, разбрасывая во все стороны каменные осколки. Мой взгляд падает на тумбочку. Пистолет, который дал мне Драго, спрятан в ящике..

Моя тихая и спокойная сестра убила человека, который похитил и надругался над ней. Ася, которая никогда ни на кого не повышала голос, приставила пистолет ко лбу этого ублюдка и нажала на курок. У меня на такое не хватит духу. Я бы никогда не смогла сделать что-то подобное, независимо от обстоятельств, но спустаться вниз без пистолета — глупо. Я бросаюсь через всю комнату и хватаю "Глок" с прикроватной тумбочки.

* * *

Все хуже, чем я думала. Намного хуже. Я останавливаюсь на полпути вниз по лестнице и окидываю взглядом сцену в коридоре внизу.

Спускаясь по лестнице, я почему-то представляла себе людей Драго, прижавшихся к окнам и лишь время от времени высовывающихся для ответного выстрела. В голове разыгралась целая сцена из боевика. Хорошие парни быстро пускали несколько пуль в сторону врага, а затем отступали в укрытие. В безопасности за толстыми стенами. Невредимые.

Я не могла ошибиться.

Сквозь разбитые окна и широко распахнутую входную дверь льется свет прожекторов, образуя темные пустоты и угрожающие тени. За порогом на полу распростерлось тело мужчины, которого я не узнаю, его пустые глаза смотрят в потолок. Кровь растекается по плитке вокруг него и перетекает на другое тело, лежащее рядом. Дрожащий вздох покидает мои легкие, когда я понимаю, что не знаю ни одного из них. Наверное, это нападавшие.

Адам притаился под окном слева от входа, в его руке пистолет, готовый выстрелить в любой момент. Из раны на плече сочится кровь, заливая разорванную белую футболку. Не обращая на это внимания, он резко выпрямляется, посылая град пуль через разбитое стекло. Как только он падает обратно, снаружи раздается шквал выстрелов. Осколки стекла, деревянные щепки и фрагменты гипсокартона осыпаются вокруг него.

По ту сторону двери двое бойцов Драго ведут ответный огонь. Другой, Релья, рухнул на пол, прижавшись спиной к стене. Он прижимает руку к ране на бедре, кровь просачивается

между пальцами. Через открытые двери, ведущие в парадную столовую, я вижу еще несколько человек, занимающих позиции у окон. Одни стреляют, другие перезаряжают оружие. Большинство из них истекают кровью — от пуль или осколков стекла, но они продолжают сражаться.

Я крепче сжимаю пистолет, но не могу заставить себя двигаться. Мои ноги словно приклеились к деревянной лестнице, и я полностью потеряла контроль над нижними конечностями. Моя грудь быстро поднимается и опускается, звук коротких вдохов смешивается с неровным стуком сердца. Этот громоподобный стук кажется громче всех окружающих звуков. По крайней мере, Драго здесь нет. Был бы он где-то там, посреди этой бури, я бы сошла с ума, беспокоясь о нем.

Тара врывается в дверь кухни с дальней стороны столовой и, пригнувшись к земле, бросается в фойе. Она приседает рядом с Рельей и убирает пистолет в карман брюк. Быстрыми и уверенными движениями она хватается за его запястье и оттаскивает от стены. Релья кричит на нее, но выстрелы слишком громкие, чтобы я могла разобрать, что он говорит. Тара не обращает внимания на его крики и начинает оттаскивать его в сторону, но ей это с трудом удается. Он слишком тяжелый.

Чувство возвращается к моим ногам. Я делаю один шаг вперед, а затем бегу вниз по лестнице. Слева от меня что-то разбивается. Раздается громкий треск, и осколки больно бьют по ногам. Вероятно, это остатки одной из огромных напольных ваз, которые Кева держит вдоль стен. Фарфоровые осколки хрустят под подошвами, пока я спешу к Таре, которая, ухватившись за предплечье Рельи, пытается протащить его по полу.

— Сиенна! Какого черта ты здесь делаешь? — кричит она, когда я подхожу к ним.

— Помогаю своей семье. — Подражая Таре, я засовываю пистолет в пояс своих бирюзовых леггинсов и хватаю Релью за другую руку. — На кухню?

Тара моргает, потом быстро кивает.

К тому времени, как мы доставляем Релью на кухню, он уже теряет сознание и много крови. Ситуация здесь, похоже, не лучше, чем в столовой. Трое мужчин находятся у окон, выходящих во двор, и ведут огонь по противнику. В другом конце комнаты Йован присел у открытой двери на задний двор с пистолетом в руке и целится в темноту на той стороне особняка. Я не успеваю сообразить, что он делает, потому что снаружи раздается низкий рычащий звук, а затем крик, от которого закладывает уши.

— Зевс поймал его, — говорит Йован и подносит ко рту двустороннюю рацию.

Я пропускаю его слова мимо ушей, когда замечаю, что Кева стоит на коленях между кухонным островом и шкафами со столешницей и заканчивает обматывать кухонное полотенце вокруг бицепса парня. Она замечает наше приближение и ползет к нам.

— Прячьтесь за остров! — приказывает она. — Сейчас же! Оба!

— Быстрее. — Тара снова тянет Релью за руку. — Остров пуленепробиваемый.

Кто делает кухонные шкафы бронированными? Я качаю головой.

Кева прижимает ладонь к ране на бедре Рельи, пока мы тащим его последние несколько футов до более безопасного места. Раздается еще один выстрел, пули попадают в приборы и шкафы над нами. Что-то на прилавке шатается и падает на пол.

— Если это моя любимая кофеварка, я убью кого-нибудь, — бормочет Кева, добираясь до ящика и доставая оттуда скатерть. Она разрывает длинную полоску и туго завязывает ее вокруг ноги Рельи. — Этому нужна больница как можно скорее.

— Мы не можем везти его в больницу с огнестрельным ранением! — задыхается

Тара. — Драго убьет тебя.

— Филипп звонил пятнадцать минут назад. Ее дон — Кева кивает в мою сторону, проверяя пульс Рельи, — сказал, что мы можем отвезти раненого в клинику Коза Ностры, если потребуется.

— Дон Аджелло? — удивленно спрашиваю я, одновременно с криком Тары:

— Откуда он, черт возьми, знает?

— Ума не приложу. — Кева качает головой. — Этот человек знает все.

Кажется, все успокаивается, потому что теперь ночь нарушают лишь редкие выстрелы. До меня доносится звук тяжелых шагов, и я заглядываю за кухонный остров, чтобы увидеть, как Бели несет одного из парней на плече.

— Верхняя часть грудной клетки, — кричит он, опуская мужчину рядом с Рельей. — Выходного отверстия нет. Я подгоню фургон к задней двери, и мы затащим их обоих внутрь.

— Снаружи все еще вооруженные люди! — восклицает Кева.

Бели достает из-за спины дробовик и взводит курок.

— Беспкоишься о моем благополучии, сладкий горошек?

Моя челюсть падает на пол. Сладкий горошек? Я думала, Кева и Бели ненавидят друг друга. Когда я смотрю на Тару, она только закатывает глаза и говорит:

— Не спрашивай.

Кева похлопывает его по плечу, а затем обращает внимание на нового пострадавшего. Я помогаю ей снять с парня рубашку, одновременно вознося благодарность небесам за ту встречу, на которую пошел мой муж. Это мог быть он. Знание того, что Драго не попал в эту атаку, — единственное, что не давало мне сойти с ума последние полчаса.

— О, и босс вернулся, — говорит Бели, направляясь к выходу.

Мои руки все еще лежат на рубашке раненого, а в животе зарождается тоскливое чувство.

Глава 22

Я выхожу из-за дерева и целюсь из пистолета в человека, присевшего у фонтана. Пуля попадает ему в затылок, кровь забрызгивает белый мрамор. Я уничтожу всех ублюдков, посмевших напасть на мой дом и семью.

Мой взгляд перескакивает на последнее окно на последнем этаже. Свет погас, как и во всех остальных частях дома. Сиенна, наверное, в бешенстве, но Адам сказал, что оставил Тару с ней. Это обстоятельство несколько сглаживает мою тревогу. Я чуть не лишился чувств, когда получил второй сигнал от Рельи, и едва избежал столкновения с полуприцепом, когда нажал на педаль газа.

Даже в меньшинстве мои люди хорошо отбились от ребят Богдана. Большинство нападавших мертвы, их тела устилают газон и асфальт вокруг брошенных фургонов. Несколько человек еще живы, пытаются затаиться и ждут удобного случая для бегства. Этого не произойдет. Я уже приказал охранять ворота, а Филипп уже там с тремя нашими ребятами, готовыми прикончить любого, кто попытается сбежать.

Справа от меня, когда я направляюсь к особняку, раздается глубокое рычание. Бросаю взгляд в ту сторону и вижу, как Перун и Зевс рвут на части человека в тактической одежде. Света достаточно, чтобы разглядеть подходящие атласные банты на шеях моих собак. Сегодня оранжевые.

На губах появляется улыбка. Это означает, что моя жена одела собак после моего ухода. Она любит сочетать их банты с тем, что надевает сама. Мой сияющий маленький комочек

радости, кажущийся гораздо больше, чем на первый взгляд. Черт побери, я не могу не любить эту женщину.

Звук двигателя машины заставляет меня оглянуться в сторону особняка. Бели паркует фургон рядом с дверью кухни. Адам выходит из дома, держа одного из моих парней в пожарном лифте. Илья и Йован следуют за ним, поддерживая Релью между собой. Я стискиваю зубы. Чертов Сальваторе Аджелло. Терпеть не могу этого человека, особенно зная, что он заставил Сиенну шпионить для него. Хотел бы я сказать ему, чтобы он засунул в задницу свое предложение лечить моих людей в его больнице, но, к сожалению, мы оба знали, что я ни за что не откажусь. И я уверен, что он найдет способ получить деньги за свою услугу. Несомненно, с процентами.

Бели запрыгивает на водительское сиденье, отъезжает, лавируя между машинами румын и мертвыми нападавшими, и направляется к воротам комплекса. Избавиться от всех трупов и фургонов будет очень непросто.

Держа оружие наготове, Адам и Йован подходят к кровавому месиву, скопившемуся перед входными дверями, и осматривают убитых. Илья тем временем направляется к задней части дома.

— Ты нашел Богдана? — спрашиваю я, подходя к нему.

Адам качает головой.

— Я его видел мельком, так что он точно был здесь. Йован проверяет задний двор. Я позвоню парням у ворот и узнаю, может быть, они его поймали.

— Я хочу, чтобы все были начеку, пока его тело не будет найдено.

Перестрелка прекратилась, и, похоже, мы наконец-то закончили облаву на людей Богдана, слава богу, но я не назову ее законченной, пока не увижу труп этого ублюдка своими глазами.

Бросив последний взгляд на трупы, выложенные вдоль дороги, я направился к гаражу, чтобы проверить, не прячется ли там кто-то из ублюдков, но краем глаза уловил отражение мерцающей бирюзовой синевы. Я резко поворачиваю голову в сторону и вижу фигуру, стоящую в дверном проеме кухни. Электричество в доме восстановлено, поэтому я отчетливо вижу, как на меня смотрит моя жена в леггинсах цвета русалки. С моих губ срывается облегченный вздох, когда я вижу, что она цела и невредима. Однако в следующий момент меня охватывает ярость. Неужели она была там все это время, пока вокруг сыпались пули?

— Какого черта, Сиенна! — реву я, прокладывая путь через лужайку и бросаясь к ней. Я убью того, кто позволил ей спуститься вниз. — Возвращайся в дом. Сейчас же!

Она просто смотрит на меня, а по ее щеке скатывается слеза. В ее глазах, устремленных на меня, читается полное облегчение, и моя ярость тут же рассеивается. Она волновалась за меня.

— Я сказал, возвращайся в дом! — Я продолжаю кричать, но она только улыбается. Что же мне с ней делать? Никому не позволено игнорировать мой прямой приказ, но когда речь идет о ней, я не особо возражаю. Черт побери.

Я успеваю сделать всего несколько шагов, как глаза Сиенны бросаются в сторону, куда-то за спину. Улыбка исчезает с ее лица, и на смену ей приходит ужас.

Это не осознанное движение. Никаких рациональных мыслей, только чистый инстинкт, когда я поворачиваюсь на пятках, прикрывая жену и встречаясь с опасностью, которая ждет меня впереди. Мой пистолет взведен, металл греется в ладони, когда я поднимаю руку,

готовый нейтрализовать угрозу.

Но я слишком медлю.

Выстрел пронзает воздух.

Есть моменты, которые, как вы знаете, будут преследовать вас вечно, даже если вы проживете тысячу лет. Эти моменты в корне меняют ваше существование, изменяя траекторию вашей жизни. Перед вами открывается новое путешествие, которого вы не ожидали. Вы не можете его спланировать. Путь, которого вы никогда не видели. Будь то карма или судьба, такие моменты редко случаются по собственному выбору.

Столкнувшись с таким моментом, вы понимаете, что ничто и никогда не будет прежним. Это становится неким узлом, точкой во времени, где все воспринимается как "до" и "после".

В моей жизни уже было два таких случая. Первый — когда Артуро сказал нам, что наши родители умерли. Второй — когда я узнала, что моей сестры больше нет, и ее судьба неизвестна.

Всеми силами я надеялась, что больше никогда не столкнусь с подобным моментом.

Когда я увидела, как из гаража вышел мужчина с поднятым пистолетом и направил его на меня, я замерла. Даже легкие сжались, не в силах втянуть воздух, и все, что я могла делать, — это смотреть. Единственной частью меня, которая еще могла двигаться, было сердце. Оно колотилось с утроенной скоростью, ударяясь о грудную клетку.

Затем передо мной материализовалась огромная фигура Драго. Вместо пистолета мой взгляд остановился на широкой спине мужа.

Бах!

Рука летит к груди, потому что на мгновение я уверена, что сердце перестало биться, пробитое пулей с близкого расстояния. Драго дергается передо мной. Пистолет выскальзывает из его руки и падает на полузамерзшую траву у его ног.

Бах!

Я с криком смотрю, как муж падает на колени и начинает медленно пятиться вперед. Мгновение растягивается, и время останавливается.

Поверх головы Драго я вижу, как мужчина у гаража отбрасывает пистолет и лезет в куртку. Воздух врывается в мои легкие, а вместе с ним и абсолютное спокойствие.

Не задумываясь, я хватаю "Глок" за спиной. Я даже забыла, что он у меня есть, когда стрелок прицелился в меня. Хотя в тот момент я не уверена, что достала бы его, если бы вспомнил. Теперь все сомнения исчезли.

Противник достает из куртки другое оружие, замахивается стволом, чтобы добить Драго. Его выбор. А я делаю свой.

Рука тверда, когда я поднимаю пистолет, дыхание ровное. Я почти не замечаю криков, доносящихся из подъезда, они становятся все громче, все ближе. За долю секунды я прицеливаюсь в голову парня и, ни секунды не раздумывая, нажимаю на курок.

Бах!

Мужчина отшатывается назад. На месте левого глаза появляется большая красная дыра.

Я сделала это.

Я убила его.

Я забрала жизнь. И я не жалею об этом.

Пистолет выпадает из моей руки, и я бегу. К Драго, лежащему на боку на холодной, мертвой лужайке.

— Малыш. — Сдавленный шепот срывается с моих губ, когда я опускаюсь на траву рядом с ним и осторожно переворачиваю его на спину.

Передняя часть его рубашки пропитана кровью. Я хватаю ее за края и разрываю, затем надавливаю ладонями на две кровоточащие раны в верхней части груди. Несмотря на все мои усилия, красная жидкость продолжает просачиваться между пальцами.

Окровавленная рука Драго касается моей щеки. Я поднимаю взгляд и встречаюсь с его глазами.

— Я думал, ты падаешь в обморок при виде крови, — говорит он едва слышным шепотом.

Крики и топот бегущих ног все ближе, но я не могу отвести от него взгляд.

— Не смей умирать у меня на глазах, Драго, — задыхаюсь я, в то время как слезы текут по моим щекам. — Не смей, мать твою.

Чьи-то руки хватают меня сзади, оттаскивая в сторону. Илья опускается рядом с Драго, прижимая свой свернутый плащ к ранам на торсе моего мужа. Он загораживает мне обзор, и я не вижу глаз Драго. Я рычу, брыкаюсь ногами, пытаюсь освободиться. Мне нужно увидеть его глаза! Почему-то я уверена, что пока я могу удерживать его взгляд, я смогу сохранить ему жизнь.

Рядом с нами останавливается машина, и тут Филипп и Йован поднимают Драго и кладут его на заднее сиденье. Я кричу. Вою. И обнажаю зубы. Сильные руки обнимают меня, удерживая на месте. Мужской голос говорит что-то о том, что я должна уступить им место. Я впиваюсь зубами в его предплечье, и металлический привкус заполняет мой рот.

— Господи! — кричит кто-то. — Отпусти ее, Адам. Она может ехать с ним сзади.

Как только я освобождаюсь, я бросаюсь к машине и забираюсь внутрь. Я опускаюсь на пол заднего сиденья и прижимаю ладони к рукам Драго, прижимающего пальто Ильи к своей верхней части тела. Боже мой, как много крови.

— Посмотри на меня! — кричу я, когда машина дергается вперед.

Я не уверена, что он меня услышал, но его веки открываются, и его зеленый взгляд встречается с моим.

— Хорошо. — Я киваю. — Мы едем в больницу, где тебя подлечат. И всю дорогу туда ты должен держать глаза открытыми.

Драго переводит взгляд на мою макушку, в уголках его глаз собираются морщинки.

— Я должен был догадаться.

— Что?

— Оранжевый бант. Как у собак. — Он смеется, затем раздражается кашлем, хрипло дыша.

Я поджимаю губы, из которых вот-вот вырвется полусмех-полувсхлип.

— Я знала, что тебе понравится.

Мой голос срывается, и я с трудом сплываю, пытаюсь сохранить самообладание и равновесие. Тот, кто сидит за рулем, похоже, ведет машину как маньяк. Я чувствую каждую кочку, каждый изгиб дороги, при каждом движении я ударяюсь головой о спинку пассажирского сиденья.

— Я люблю в тебе все, мой маленький сияющий шпион. — Он поворачивает руку, переплетая свои пальцы с моими.

— Даже мою курточку?

— Особенно, — он делает неглубокий вдох, — особенно твою курточку, mila moja.

Я больше не могу сдерживать слезы, и я позволяю им упасть.

— Я люблю тебя, Драго.

Слабая улыбка растягивает его губы.

— Я знаю.

Его рука скользит по моей руке к шее и притягивает меня к себе, чтобы прошептать рядом с моим ухом.

— Я влюбился в тебя, в тот момент, когда увидел тебя в том ужасном золотом сверкающем комбинезоне.

Я закрываю глаза и прижимаюсь губами к его губам.

— Пожалуйста, не оставляй меня.

Машина с визгом останавливается. Двери распахиваются, и люди в медицинских халатах поднимают Драго, укладывая его на каталку. Когда я выбираюсь из машины, они уже врываются через раздвижные двери больницы.

Мои глаза прикованы к их удаляющимся спинам, когда я бегу, бегу вслед за ними и за своим мужем. Я не выпускаю его из виду.

* * *

Прижав окровавленные ладони к стеклу, я смотрю на врачей и медсестер, собравшихся вокруг операционного стола. Одна из медсестер настаивала на том, чтобы я осталась в приемной, но я сказала ей, что убью любого, кто попытается оторвать меня от моего мужа. Должно быть, она поверила, потому что вскоре меня проводили в эту маленькую комнату для наблюдения. Это было несколько часов назад.

— С ним все будет хорошо, — говорит рядом со мной женский голос.

— Вы не можете этого знать, — пролепетала я, не обращая внимания на собеседницу.

— Поверьте мне. У моей тещи больше опыта работы с огнестрельными ранениями, чем у всего отделения неотложной помощи нью-йоркской больницы. — Она постукивает ногтем по стеклу окна. — Я про ту стильную даму, которая сейчас находится по локоть в груди вашего мужа. Илария.

Я бросаю быстрый взгляд на женщину рядом со мной. Милен Аджелло. Жена дона.

— На прошлой неделе я видела, как она голыми руками выковыривала пулю из бедра Пьетро, — продолжает она. — Иногда я просто чертовски ненавижу эту жизнь, понимаешь?

— Но ты все равно вышла замуж за нашего дона, — говорю я, возвращаясь к наблюдению за происходящим в операционной.

— Да, но он вроде как угрожал начать войну, если я этого не сделаю. — Тон Милен серьезен, но в отражении стекла я вижу, как ее губы изгибаются в улыбке. — Если бы я тогда не была на него чертовски зла, я могла бы подумать, что это романтично.

Мне трудно представить, чтобы Сальваторе Аджелло можно было назвать романтичным. Это все равно, что назвать гильотину восхитительной.

— Становится ли когда-нибудь легче? Постоянный страх? Что случится что-то плохое? — спрашиваю я.

— Нет. Не совсем. — Она обхватывает пальцами мое предплечье и слегка сжимает. — Вот как это бывает, когда ты влюбляешься в опасного мужчину.

Мы оба смотрим в операционную. Они, должно быть, заканчивают работу. Бешеный темп и срочность, охватившие палату в начале операции, ослабли, и я решила, что это хороший знак.

— Хочешь, я найду тебе сменную одежду? — Еще одно сжатие моей руки. — Ты вся в

крови.

— Я попрошу Йована принести мне что-нибудь, — говорю я, не отрывая взгляда от Драго. Когда вокруг него так много медицинского персонала, я могу лишь мельком увидеть его руку и ноги.

Милен уходит, ее удаляющиеся шаги эхом разносятся по коридору. В операционной мать дона отходит от операционного стола, снимает синий хирургический халат и перчатки и бросает их в мусорный бак. Затем она снимает маску и обращается к медсестре, стоящей рядом с ней.

Когда Илария поднимает глаза, наши взгляды встречаются через окно. На безупречном в чистом стекле — отпечатки моих рук. Кровь моего мужа. Ее так много.

Когда Илария выходит из палаты и направляется в мою сторону, паника, которую я тщательно контролировала, нарастает. Я делаю шаг назад и пытаюсь успокоить сердцебиение, когда она открывает дверь в комнату для наблюдения.

Я задерживаю дыхание.

— Он будет жить.

Мои легкие расширяются, когда я вдыхаю. Первый настоящий вдох за последние четыре часа. Илария говорит что-то еще — подробности о том, что было сделано во время операции, и о том, что ожидается в процессе восстановления, — но я едва слышу это, поскольку в моем мозгу повторяются только три слова.

Он будет жить.

Глава 23

Я чертовски ненавижу больницы.

Один только запах вызывает у меня самые худшие воспоминания.

Опустив взгляд на бок, я замечаю спящую Сиенну. Когда я проснулся, она лежала на кровати рядом со мной, уткнувшись лицом в мою шею, и крепко держала меня за руку. Она даже не шелохнулась, когда пришел врач и стал что-то рассказывать о моих ранах. Я оборвал женщину, в ту же минуту как она начала говорить, и велел ей вернуться, когда моя жена проснется. Мне все равно, что она мать Аджелло, никто не имеет права будить мою Сиенну.

Я протягиваю руку и убираю назад несколько спутанных прядей, упавших на лицо Сиенны. Я был на сто процентов уверен, что не выживу, но мысль о том, чтобы оставить ее, была неприемлема. Поэтому я цеплялся за жизнь одной лишь силой воли. Если бы она не была со мной в машине и не умоляла меня глазами продолжать бороться, я бы, наверное, умер еще до того, как мы приехали в больницу.

Дверь в палату открывается, и Адам входит внутрь. Я прижимаю палец к губам, подавая ему знак замолчать.

— Все справились, — говорит он, но поскольку я ничего не слышу, он, скорее всего, произносит эти слова одними губами. — У Рельи задета артерия, но с ним все будет в порядке.

Я киваю и переключаю внимание на четкий отпечаток зубов на его предплечье.

— Неужели люди Богдана прибегли к укусам, когда у них кончились патроны? — шепчу я.

— Это была твоя жена. — Он переносит вес с одной ноги на другую. — Я пытался удержать ее, пока ребята грузили тебя в машину.

Приподняв бровь, я смотрю вниз на ангельское личико, прижавшееся к моему боку. Маленький чертёнок.

— Богдан? — спрашиваю я.

— Мертв. Сиенна выстрелила ему в глаз. Клянусь, если бы я сам не увидел, я бы ни за что не поверил.

Да, моя искрометная жена способна на многое, а ведь мы еще только пощупали поверхность. Мне не терпится провести всю жизнь, знакомясь с каждым из ее достоинств.

— Тара и Кева снаружи. Могу я сказать, чтобы они зашли? — спрашивает он.

— Нет. Скажи им, что со мной все в порядке и пусть заходят через час или около того.

Когда Адам выходит из комнаты, я оглядываюсь на свою спящую жену. Она начинает просыпаться.

— Слышал, что ты начала кусать моих мужчин. — Я поднимаю руку и очерчиваю линию ее маленького носика. — Может, мне стоит ограничить твои игры с моими собаками, Сиенна? Они могут плохо на тебя влиять.

Ее губы дрожат, и она закрывает глаза. Когда она снова открывает их, темно-карие глаза наполняются слезами.

— Следи за моим ртом очень внимательно, Драго, — прошептала она. — Чтобы ничего не пропустить.

— Хорошо.

— Мне пришлось прижать руки к твоей искалеченной груди, чтобы ты не истек кровью. Можешь ли ты представить, каково это — наблюдать, как любовь всей твоей жизни умирает у тебя на глазах? Следить за каждым вздохом, гадая, будет ли он последним? Если бы ты сейчас не был подключен к чертовой машине, отслеживающей твое сердцебиение, я бы ударила тебя по лицу, — вырывается у нее, а слезы текут по щекам. — Если ты посмеешь выкинуть такое дерьмо еще раз, я убью тебя.

Я улыбаюсь и приподнимаю ее подбородок вверх, чтобы поцеловать в губы.

— Должен сказать, что когда я представлял себе тот момент, когда ты наконец признаешься мне в любви, в моем воображении не было угроз смерти.

— Конечно. — Ее пальцы гладят мои волосы. — Я люблю тебя. Но ты и так это знаешь.

Я наклоняюсь вперед и покусываю ее нижнюю губу.

— Да. Я вижу тебя, моя Сиенна. И всегда видел. Почему тебе было так трудно это сказать?

Она вздыхает, и когда ее глаза встречаются с моими, они кажутся такими печальными.

— У меня было глупое убеждение, что если я никогда не признаюсь в своих чувствах к тебе, то ты будешь в безопасности, — говорит она. — Люди, которых я люблю, часто страдают из-за меня.

— О чем ты говоришь?

— Мои родители. Ася.

— Твои родители умерли, когда ты была ребенком. Ты никак не могла быть виновата в их смерти. Я знаю, потому что уже много лет общался с твоим братом и изучил его прошлое. Мiла, твои родители попали под перекрестный огонь и стали жертвой амбиций жестокого человека. Старый дон Нью-Йорка сделал все, чтобы защитить свой народ. В том, что случилось с твоими родителями и с твоей сестрой, нет твоей вины. Мы уже говорили об этом, детка.

По ее щеке скатывается слеза.

— Ты чуть не умер ради меня. Ты поставил себя между мной и...

— Нет. — Я прижимаю палец к ее губам. — Это была моя вина. Я затеял всю эту кашу с

Богданом, и я отвечаю за ее последствия. Ты не имеешь к этому никакого отношения. Понятно?

— Тогда, может, хватит провоцировать людей? Я не думаю, что смогу пройти через это снова, потому что каждый раз, когда я закрываю глаза, я вижу тебя в крови. — Ее губы дрожат. — Я была так напугана, Драго. Я никогда в жизни не была так напугана.

— Я буду стараться изо всех сил. — Я провёл рукой по её спине и зацепил пальцем пояс её лаймово-зелёных леггинсов. — Но сначала нам нужно стереть эти образы из твоего сознания и заменить их чем-то другим.

Глаза Сиенны вспыхивают.

— Ты же не серьезно.

— Ты хочешь, чтобы мне было больно? Потому что с того момента, как я проснулся с тобой, прижавшейся к моему боку, мой член стал твердым, как гребаный стальной прут.

Ее взгляд скользит по моей обнаженной груди, мимо бинтов, обмотанных вокруг верхней части туловища и пресса, и останавливается на огромной выпуклости в боксерах.

— На этот раз тебе придется быть сверху, — добавляю я.

Сиенна прикусывает нижнюю губу между зубами, и от этого зрелища я чуть не срываюсь.

— Не думаю, что это хорошая идея, Драго.

— Я сказал, — я беру ее подбородок между большим и указательным пальцами и наклоняю ее голову к себе, — садись. На. Мой член. — Я еще немного надавил на нее. — Сейчас, Сиенна.

Ее глаза не отрываются от моих, пока она снимает леггинсы и оранжевые трусики в тон банту, затем стягивает мои трусы-боксеры с бедер, обнажая мой пульсирующий член. Она закидывает одну ногу мне на бедра и, упираясь руками в края кровати по обе стороны от меня, прижимается своим телом прямо к моей твердой длине.

— Слишком безрассудно, — пробормотала она. — Что, если ты порвешь швы?

Переместив руку к ее киске, я надавливаю большим пальцем на ее клитор, массируя его медленными, крошечными кругами. Мне плевать на эти чертовы швы. Меня не волнует ничего, кроме того, что мой член находится внутри моей жены. После всего, что произошло, потребность в самом плотском единении невозможно игнорировать. Влага покрывает мои пальцы, но я продолжаю дразнить ее, наблюдая, как она судорожно втягивает воздух.

— Скажи мое имя, — призываю я и щипаю ее за клитор.

— Драго, — стонет она, но я не улавливаю полного звука.

— Громче.

Ее волосы падают на лицо, и она смотрит на меня сверху вниз.

— Мы в больнице!

— Я сказал, — я снова ущипнул ее за клитор, на этот раз сильнее, — громче.

— Драго!

Я позволяю звуку овладеть мной, затем вынимаю палец из ее киски и хватаю ее за талию, притягивая к себе. Смесь боли и удовольствия охватывает меня, когда она принимает мою длину в свои внутренние стеночки. Я чувствую напряжение в мышцах и натяжение швов на коже, но не обращаю внимания на боль и жжение и сосредотачиваюсь на виде моей жены, тяжело дышащей надо мной. Такая красивая. И моя.

Мой член еще не вошел в нее даже наполовину, а ее киска уже сжимается вокруг него. Большую часть своего небольшого веса она переносит на руки. Маленькая искрящаяся

шалунья проявляет осторожность, пытаюсь облегчить мне задачу. Не получается.

Держа ее за талию, я приподнимаю ее и опускаю вниз, насаживаясь на нее. В моей груди раздается стон, когда я полностью погружаюсь в ее сладкое тепло.

— Драго! — Сиенна задыхается и пытается подняться, но я удерживаю ее на месте, восхищаясь ощущением того, что нахожусь в ней.

— Не смей слезать с моего члена, — рывкаю я. — А теперь оседлай меня, или, клянусь Богом, я вырву эти гребаные трубки и ты окажешься подо мной.

Сиенна качает головой и наклоняется вперед, выравнивая свое лицо с моим.

— Ты мазохист, любовь моя.

— Возможно. — Я врезаюсь в нее снизу, и один из швов расходится.

Мое имя слетает с губ Сиенны, вероятно, это крик, поскольку я уловил его часть. Я смотрю, как она крутит бедрами, каждое движение приближая меня к краю пропасти.

Дверь в палату внезапно распаивается, и внутрь вбегает медсестра. Да, это определенно был крик. Глаза женщины выпучиваются при виде нас, ее рука в шоке взлетает ко рту.

— Вон! — рычу я. — Сейчас же!

Медсестра перекрестилась и, развернувшись на пятках, выскочила из комнаты.

— Драго, — прохрипела Сиенна, насаживаясь на мой член. — Кто-то только что вошел к нам?

— Конечно, нет, *mila moia*. — Я перемещаю руку к ее киске и нажимаю большим пальцем на ее клитор. — А теперь кончи для меня, моя сверкающая звездочка.

Сиенна откидывает голову назад, ее тело содрогается от спазмов мышц.

— Это моя девочка, — простонал я и взорвался в ней, чувствуя при этом, как еще несколько швов разошлись.

Глава 24

Два месяца спустя

— Сначала пристегнись, Сиенна.

Изо всех сил стараюсь сохранить серьезное выражение лица, я пристегиваюсь и кладу руки на руль.

— Включи зажигание здесь. — Драго указывает на кнопку в правой части приборной панели, затем переводит руку на рычаг переключения передач. — Сейчас мы на парковке. Нужно нажать на тормоз и переключить передачу на режим вождения.

Моя решимость ослабевает, и я чувствую, как мои губы подрагивают. Хотя я и не очень умелый водитель, но хорошо знаю, как завести машину.

Когда я попросила Драго научить меня водить машину все эти месяцы назад, мы не были в хороших отношениях, и я просто искала способ провести время наедине с ним. После всего, что произошло с тех пор, это совершенно вылетело у меня из головы, до сегодняшнего дня.

В последнее время Драго был очень напряжен, ходил с хмурым лицом, пытаюсь наверстать все дела после нескольких недель восстановления после ранения. Поэтому после обеда я решила, что пора заняться чем-то веселым, и попросила его наконец-то дать мне урок вождения. При этом я утаила тот факт, что Артуро учил и меня, и Асю водить машину, когда нам было по шестнадцать лет.

— Обязательно проверь зеркала заднего вида и боковые зеркала, прежде чем выезжать на обочину, — продолжает он.

— О, я уже проверила свой макияж. Я в порядке.

Драго сужает на меня глаза.

— Чтобы убедиться, что сзади или рядом с тобой никого нет, Сиенна. А не для того, чтобы заново накрасить губы.

— О, конечно. — Я хихикаю. — Как насчет того, чтобы сначала помыть лобовое стекло? Где та штука, которая разбрызгивает воду?

— Лобовое стекло и так в порядке. Положи правую ногу на педаль газа... — Он смотрит вниз на мои ноги. — Господи, Сиенна.

— Что? — спрашиваю я, когда его глаза встречаются с моими, и на его лице появляется недоверчивое выражение. — Ты сказал мне надеть удобную обувь.

— Ты не будешь учиться водить машину на четырехдюймовых каблуках.

— Почему? Это мои любимые ботинки. Очень удобные. Видишь? — Я включаю зажигание, переключаюсь и резко даю на газ. Машина рвется вперед.

— *Jebo!* (с серб. Черт!) — рычит Драго и хватается за руль. — Остановись! Сейчас же!

Я сбрасываю газ и нажимаю на тормоз, останавливаясь в двух шагах от клумбы Бели.

— Все прошло хорошо, не так ли?

В уголках глаз Драго появляются морщинки, когда он наблюдает за мной. Его губы плотно сжаты, как будто он едва сдерживает приступ смеха.

— Да, все было хорошо, детка. Переключись на заднюю передачу и проедь немного назад. — Он кладет свою руку поверх моей на рычаг переключения передач и включает передачу, затем перемещает свою ладонь на мою ногу. — Слегка нажми на газ.

— Хорошо. — Я доезжаю до места старта, но, как бы нарочно, останавливаюсь позже, чем следовало бы. Задняя часть машины оказывается в кустах можжевельника.

Драго вздрагивает.

— Вот и хорошо. — Он тихо бормочет по-сербски: — *Keva se glavu da mi otkine.*

— Зачем Кеве отрывать тебе голову?

— Машина ее.

— Почему мы используем машину Кевы?

— Все остальные машины с механической коробкой передач. Автоматическая гораздо проще для новичков, — говорит он серьезным тоном. — Давай попробуем еще раз, но на этот раз медленно.

— Насколько медленно?

Он берет меня за подбородок пальцами и касается моих губ своими.

— Достаточно медленно, чтобы мы никого не убили.

— Окей. — Я улыбаюсь и нажимаю на педаль газа совсем чуть-чуть.

Машина движется вперед со скоростью улитки, и Драго одобрительно кивает.

— Хорошо. Теперь чуть быстрее и попробуй развернуться в конце подъездной дорожки.

Мы движемся со скоростью не более десяти миль в час, а он держит левую руку на руле, осматривая подъездную дорожку, словно ожидая, что я в любой момент сверну в сторону и врежусь в живую изгородь из вечнозеленых деревьев. Мне очень трудно сохранять самообладание, видя, как он так сосредоточен на задаче.

— Все в порядке, Драго. — Я улыбаюсь и скольжу рукой по его руке на руле. — Можешь отпустить. Я умею вести машину.

— Конечно, умеешь. — Он кивает в сторону лобового стекла. — Смотри на дорогу.

Вздыхнув, я нажимаю на газ.

— Сиенна. Сбавь скорость, детка.

Следующие пятьдесят ярдов я еду с умеренной скоростью, затем дважды объезжаю ландшафтный островок на подъездной дорожке перед домом и аккуратно паркую машину возле гаража.

— Ну как? — Я ухмыляюсь. — Похоже, я быстро учусь.

Драго смотрит на меня сузившимися глазами, затем снова хватается меня за подбородок.

— Кто научил тебя водить машину? Кто-то из моих людей? Я хочу знать имя.

— Мой брат научил меня. Много лет назад. — Я наклоняю голову и покусываю его большой палец. — Тебе нужно было немного расслабиться. Ты слишком много работаешь.

— И это твоё представление о расслаблении? — Тон его голоса серьезен, но губы приподнимаются.

Я наклоняюсь вперед и касаюсь его носа своим.

— Тебе было весело. Признай это.

— Мне очень нравятся твои выходки. — Он проводит тыльной стороной ладони по моей щеке. — Но у меня есть идея получше, как нам провести "веселье" и "отдых", Сиенна.

— Оно включает в себя езду со мной?

— Определенно включает. — Он отодвигает свое сиденье назад, затем обхватывает меня за талию, помогая мне перебраться через центральную консоль к нему на колени.

Я тянусь к молнии Драго, когда замечаю, что Филипп подходит к машине сзади.

— Черт. Филипп идет к нам.

— Просто не обращай на него внимания, и он уйдет. — Драго ласкает мое бедро, задирая юбку и покусывая нижнюю губу.

Филипп подходит к пассажирской двери и стучит в окно, затем заглядывает внутрь и мотает головой в сторону.

— Драго? — Я задыхаюсь, когда его рука проскальзывает между моих ног, и его пальцы касаются моей киски поверх мокрых трусиков: — Не думаю, что он собирается уйти.

— Черт возьми, Иисусе, — Драго опускает окно и бросает на Филиппа грозный взгляд. — Чего тебе?

— Ты сказал, чтобы я сообщил тебе, как только узнаю что-нибудь о ситуации в Бостоне, — пробормотал второй помощник командира. — Может, мне стоит зайти попозже? Вы двое кажетесь... занятыми.

Теплый румянец разливается по моим щекам, и я зарываюсь лицом в шею Драго.

— Твои способности обломщика на высоте, — огрызаюсь я. Неужели я не могу уделить двадцать чертовых минут своей жене? — Что случилось в Бостоне?

— Дон Леоне скончался, — говорит Филипп, его взгляд устремлен на крышу автомобиля. Кажется, мы доставляем ему неудобства. Хорошо.

— Он много болел, так что это было ожидаемо. Кто возьмет на себя заботу о Семье? — Я оттягиваю трусики Сиенны в сторону и кончиком пальца поглаживаю ее мокрую киску.

— Нера Леоне.

— Женщина, официально возглавляющая семью Коза Ностра? — Мои брови сходятся вместе. — Это будет впервые.

Теплое дыхание Сиенны овеивает мою шею, и она вздрагивает, когда я ввожу в нее палец.

— Ну, это ненадолго, — продолжает Филип. — Один из наших информаторов только что прислал сообщение. Кто-то напал на нее.

Понятно. Готов поспорить, что это кто-то из ее собственной Семьи.

— Каково вознаграждение?

— Два миллиона. И сицилийцы уже взялись за работу.

— Черт. Когда?

— Вчера. — Он переминается с ноги на ногу, а его глаза блуждают куда угодно, кроме салона машины. — Может, сообщить Нере? Чтобы она усилила охрану или еще что-нибудь?

— Сицилийцы работают двадцать четыре часа. Если они взялись за дело вчера, то она уже мертва. — Я просовываю еще один палец в киску жены, наслаждаясь тем, как дрожит ее тело. — И если это все, что ты хотел мне сказать, то тебе лучше убираться, иначе ты тоже будешь мертв.

— Понял. — Филипп поворачивается каблуках и широкими шагами направляется обратно к дому.

Переставив свою руку, я щиплю клитор Сиенны, затем нажимаю на него большим пальцем. Она крепче прижимается ко мне, ее зубы впиваются в кожу на моей шее, когда она кончает мне на руку.

— Это было быстро. — Я зарываюсь носом в ее волосы, чтобы вдохнуть ее аромат, и чуть не задеваю глазом декоративный цветочный гребень, закрепленный на ее макушке. — Может, перестанешь покупать опасные аксессуары для волос?

Сиенна хихикает мне в шею и извивается попкой, насаживаясь на мой ноющий член. Я скольжу ладонями по ее милой попке и хватаю край трусиков, разрывая их.

— Желтые? — спрашиваю я, вытаскивая из-под нее кружевную ткань.

— Да, — отвечает она, возясь с молнией на моих джинсах. — Твой любимый цвет.

Как только мой член освобождается, я хватаю ее за ягодицы и насаживаю на свой пульсирующий член. Сиенна вдыхает и, обхватив мое лицо ладонями, прижимается лбом к моему.

Большинство тихих звуков, которые она издает, теряются для меня, и я ненавижу, когда меня лишают возможности слышать ее стоны и вздохи, когда она скачет на мне верхом. Но я все равно чувствую, как ее дыхание смешивается с моим. Кончики ее пальцев, глядящих мое лицо. Дрожь, проходящую по ее телу. Каждый ее поступок заставляет мою душу светиться.

— Желтый — не мой любимый цвет, — бормочу я в ее губы, яростно атакуя их. — Ты вся, *mila moa*.

Глава 25

Неделю спустя

— Там что-то важное, раз ты не можешь перестать смотреть на свой телефон? — спрашиваю я, когда Драго в десятый раз за последний час опускает свой телефон на стол. — Срочное дело?

— Да. — Он кивает и невозмутимо тянется за кофе.

Я сужаю на него глаза.

— Хм-м-м... Если дело срочное, то почему мы все еще сидим в ресторане, пьем вторую чашку кофе после того, как все утро потратили на покупку мне туфель?

— Теперь ты жалуешься, что я купил тебе туфли?

— Ты сам настоял на том, чтобы мы приехали в торговый центр в семь, Драго.

Я пыталась объяснить ему, что ни один торговый центр не открывается раньше девяти, но он не слушал. Он просто вынес меня из дома, запихнул в машину и уехал с территории на бешеной скорости, как будто за ним кто-то гнался.

— Может быть, я просто хотел насладиться ленивым утром со своей женой. — Он

пожал плечами.

— Ты самый худший трудоголик на свете. Удивительно, что ты вообще знаешь, что такое "ленивое утро". — Я бросила быстрый взгляд на часы Драго. Половина одиннадцатого. — И уже почти полдень.

Телефон Драго вибрирует от входящего сообщения. Он бросает взгляд на экран, затем достает бумажник и бросает на стол несколько купюр.

— Мы возвращаемся.

— Так ты не собираешься рассказать мне, что происходит?

— Нет.

Я вздыхаю и поднимаюсь, чтобы расправить платье. Оно симпатичное, оранжевое, с широким лавандовым поясом, который подходит по цвету к красивым сапожкам с открытым носком, которые купил для меня Драго.

— Ты меня пугаешь. Ты уверен, что все...

Рука Драго обхватывает меня за талию, и я удивленно вскрикиваю, когда он поднимает меня. Его глаза впиваются в мои, когда он прижимает меня к своей груди, а мои ноги болтаются над землей.

— Все в порядке, Сиенна. Но нам нужно поторопиться.

— Куда? — Я легонько прикусываю его нижнюю губу.

— Увидишь.

Я пытаюсь убедить его рассказать мне, что происходит, пока он несет меня на улицу и через парковку, но он не произносит ни слова. Его губы не размыкаются и во время поездки, слегка изогнутые в самодовольной, едва заметной улыбке.

— Что это за машины? — спрашиваю я, когда он сворачивает на дорогу, ведущую к особняку. Машины припаркованы с каждой стороны, их десятки. — Эй, это же машина Артуро.

Мой муж продолжает ехать, словно не замечая огромного количества машин, которые тянутся до самых ворот и дальше.

— Драго!

— Да, mila?

— Что происходит? Что здесь делают все эти машины?

— Прости, детка. Я не расслышал, — говорит он, когда мы подъезжаем к въезду на территорию комплекса.

Ворота начинают сдвигаться в сторону, открывая туннель из огромных цветочных арок, которые выстраиваются вдоль подъездной дороги к особняку. Я с открытым ртом смотрю на множество разноцветных цветов — большие розовые и красные розы, лилии, нарциссы и многие другие, вплетенные в ветви зелени, из которых состоят конструкции, и перевязанные широкими шелковыми лентами.

Между арками виднеются два огромных белых шатра, расположенных по обе стороны лужайки. Полотна шатров свернуты, открывая взору длинные столы, покрытые ярко-желтыми скатертями и цветочными композициями. Элегантно одетые люди толпятся повсюду — внутри палаток и на лужайке, — наслаждаясь напитками и закусками, в то время как официанты снуют между ними. Там, должно быть, по меньшей мере пятьсот человек, может, больше.

— Драго? — выдыхаю я.

Когда машина останавливается в конце арочного туннеля, прямо перед

благоустроенным островком подъездной дороги с фонтаном посередине, откуда-то слева от нас внезапно раздаётся музыка. Все еще находясь в шоке, я нахожу глазами Драго, который сидит, скрестив руки на руле, и наблюдает за мной с забавной ухмылкой на лице.

— Ты сказала, что хотела бы, чтобы мы побывали еще на одной svadbe, — говорит он. — И вот мы здесь.

— Но... но чья это svadba?

Драго наклоняется вперед и кладет ладонь мне на щеку.

— Она наша, детка.

Я сглатываю, пытаюсь сохранить самообладание. А я-то думала, что не смогу полюбить этого человека сильнее, чем уже люблю. Мои губы так сильно дрожат, что я с трудом могу говорить.

— Почему?

— Потому что я знаю, что ты хотела этого. — Он прижимается своим ртом к моему, затем бормочет в мои губы. — Но никаких танцев на столе, Сиенна.

Я просто улыбаюсь. Что это будет за svadba, если невеста не будет танцевать на столе?

Эта мысль покидает меня, когда я снова теряюсь в своем муже. Его вкус, его запах, ощущение его ладони, скользнувшей к моему затылку и притянувшей меня ближе. Я тону в абсолютном блаженстве, когда справа от нас раздаётся пронзительный, гневный крик. Я отрываюсь от поцелуя и смотрю в открытое окно, ища источник крика.

Группа людей собралась вокруг чего-то прямо возле одной из шатров. В толпе я узнаю Релью и еще нескольких людей Драго, а также дона Аджелло и его жену, стоящих чуть в стороне.

— Что за хрень, — бормочет Драго и выходит из машины. Я тоже выскакиваю и рысью бегу за ним, недоумеваю, что, черт возьми, происходит.

— Ах ты, гнусный итальянский ублюдок! — кричит Тара откуда-то из круга зрителей. — Как ты смеешь приходить сюда после того, как напал на моего брата!

— Вам следует обратиться за профессиональной помощью по поводу ваших проблем с гневом, леди, — ровным тоном отвечает Артуро.

— О, да? Я покажу тебе профессионала.

Несколько человек делают поспешный шаг назад, выставляя Тару посреди толпы, которая тянется к тарелке с канане на соседнем фуршетном столе.

— Тара! Не надо, — кричу я, бегом пересекая лужайку вслед за Драго.

Не знаю, услышала ли она меня или просто решила проигнорировать мое предупреждение, потому что она запускает огромный круглый сервировочный поднос в сторону моего брата, как будто это огромная летающая тарелка. С серебряного снаряда слетают десятки кусочков закусок, попадая в тела и лица людей, собравшихся вокруг сцены, а импровизированное оружие рассекает воздух в направлении головы моего брата. Артуро в последний момент успеваешь увернуться, и блюдо оказывается в кустах роз позади него.

— Гребаная психопатка! — рычит он и бросается к Таре, которая уже тянется за чем-нибудь другим. — Ты что, выросла в долбанных джунглях?

Все вокруг словно застыли на месте, глядя на разворачивающуюся перед их глазами суматоху. Даже музыка стихла, и я замечаю, как участники группы покидают сцену на возвышении и подкрадываются поближе, чтобы получше рассмотреть происходящее.

— Тара! — вопит Драго, приближаясь к ней.

На губах Тары появляется злая ухмылка, и она хватается со стола огромный кувшин,

наполненный пуншем. Невероятно элегантно движением поворачивается на каблуках, и полы ее длинного бледно-голубого платья с запахом развеваются при вращении и открывают ее длинные ноги, облаченные в кружевные чулки, которые поддерживаются набором подвязок того же лазурного оттенка. Розовая жидкость забрызгивает лицо и грудь моего брата. Кусочки лимона прилипли к лацканам пиджака и передней части рубашки.

Слишком поздно, но Драго все-таки добирается до сестры. Он перекидывает ее через плечо, она роняет стеклянный кувшин и кричит, чтобы он поставил ее на землю. Не обращая внимания на ее крики, мой муж продолжает нести Тару к дому. Тем временем я подхожу к Артуро и останавливаюсь перед ним. Его руки сжаты в кулаки, он в ярости. Я почти представляю себе пар, поднимающийся от его влажной одежды и кожи.

— Эту сумасшедшую надо запереть в гребаной психушке, — прорычал он сквозь зубы.

Я прикусываю нижнюю губу, чтобы не разразиться смехом, и тянусь, чтобы смахнуть лимонную дольку с его плеча.

— Она просто немного защищается. Ты преувеличиваешь.

— Это я преувеличиваю? — огрызается Артуро, проводя ладонью по передней части своего пиджака дизайнерского покроя, с которого капает пунш в лужу у его ног. — Поверь, я не преувеличиваю. Боже, как мне жаль того, кто решит жениться на этой психопатке.

Я вздыхаю. Семейные посиделки и праздники определенно обещают быть интересными.

* * *

Несколько дней спустя, Нью Йорк.

Пентхаус Сальваторе Аджелло

Я делаю глоток лимонада, наблюдая за своим мужем через ободок бокала. Телевизор включен, но последние десять минут он рассеянно массирует мои ноги, не обращая внимания на игру. Он что-то замышляет, и, судя по самодовольному выражению его лица, ничего хорошего.

— Что ты задумал, Сальваторе?

Он наклоняет голову в сторону, затем подносит мою ногу ко рту и целует кончики пальцев.

— Почему ты спрашиваешь?

— У тебя было такое же выражение лица, когда ты решил выдать сестру Артуро замуж и внедрить ее в сербскую организацию, чтобы она шпионила для тебя.

— Это был хитрый план. — Он кивает и перекладывает руки на другую ногу. — Жаль, что все вышло не так, как я ожидал.

Я едва сдерживаю смех, который грозит вырваться наружу. Он так злился, когда Сиенна продолжала кормить его случайной чепухой во время своих проверок. Сломанный холодильник и проблемы с карбюратором грузовика — вот это да!

— Ага. Артуро до сих пор злится на тебя из-за этого.

— Да. А еще он стал очень задумчивым в последние несколько месяцев. Срывается на своих подчиненных при малейших провокациях.

— Может быть, ему просто одиноко, и он не знает, как с этим справиться. — Я пожимаю плечами.

— Ты думаешь?

— Определенно. — Я киваю. — Он так долго заботился о своих сестрах, а теперь, когда они обе замужем, он не знает, чем себя занять. Может, тебе устроить брак и ему тоже? —

говорю я полушутя.

— В этом есть смысл.

— Что? — Я чуть не поперхнулась своим напитком. — Я пошутила.

— Это должен быть кто-то, кто сможет справиться с ним и со всем тем дерьмом, через которое он прошел. Не кроткая принцесса из Коза Ностры, которая будет смотреть на него, как на бога. Артуро нужен вызов. Кто-то, кто не будет плясать под его дудку.

— Боже. Можем мы просто забыть, что я только что сказала? — Я качаю головой.

Мой муж прищуривается, глядя на меня.

— Я не забываю ни одного твоего слова, сказанного мне с момента нашего знакомства, сага.

Да. У него память как у гребаного слона.

— В данном случае ты можешь сделать исключение.

— Нет. Это блестящая идея. И, кажется, у меня на примете есть идеальная женщина. Они будут великолепной парой. — Уголок его губ приподнимаются. — Если только они не убьют друг друга в процессе.

Эпилог

Несколько лет спустя

Я скрещиваю руки на груди и смотрю на шеренгу женщин, стоящих передо мной спиной к стене гаража.

— Думал, что мы договорились, но, похоже, я ошибся, — говорю я. — Итак, признавайтесь, кто это был на этот раз?

Никто не произносит ни слова. Их руки сцеплены перед собой, все четверо выглядят чертовски виноватыми. Я делаю шаг вперед и оказываюсь перед своей женой. На ней синий шелковый комбинезон с серебряными сердечками, весело переливающимися по материалу, и босоножки на высоком каблуке в тон блестящим формам.

— Сиенна? Это была ты?

— Конечно, нет, детка. — Она одаривает меня одной из своих ярких улыбок. — Ты же знаешь, я бы никогда не стала.

Кивнув, я подхожу и встаю перед своей старшей дочерью. Она одета в такой же комбинезон, как и ее мать, только зеленый.

— Я не ожидал от тебя такого, Александра.

— Это была не я, папочка. Клянусь!

— Угу... — Я перехожу к средней дочери. Она держит подол своей золотистой юбки, пытаюсь сохранить серьезное выражение лица, но видно, что она едва сдерживает смех. — У нас был серьезный разговор после того, как ты посыпала блестками продукты в холодильнике, и мы пришли к выводу, что некоторые вещи не предназначены для игр.

Она закрывает рот своими маленькими ладошками и хихикает.

— Но я этого не делала, папочка!

Я качаю головой. Иметь трех дочерей — нелегко. Дочерей, которые являются точной копией моей жены, что, конечно, делает жизнь непредсказуемой. И захватывающей. Я протягиваю руку и поправляю декоративный цветок, удерживающий хвостик Ирины, затем поворачиваюсь и приседаю на корточки перед младшей дочкой.

— Ты покрасила шины папиного мотоцикла в розовый цвет, малышка Дина?

Она прикусывает нижнюю губу.

— Ага.

— А помнишь, как мы говорили о том, что опасно ходить в гараж одной?

— Но я была не одна. — Она надувает губы. — Мамочка все это время была со мной.

— О, она была, да? — Я бросаю взгляд на свою жену, которая делает вид, что увлечена своим серебряным лаком на ногтях. — Значит, мамочка тебе помогала?

— Нет. Я все сделала сама. Твой мотоцикл весь черный, и я хотела сделать его красивым. — Она покачивает головой с абсолютной уверенностью в своем утверждении.

— Папочка ездит на нем на работу, Дина.

— Я знаю. — Она улыбается, гордясь собой. — Теперь у тебя самый красивый мотоцикл в мире! Ты можешь взять его на работу и показать друзьям.

Я представляю себе выражение лиц моих мужчин, когда я приеду на допрос на мотоцикле с розовыми шинами, и вздыхаю. По крайней мере, на этот раз на нем нет блесток.

— И твой шлем теперь будет соответствовать, — добавляет она.

— Мой шлем?

— Да. Ирина и Александра помогли мне наклеить на него маленькие наклейки с бабочками. Они еще и розовые!

Господи.

— А блесток нет?

— Они только для девочек, папочка. — Она неодобрительно сморщила нос. — Теперь мы можем пойти на кухню? Кева готовит яблочный пирог, и она обещала, что даст нам попробовать начинку.

— Тогда вам стоит поторопиться, пока Релья все не съел.

Я смотрю, как мои дочери бегут к задней двери дома, за ними следуют три собаки с огромными разноцветными бантами на шеях, затем выпрямляюсь и смотрю в лицо своей жене.

— Значит, это была не ты, да? — Я обхватываю ее рукой за талию и притягиваю к себе, прижимая к своей груди.

— Это всего лишь акварельная краска. — Она улыбается. — Она смывается.

— А наклейки?

— Идея девочек. Я попробую отклеить их жидкостью для снятия лака.

— Просто оставь эти чертовы штуки. — Я наклоняю голову и прижимаюсь губами к ее губам. — Как долго этот пирог их отвлечет?

— Минут десять, не больше. Яблочная начинка уже готова.

— Правда? — Я улыбаюсь.

Прижимая Сиенну к себе, я свободной рукой достаю телефон и набираю номер Рельи.

— Иди на кухню, — рявкаю я. — Возьми начинку для пирога, которую приготовила Кева, и выброси ее в мусорное ведро. Когда она придет, просто скажи ей, что нужно приготовить новую, и пусть девочки помогут ей от начала до конца.

С той стороны доносится истерический лепет Рельи, но я просто обрываю связь и убираю телефон в задний карман.

— Кева убьет вас обоих. — фыркает Сиенна.

— Тогда мне нужно убедиться, что наша грядущая смерть не будет напрасной. — Я заново жену в гараж и нажимаю кнопку, чтобы закрыть раздвижные двери.

Интересно, подходят ли ее трусики к ее туфлям и сегодняшнему лаку для ногтей?